

Виктор Ульяновенко

ШОКИРУЮЩИЕ КИТАЙЦЫ

ВСЕ, ЧТО ВЫ НЕ ХОТЕЛИ
О НИХ ЗНАТЬ

Виктор Васильевич Ульянов

Шокирующие китайцы. Все, что вы не хотели о них знать. Руководство к пониманию

Аннотация

Китай окутан массой домыслов, легенд и предрассудков. Хотя Россия и Поднебесная империя живут рядом друг с другом уже сотни лет, наши представления о восточных соседях часто крайне далеки от истины. В сознании рядового россиянина Китай представляет собой нечто среднее между идеальным носителем мирового культурного наследия, страной дворцов, пагод и небоскребов и скопищем полуголодных кули, день и ночь строящихся для всего мира ширпотреб плохого качества.

Виктор Ульянов доходчиво и без особых прикрас рассказывает об обитателях Поднебесной, их характере, привычках и особенностях поведения, психологии, а также о базовых навыках повседневного общения с нашими дальневосточными соседями и правилах выживания в Китае.

Ульянов В. В.

Шокирующие китайцы. Все, что вы не хотели о них знать. Руководство к пониманию

Виктор Ульянов (родился в Ленинграде в 1972 г.) – российский востоковед-китаист. Закончил восточный факультет СПбГУ (специализация «История Китая») и аспирантуру этого факультета. В отличие от многих кабинетных китаеведов, изучавших Восток лишь в тиши библиотек, или многочисленных стажеров, обучавшихся в КНР, но ограничивших свои исследования страны изучаемого языка лишь территорией родного кампуса, автор знает Китай не понаслышке.

Он проходил языковую практику в лучших университетах Пекина в начале 90-х годов, объездил Китай вдоль и поперек и побывал в различных провинциях и областях страны, посещая не только и не столько раскрученные туристские районы, но и труднодоступные, удаленные от накатанных маршрутов места. Так, он неоднократно странствовал по Тибету, пробираясь в него через горные хребты на границе с провинцией Сычуань, путешествовал автостопом по Синьцзяну, колесил на горном велосипеде по северо-восточным районам Китая...

Автор не только учился, но и работал в Китае: несколько лет он сотрудничал в Шанхае с крупной японской сталелитейной компанией, получив уникальный опыт общения с миром китайского бизнеса и промышленности. В настоящее время продолжает консультировать различные российские фирмы по проблемам ведения бизнеса в Китае.

Занимается научными изысканиями в области истории китайских криминальных обществ и религиозных сект, а также русской эмиграции в Китае.

По уровню знания китайского языка является одним из лучших специалистов в России: автора регулярно привлекают в качестве синхронного переводчика на самые ответственные переговоры, в том числе с участием первых лиц государства.

Не обошел своим вниманием Виктор и боевые искусства, став признанным специалистом по таким направлениям, как карате, саньда, циньна. Автор является вице-чемпионом мира по саньда 1997 года, чемпионом РФ по многоборью самозащиты 2007 года, сертифицированным инструктором по циньшуайда.

Таким образом, знания Виктора Ульянова по различным аспектам истории, культуры, спорта и современной жизни Китая весьма широки. Особенно отрадно, что автор с большим удовольствием делится этими знаниями с читателями...

От автора

Разумный человек всегда стремится узнать своих соседей. Как и родственников, их не выбирают (если речь не идет о переезде, конечно), от них очень сложно отделаться и иногда сложно с ними поладить. Поэтому знания о соседях, понимание их мышления и психологии никогда не бывают лишними, отсутствие таковых знаний и понимания может быть чреватым не только недоразумениями, но и самыми неприятными неожиданностями.

Наши восточные соседи, китайцы, давно уже отлично поняли эту незамысловатую и одновременно важную истину. Любой приличный книжный магазин Китая предложит интересующемуся отличный выбор книг о России от Рюрика до Медведева, либо написанных неплохими китайскими экспертами, либо переведенных с русского или западных языков. Наши история, политика, обычаи, знаменитые писатели и общественные деятели, войны и мирная жизнь – все это открытые и доступные сведения для каждого любознательного китайца. СМИ выдают большое количество относительно точных и информативных публикаций и передач о нашей стране... Конечно, у многих жителей Поднебесной империи знания о России ограничиваются небогатым набором «Петр Первый – Толстой – Ленин – "Аврора" – Сталин – Жуков – песня "Тройка" – "Подмосковные вечера" – "Служебный роман" – Медведев», но здесь проблема только со стороны потребителя информации (везде же есть кадры, которых кроме пожать-поспать не интересует ровно ничего). Да и «небогатый набор»... И то сказать, многие ли из нас с вами знают, кто такой император Канси, многие ли могут напеть мелодию хоть одной китайской популярной песни?.. Как бы то ни было, ученые, эксперты, писатели, переводчики, публицисты и журналисты в Китае делают свое дело неплохо, выдавая на-гора значительное количество того, что должны выдавать.

Не так обстоит дело в России. Казалось бы, наш огромный и пассионарный сосед с его глобальными амбициями и полуторамиллиардным населением, граница с которым тянется на тысячи километров, миллионы граждан которого уже переселились к нам (взгляните вокруг), давно должен был бы стать объектом нашего самого пристального внимания и изучения. По идее – так, но какую информацию о Китае мы можем сейчас разыскать? И где?

Кое-что, разумеется, есть. Ну, взять вот, к примеру, интернет, куда прежде всего лезет за информацией современный пользователь компьютера. Там как будто бы много соответствующих сайтов, еще больше блогов и форумов, посвященных Китаю, – вроде бы учиться не хочу, впитывай знания и сведения... Ну да, однако такой вот любопытствующий, пару дней полазивший по интернет-ресурсам о Китае, начинает чем-то напоминать человека, вывалившегося с ног до головы в мазуте: столько ему удастся набрать разнообразной белиберды, слухов, домыслов и баек, сочиненных самодеятельными авторами. И выбить всю эту ересь из его головы отнюдь не просто.

Время от времени блоги материализуются на бумаге, превращаясь в путевые и иные заметки странствующих офтальмологов, математиков, студентов и прочей публики, проведеншей пару недель в Китае и спешащей поделиться с нами своими глубокими философскими соображениями по поводу того, что «Восток – дело тонкое»... заодно нам часто рассказывают про происхождение всего на свете, атлантов, лемурийцев, Шамбалу... Иногда материализация происходит по телевизору, где некие «профессиональные путешественники» после экскурсии на Великую стену (один раз) и съеденной змеи (одна штука) берутся подробно рассказывать нам про китайские обычаи и традиции.

Уставший от всей этой виртуальной помойки искатель знаний отправляется в книжный магазин на поиски мнения авторитетных специалистов, и... там его тоже ждет разочарование. Российские и советские востоковеды издавна и по праву считаются одними из сильнейших в мире и к двадцать первому веку создали просто чертову прорву специальной литературы о Китае, но... для простого человека она бесполезна и малоинтересна, написана же часто не особенно внятным и нелегким для понимания языком и посвящена на 99 % таким особым предметам, о существовании которых обычный читатель никогда и не догадывался. Короче говоря, захотел человек узнать перед поездкой в Китай,

какая там у них на востоке пища – острая или неострая, – берет с полки книгу, а там: «Особенностью систематической литературы периода являются образцовые субкомментарии – такие, которые уже не занимаются расширением предмета философствования, а служат его логико-дискурсивной фиксации...», ну и так далее. Дай бог отдышаться после этого потока мудрости и аккуратно поставить книжку на место, не выронив ее из рук.

Иными словами, квалифицированные эксперты не очень-то любят снисходить до уровня простого читателя, оставляя эту сферу работы все тем же блогерам, странствующим электромеханикам и вообще всем кому не лень. Некоторые профессионалы, правда, время от времени спохватываются и решают создать нечто и «для народа», заодно впарив этому самому народу какую-нибудь бредоватую теоричку. Результат... судите сами: вот недавно, например, парочка китаеведов (один приличный, один – гениальный самоучка) решила развеять некие «мифы и заблуждения», якобы существующие у каждого простого русского (или скорее российского) человека по поводу Китая и китайцев. Среди разоблачаемых тезисов :

- «Изобретение наборного шрифта Би Шэном стало революцией в истории полиграфии»;
- «Название науки "химия" пришло из Китая»;
- «Китайское слово "хупо" – "янтарь" в переводе означает "душа тигра"».

И прочая пурга в подобном же духе. Не постесняюсь признаться, что, хоть и отдал изучению Китая уже больше двадцати лет, подобные темы и вопросы глубоко по барабану даже мне... что уж говорить о нормальном читателе?

Таким образом, книжка, которую вы сейчас держите в руках, призвана хотя бы в малой степени (Китай огромен во всех отношениях, а ложкой моря не вычерпать, но все же, все же) способствовать ликвидации того информационного вакуума, который может почувствовать каждый российский человек, захотевший узнать что-либо о РЕАЛЬНОМ Китае, НЫНЕШНИХ китайцах и их НАСТОЯЩИХ мышлении, психологии, привычках, обычаях и внешнем облике. Мне хотелось хоть немного восполнить тот пробел, который имеется у большинства наших сограждан в части представлений о современном Китае и его обитателях. Нам никуда не деться от этих наших ближайших соседей, так что пора бы о них кое-что узнать. Желательно что-нибудь реальное.

Как я обнаружил в последние годы, многие наши люди ввиду излишнего доверия к телепередачам и интернет-ресурсам обзавелись совершенно дикими стереотипами и предрассудками, связанными с Дальним Востоком вообще и с Китаем в частности. Мне хотелось бы приложить все усилия для ликвидации хотя бы части неверных представлений, которые могут иметь место у некоторых читателей.

Наконец, я старался не только по мере возможности объективно рассказать о современном Китае и его обитателях, но и сделать это более или менее интересно и увлекательно, заставив читателя не только вникнуть в предмет повествования и задуматься над ним, но и время от времени улыбнуться. Удалось ли мне достигнуть поставленных целей – судить, конечно, не мне, а вам, мои дорогие читатели (вы поистине дороги мне хотя бы тем, что заинтересовались предметом, составившим смысл больше чем половины моей жизни, и за это я искренне вам признателен).

Я хотел бы подчеркнуть, что все, что читатель сможет прочитать в нижеприведенном тексте, является субъективным мнением автора, основанным сугубо на личных наблюдениях и размышлениях. Я не претендую на свою исключительную правоту и истину в последней инстанции и заранее приношу свои извинения тем, кто лелеял иные, возможно – более красивые и сладкие, представления о Китае и китайцах. Я не хотел вас расстроить.

Пользуясь случаем, я хотел бы выразить мою самую глубокую благодарность людям, без которых этот текст вряд ли появился бы на свет, – моему учителю Борису Михайловичу Новикову и другу и единомышленнику Кириллу Лучкину, а также тем, без кого он (текст) едва ли был бы опубликован, – моему ангелу-вдохновителю Маргарите Федоровне Альбедиль и другу и соратнику Станиславу Лейкину: книга, которую вы сейчас сможете

прочитать – результат духовного взаимодействия с этими глубоко уважаемыми мною людьми. Очень надеюсь, что этот результат вам понравится.

С уважением

Виктор Ульяненко

Пекин – Шанхай, 2010 г.

«Лаовай, давай!..»

– Мы иностранцы, – сказал тот, что был полнее. – Догадываешься, почему мы об этом говорим?

Я утвердительно кивнул.

– Ты ведь тоже иностранец, – на всякий случай добавил худой...

Лао Шэ. Записки о кошачьем городе

Как хорошо, что мы живем в начале двадцать первого века. И нынче нам уже не грозит оказаться в положении известного русского путешественника Пржевальского, который, попав в Китай, был раздосадован и просто-таки взбешен тем фактом, что китайцы, общавшиеся с Николаем Михайловичем и членами его экспедиции, в глаза и за глаза называли их янгуйцзы (заморскими чертями). Пржевальский обнаружил, что местные жители применяют к нему столь нелестный термин даже не столько со зла, сколько оттого, что других слов для обозначения иностранцев в китайском языке нет. И именно этот лингвистический казус особенно расстроил путешественника, о чем последний и поведал нам в своих записках. Господин Пржевальский, обидевшись на китайцев, был одновременно и прав и не прав. Не прав в том, что счел китайский язык столь бедным (впрочем, самого путешественника винить в этом нельзя, просто не нашлось под рукой толкового переводчика): для обозначения лиц некитайской национальности у китайцев и во времена Пржевальского существовали и другие слова, кроме «чертей заморских». Прав же был путешественник в том, что практически все эти термины, за исключением современного нейтрального «вайгожэнь» («человек из внешнего государства»), носят пренебрежительно-презрительную окраску. Приведу примеры.

«Дабицзы» («большеносые»). По давящее большинство китайцев имеют маленькие, приплюснутые носы с очень низкой (или практически отсутствующей) переносицей. При этом надо заметить, что ярко сияющая звезда Голливуда и кумир сотен миллионов своих сородичей Джеки Чан обладает как раз весьма нехарактерным для китайца носом. Если бы Джеки не был широко известен и любим широкими китайскими народными массами, то его, пожалуй, могли бы и обозвать на улице по ошибке «заморским чертом» (страшно подумать, что случилось бы с обидчиком, но это к делу не относится). Так что практически любой иностранец, с точки зрения китайца, наделен огромным уродливым носярой, а иными словами, сей не украшающий лицо цивилизованного человека предмет является вообще отличительным признаком иностранца. Вот вам и «дабицзы».

«Лаомаоцзы» («волосатые чмошники»). А вот это уже касается нас с вами, уважаемые соотечественники, а не каких-нибудь там англичан или немцев. Китайцы, насмотревшись на бородатых сибирских первопроходцев и каз аков, «приклеили» данное имечко ко всем русским (слово это особенно распространено в Дунбэе – Северо-Восточном Китае). Коннотация «лаомаоцзы» крайне оскорбительна, но при этом в Дунбэе вообще гораздо больше конченных придурков, чем во всем остальном Китае.

И наконец, самое главное – «лаовай». Это слово вы услышите примерно в течение первых пяти минут вашего пребывания в Китае, если вам, конечно, посчастливится туда попасть. Не удивляйтесь: «лаовай» – это вы, и никто иной. Презрительный смысл этого слова передать нелегко, ведь составляющие его иероглифы сами по себе не несут отрицательной нагрузки: «лао» – «старый», «почтенный», «вай» – «внешний». Мне доводилось слышать даже «авторитетное» мнение некоторых иностранцев (закончивших, очевидно, какие-нибудь

ускоренно-трехмесячные курсы китайского языка и постигших смысл иероглифа «лао») о том, что слово «лаовай» – вовсе не обидное и несет в себе даже некий оттенок уважения. Одно такое письмо от подобного «специалиста» как-то с радостным визгом напечатала китайская официозная газета «Чайна Дэйли» – читайте, мол, товарищи иностранцы, мнение ваших сородичей и не обижайтесь, когда собравшаяся вокруг вас на улице толпа дружно верещит вам прямо в лицо: «лаовай, лаовай!», это ведь вам уважение и честь оказывают...

Короче: «лаовай» – слово не шибко уважительное. Лучше, чем «лаомаоцзы», но тоже не супер. Замечу также (чтобы вам больше не смогли прокомпостировать мозг эксперты с трехмесячных курсов), что кроме «иностранца» слово «лаовай» означает также «неумеха», «лох», «ничего не смыслящий (в каком-то определенном предмете) человек». Чтобы вы составили окончательное представление о своем новом наименовании, замечу, что один мой знакомый, тоже связанный по жизни и работе с Поднебесной империей, называет китайцев не иначе как «бандерлогами» (кто не понял – перечитайте «Маугли»). Так вот, «лаовай» и «бандерлог» – понятия очень схожие.

Однако, мой терпеливый читатель, не стоит сильно расстраиваться по этому поводу: далеко не каждый китаец, который кричит вам (а это он именно вам кричит, будьте уверены) вслед (или в лицо, что отнюдь не редкость) эти, по сути своей, обидные слова, хочет вас обидеть. Просто это привычка, если хотите, традиция жителей Серединного государства, их глубинное и сокровенное отношение к жителям других стран, которое создавалось и выковывалось веками и тысячелетиями...

Кстати, почему «Серединное государство»? Действительно, с незапамятных времен китайцы называли свою страну «Чжунго», что в буквальном переводе и означает «Серединное государство». Эти иероглифы сохранились и в современном официальном наименовании Китая: «Чжунхуа жэньминь гунхэго» («Серединная цветущая народная республика») – это КНР, «Чжунхуа миньго» («Серединная цветущая республика») – это Тайвань. В течение многих тысячелетий жители Китая полагали свою страну «серединной», то есть располагающейся в центре земли, а все окружающие и примыкающие территории – естественно, внешними и второстепенными. «Середи́на» в их сознании ассоциировалась с просвещением, цивилизацией и признаками высшей расы, а жители «внешних» стран просто олицетворяли собой дикость и варварство и, безусловно, значительно уступали китайцам во всех качествах.

Необходимо заметить, что на формирование такого, как принято говорить, «китаецентристского», взгляда оказали сильное влияние совершенно объективные географические факторы: китайские этнос и цивилизация, расширяясь в своих границах за пределы междуречья Хуанхэ и Янцзы, Великой Китайской равнины, не могли делать это бесконечно. Империя была ограничена с севера густыми лесами и неудобными полупустынями и пустынями, с востока и юго-востока – морями, с запада и юго-запада – горами. Таким образом, все земли, с точки зрения китайцев пригодные для обитания цивилизованных людей (китайцев), оказались заселенными цивилизованными людьми (китайцами)...

Для тех «иногородцев», что обитали на границах или вблизи границ Китая, были придуманы специальные иероглифы, означавшие, естественно, «варвары»: «северные варвары», «южные варвары» и так далее. Особенных прозвищ удостоились японцы, пользующиеся в китайском народе давней и устойчивой нелюбовью: «карлики-пираты», «карликовые черти с восточного океана» и так далее... Варвары, естественно, должны были быть либо усмирены, либо просвещены и исправлены посредством воздействия на них цивилизованных китайцев, и данная точка зрения, вместе с формами и методами «цивилизующего воздействия», была канонизирована конфуцианской доктриной. Эта доктрина, в свою очередь, за много веков буквально пронизала сознание населения Китая и стала в этой стране главенствующей.

Насчет «карликовых чертей с восточного океана»: не могу не отметить, что добрые японцы никогда не упускали возможности как следует «отблагодарить» своего великого западного

соседа за данные им оскорбительные прозвища; некоторые, впрочем, утверждают, что сначала сыны Страны восходящего солнца начали буйствовать на китайском побережье, а уж за эти бесчинства их стали впоследствии называть нехорошими именами, но... да какая разница! Главное в том, что малорослые, но при этом хорошо организованные и храбрые пираты действительно частенько устраивали налеты на прибрежные города и деревни Китая, грабя, насилая и сжигая все на своем пути, делая это с поистине японской тщательностью.

В зависимости от состояния экономики и военной машины Серединной империи к варварам применялись различные методы воздействия. В периоды своего процветания Китай обычно начинал боевые действия против соседей, отправляя огромные армии то на север, то на юг, и нередко достигал своей непосредственной цели: на какое-то время усмиренные и пристыженные варвары признавали себя вассалами и данниками китайского императора и вопрос закрывался. Ослабевание имперской экономики в связи с очередным династическим кризисом, естественно, немало породило коварных варваров, которые тут же принимались злобно хихикать и строить козни китайцам, устраивать набеги на пограничные территории империи, категорически отказывались платить дань и ловко давали по башке посылаемым на их усмирение китайским генералам...

Император Серединного государства, впрочем, мог не очень-то переживать по этому поводу. Во-первых, что касается дани, то главной целью сбора таковой с варварских племен и стран была вовсе не материальная выгода (судите сами, ведь делегации, привозившие подношения от данников к императорскому двору, зачастую одаривались добрым императором в ответ не просто в равнозначном объеме, а гораздо более ценными подарками), а демонстрация отношений «властитель – подданный», «сюзерен – вассал». Отсутствие привозящих дань делегаций означало для китайского правительства скорее не уменьшение доходов, а их увеличение (парадоксально, но факт!). Что касается идеологической стороны вопроса, то на случай неспособности Китая «определить понятия» с некультурными соседями военными способами была припасена отличная хитрость...

Ловкие конфуцианцы придумали оригинальную теорию «благой силы "дэ"». Согласно этой теории китайский император мог, в общем, и не применять для окультуривания нехороших варварских племен силу оружия, ведь он обладал гораздо более мощным средством: владыка Китая, будучи Сыном Неба, всем своим существом излучал некую благоую силу, которая исходила от него днем и ночью и в своем распространении не знала границ. Императору не нужно было шевелить и пальцем: сопредельные племена неминуемо попадали под мощное воздействие этой цивилизующей и облагораживающей силы, и если они не хотят платить дань и признавать главенство Серединного государства сейчас, они сделают это через год или два, ведь каждый день, независимо от их желания, сила «дэ» делает их все лучше, культурнее и разумнее.

Данная теория отлично помогала оправдать отсутствие военного противодействия, например, наседающим кочевникам, и «сохранить лицо» как лично императору, так и всей империи в целом. Дальнейшие события могли развиваться по-разному: к примеру, варвары, не успевшие радикально улучшить свою коварную сущность под воздействием силы «дэ», собирались с силами и помогали императорской династии рухнуть, после чего нередко сами захватывали власть, устанавливали свою императорскую династию и... через короткое время растворялись в океане китайского населения, скоро забывая о своем «варварском» происхождении и начиная «окультуривать» соседей силой оружия или благой мощью императорской «дэ». Такой вот круговорот воды в природе.

Или существовавшая династия могла подкопиться сил, выйти из экономического кризиса и, воспрянув духом, присовокупить к благой силе «дэ» более убедительную для некоторых силу меча, арбалета и боевых колесниц... И вскоре новые делегации варваров-данников начинали тянуться к императорскому двору, дабы выразить смирение, признать себя вассалами и данниками, быть обласканными Сыном Неба и одаренными стократ...

Установлению непреодолимой границы между китайцами и иноземцами история

старательно способствовала и в дальнейшем. Столкнувшись с совсем уж непривычными для себя варварами – странными белыми людьми, приплывшими из-за моря на больших парусных кораблях, совершенно не собиравшимися выражать верноподданнические чувства китайскому императору, а желавшими торговать по крайней мере на равных, а то и более того (и вообще говорившими и делавшими немало необычных вещей), Серединная империя окончательно замкнулась в себе, закрыв для пришельцев свое побережье и оставив для торговли только один морской порт (Гуанчжоу), причем обмен товарами совершался под стенами города, а вовсе не на каком-нибудь базаре в его пределах.

Итак, жители Серединного государства и варвары. Культура и дикость. Цивилизация и вандализм. Но не слишком ли мы углубились в исторические рассуждения? Бог с ней, с историей, но я хотел бы сказать вот что: практически в каждом китайце, будь это старик или ребенок, мужчина или женщина, крестьянин или ученый, живет древняя, прочная и неискоренимая уверенность в том, что китаец, независимо от своего пола, возраста, образования, материального достатка и всех прочих факторов, обязательно лучше, умнее, порядочнее и цивилизованнее любого иностранца. Несколько похожее внешне отношение к иностранцам бывало и бывает свойственно далеко не только жителям Серединной империи, но и, опять же в большей или меньшей степени, представителям других наций... Но в нашей книге речь идет именно о китайцах, поэтому на сравнения и культурно-исторические параллели отвлекаться не будем.

Итак, в девятнадцатом веке Китай столкнулся с совершенно новой для себя разновидностью иноземцев. Раньше варваров можно было «усмирять», вести против них победоносные (или не очень) войны, принимать от них дань, заключать династические браки или, если противник оказывался сильнее, как, к примеру, в случае с маньчжурами, установившими свою династию на имперском престоле, потихоньку ассимилировать их, растворять в черноголовой желтокожей массе, превращая в «своих». Но агрессивные белые люди, приплывшие из-за океана на огромных кораблях с большим количеством пушек, сумели заставить китайцев покориться и разувериться в своей непобедимости. Превращение Китая в полуколонию, описанное в учебниках истории, – не преувеличение, а констатация факта.

Осознание китайцами своей беспомощности в экономическом и военном плане способствовало постепенному формированию у них нового комплекса, теперь уже комплекса неполноценности. Первая половина двадцатого века как нельзя более способствовала развитию данного чувства, ибо тогда в восточно-азиатском регионе начал властвовать новый гигант (но уже в смысле не величины территории, а экономической и военной мощи) – Япония. Теперь уже не белым, а желтым оккупантам относительно легко удавалось справляться с баснословно многочисленным и невероятно трусливым противником, захватывая провинцию за провинцией. Только победа союзников во Второй мировой войне и молниеносный разгром японской группировки в Китае советской армией положили конец жестокому унижению достоинства китайской нации.

Конечно, современные китайские историография и пропаганда имеют свой взгляд на происходившие в прошлом веке события. Почти любой китаец уверен в том, что «японцев разгромила Народно-освободительная армия Китая под чутким руководством товарища Мао Цзэ Дуна», и т. д. и т. д. Не отрицая военных талантов великого вождя, замечу, что вышеупомянутая армия, являясь, по сути, объединением партизанских отрядов, во время так называемой Антияпонской войны была занята в основном выяснением отношений с гоминьдановским режимом, в чем также очень долго не могла преуспеть, а отнюдь не борьбой с «карликовыми чертями». Плохо организованные и еще хуже вооруженные партизаны не могли составить серьезной конкуренции ни японским оккупантам, ни гоминьдановской регулярной армии. Последняя, однако, в несколько раз превосходя японские войска в Китае по численности и регулярно получая военную помощь от США и СССР (оружием, боеприпасами, кредитами, военными советниками, «добровольцами» –

летчиками, танкистами и артиллеристами и т. д.), до конца войны занималась в основном жалкой мышинной возней, отступая, сдаваясь и позорно разбегаясь.

Ситуация в корне изменилась в 1945 году, когда японская Квантунская группировка была перемолота мощными ударами советских войск, а трофейное японское оружие, включая, разумеется, и тяжелое вооружение, передано отрядам товарища Мао. Лишь с этого момента дни правления Гоминьдана были сочтены, и компартия вскоре окончательно преуспела в вооруженной борьбе с большей частью собственного народа...

Но засевшие в обиженном мозгу (или где уж там копится обида?) подобно занозе комплексы не дают покоя нашим соседям, подвигая их (позвольте уж один маленький пример) на совершенно фантастическое творчество в области кино. Попав в Китай и включив вечером телевизор, вы сможете на добром десятке каналов наблюдать титаническую борьбу доблестных величественных героев (раньше это были исключительно бойцы с партбилетами и маузерами, сейчас попадают изредка и патриотически настроенные гоминьдановцы, и старорежимные неподкупные чиновники) с отвратительными коварными оккупантами в лице англичан (девятнадцатый век) и японцев (век двадцатый).

Силы киноподвижников не иссякают, патроны не кончаются, враги режутся, взрываются и сжигаются с особой жестокостью и садизмом полками, дивизиями и целыми армиями, мастера кунг-фу голыми руками уничтожают сонмы вооруженных до зубов врагов... Если бы наши восточные друзья в реальной жизни проявили хоть одну десятую нынешней кинематографической доблести и отваги, то к настоящему моменту Китай завоевал бы не только весь мир, но и по меньшей мере половину галактики.

Я глубоко убежден в том, что обо всем этом необходимо помнить, обращаясь к некоторым вопросам, связанным с Китаем и его обитателями. Конечно же, проблемы настоящего отношения китайцев к иностранцам, ввиду крайне щекотливого своего характера, весьма редко упоминаются, но обходить их все время невозможно. Очевидно, перекошенное отношение китайцев к внешнему миру – не вина их, а скорее беда, в изначальном варианте – результат многовекового воспитания в духе косных конфуцианских представлений об устройстве вселенной и следствии определенных исторических процессов. Однако стыдливое замалчивание данной проблемы, имеющее место сегодня, вовсе не идет на пользу ни китайцам, ни иностранцам: китаец продолжает втихомолку считать иностранцев «унтерменшами», по-прежнему внутренне противопоставляя себя и «варвара», иностранец же не может до конца понять сути своих взаимоотношений с китайцем (на любом уровне, вплоть до дипломатических связей) и часто тешит себя прекрасными иллюзиями типа некоего «стратегического партнерства» и «равноправного взаимовыгодного сотрудничества». Тридцать три «ха-ха»...

Обычно на этом месте моих размышлений я почему-то слышу враждебное нечленораздельное хрюканье, базовый смысл которого сводится к банальной фразе «со своим уставом в чужой монастырь не ходят» и «мы должны дружить с Китаем». Для тех, кто совсем в бронепоезде, сообщаю, что ни с каким уставом ни в какие монастыри и не собирался и вообще я убежденный антиклерикал. Однако трезвое осознание объективной реальности как чужого монастыря, так и своей синагоги или ракетной шахты умному человеку явно не помешает. Дурак же может продолжать мыслить благостными штампами, толлько как бы ему впоследствии об этом не пожалеть.

Одновременное существование в китайской душе противоречивых комплексов неполноценности и превосходства, хочется надеяться, не бесконечно: время идет, поколения сменяются, мир движется к интеграции... (надо же автору показаться политкорректным). По крайней мере, так принято представлять. В теории. А пока что для среднего китайца мир продолжает четко разделяться на «людей Серединого государства» и недочеловеков-

«лаоваев». Что весьма показательно, даже для китайца, прожившего лет этак двадцать в Австралии, Швеции или России, все местное население продолжает оставаться «лаоваями», а настоящими полноценными людьми, заслуживающими на сто процентов людского к себе отношения, являются только уроженцы все того же Серединного государства. Более того, такой же категорией зачастую мыслит и китаец, родившийся за пределами Китая и, возможно, в жизни не бывавший на своей исторической родине. А уж факт приобретения вожделенного для большинства китайцев западного (американского, канадского, австралийского и т. п.) гражданства и тем более никаким образом не заставляет счастливого обладателя новенького заморского паспорта прекратить наконец смотреть на некитайцев сверху вниз.

Квинтэссенцией отношения китайца к человеку западной расы является распространенная формулировка «сы чжи фа да, тоу нао цзянь дань» («руки-ноги здоровые, а голова туповата»). Как мы видим, даже тот факт, что средний китаец по сравнению со средним европейцем выглядит несколько (случаются разные вариации) миниатюрней, послужил основанием для появления такой вот ядовитой присказки, до которой не додумались ни тайцы, ни лаосцы, ни камбоджийцы, в общем и целом еще более мелкие и щуплые. Ну, комплекс есть комплекс...

Насчет «туповатости головы» иностранцев китаец может рассуждать практически бесконечно и с особым сладострастием (особенно когда он чувствует себя в безопасности, где-нибудь перед экраном монитора в своей теплой норке). Одним из основных китайских аргументов, кстати говоря, является утверждение о Китае как родине всех изобретений человечества – ну, старая песня, вы тоже, вероятно, ее слышали: компас, порох, бумага и прочее ля-ля-ля, а иностранец, дескать, ни на какие изобретения не способен, поскольку «сы чжи фа да...». В общем, «у попа была собака». Но задайте-ка оппоненту вопрос, что из тех вещей, которыми он пользуется в повседневной жизни (телефон, автомобиль, телевизор, шариковая ручка и т. д.), изобретено в Китае. Едва ли вы получите внятный ответ.

Несмотря на «интеграции», «глобализации» и пр. и пр., в настоящее время средний китаец ощущает себя никак не менее, а то и гораздо более особенным и выдающимся, чем когда-либо. Государственная власть старательно внедряет это ощущение в его сознание всяческими и разнообразными путями и способами. Например, создание и финансирование настоящих Ниагар, вернее – Хуанхэ и Янцзы упомянутой немного выше ультрапатриотической кино- и видеопродукции производится далеко не только из-за пресловутых комплексов; предположить подобное – незаслуженно заподозрить всю нацию в тотальном слабоумии. Таким образом, промывания мозгов избежать непросто, ведь даже в самой отдаленной деревне Китая теперь имеются и электричество, и коллективные спутниковые антенны...

Другой пример: вспомните недавнюю пекинскую Олимпиаду и те невиданные нигде и никогда титанические усилия и финансы, потраченные начальством наших соседей ради занятия первого места с большим отрывом от конкурентов. О, это первое место любой ценой! Я здесь не об «одноразовых» зазомбированных спортсменах, очередной хитрой биохимии и скупленном на корню судействе, о которых так любят порассуждать мерзкие злопыхатели (автор решительно против подобных инсинуаций!). Принято полагать, что убедительная победа на Олимпиаде была позарез нужна Пекину для повышения своего международного статуса и демонстрации своих выдающихся способностей внешнему миру; однако кажется мне, что пресловутый внешний мир занимал в системе китайского целеполагания лишь незначительную частичку в виде одной десятой или около того... поскольку статус и способности доказывались в основном не кому иному, как своему собственному народу... Пожалуй, рассуждения по поводу агитации и пропаганды стоит на этом и закончить, иначе этак можно будет дорассуждаться и до вопроса «зачем?», и до создания идеологической базы для уже происходящей в полный рост глобальной китайской

экспансии, а в этой книге вопросы геополитики я обсуждать не собирался.

Не будем забывать и о том, что сейчас Китай – наиболее динамично развивающаяся страна в мире. Окружающее со всех сторон жителя практически любого китайского города бурно растущее царство стекла, бетона, хороших дорог, товарного изобилия и новых технологий не может не внушать этому самому жителю закономерное чувство гордости за свою страну. Нетрудно представить чувства человека, осознавшего, что впервые за последние полтора столетия его страна независима, авторитетна и сильна настолько, что уже может изредка показать фигу Америке и оттяпать пару островов у великого и могучего северного соседа... Плюс в городе новую очередь метро открыли, аж сразу тридцать станций – тут и не захочешь, а загордишься. А если до твоей деревни метро еще не дотянули и денег в принципе хватает только на покупку нового пластикового тазика, то к атмосфере общего праздника тебе поможет приобщиться телевизор.

Учитывая все это, можно порой немного лучше понять «загадочное» поведение какого-нибудь знакомого китайца или некоторые моменты политики китайского правительства. Если вы вдруг попадете в Китай, вам будут гораздо очевиднее причины и мотивы поступков людей вокруг вас. Чего ожидать, к чему готовиться и на что надеяться, а где, может быть, и подыграть немного партнеру, уверенному в вашей умственной и культурной неполноценности, – понимание всего этого будет даваться вам гораздо легче. По крайней мере, я очень на это надеюсь. Единственное, на что точно не стоит рассчитывать, – это на то, что нас ТАМ будут хоть когда-нибудь рассматривать как полностью равных себе. Несмотря на возможное соблюдение внешних приличий, мастерски сложенные улыбки и столь милые сердцу российского человека тосты, поднимаемые за вечную и нерушимую дружбу...

Если вы вдруг спросите про исключения, то они бывают. Когда и как? Нужно вспомнить замусоленную полуграмотными журналистами фразу Киплинга о Западе и Востоке, которые якобы не сойдут с места, и внимательно посмотреть на следующее после нее предложение. Там все написано...

Китайская грамота

Ученье – свет, а неученье – тьма.

Русская народная поговорка

Эта фраза знакома нам с детства, но не все догадываются, в какой степени знание иностранных языков может облегчить жизнь и насколько их незнание способно выйти боком, если случаю ино возникнет некая нестандартная ситуация. Овладеть же хотя бы одним, кроме своего родного, языком, непросто: тут требуются и время, и способности, и учебные материалы, и преподаватель, и словари, и звукозаписи, и... самое главное – желание. И хотя падкое до халявы (и при этом легкоеверное) человечество постоянно «покупается» то на «25-й кадр», то на таинственные, не слышимые нормальным ухом закодированные сигналы на аудиокассете, то на подобную же ерунду, якобы позволяющую «выучить английский за 5 дней», все эти эзотерические методы – не что иное, как наглый обман. Без труда в течение довольно длительного времени не только не вытащить пресловутой рыбки из пруда, но и не заговорить на иностранном языке. Если не верите, то либо спросите кого-нибудь из своих знакомых, имеющих специальное образование в области зарубежной филологии, либо попробуйте поучиться сами.

Если, паче чаяния, вы вдруг очень захотели овладеть китайским, то особенно драматизировать ситуацию тоже не следует – в конце концов, в русском языке кроме выражения о той самой рыбке из пруда существует и поговорка насчет терпения и труда, которые все перетрут. (Для поклонников быстрых эзотерических путей придумано присловье насчет елки и рыбки.) Конечно, еще и какие-то способности к учебе надо бы иметь, но практика показывает, что, во-первых, они (способности) – не главное, во-вторых, их вполне можно развить в процессе обучения.

Плохо обычно идет учеба у того, кто боится самого изучаемого предмета. И сложилось так, что дальневосточные языки, и китайский в частности, считаются гораздо более сложными, чем европейские, последних боятся меньше. Для простого человека китайский язык – настоящая страшилка типа Змея Горыныча о шести головах. Ведь и русское выражение «китайская грамота» подразумевает собой нечто очень сложное, беспросветное и особенно непонятное для восприятия, а возникло-то оно именно после того, как наши предки впервые узрели, как выглядит иероглифический текст. И человек, овладевший, даже не очень здорово, настоящей «китайской грамотой», у нас обычно воспринимается как настоящий герой, обладающий к тому же сверхспособностями. Так сложно ли действительно выучить китайский?

Первое «пугало», стоящее на пути отважного начинающего, – это, конечно, иероглифы. Принято считать, что этих самых непонятных значков очень много и запомнить их все некитайцу просто невозможно, а значит, не выучишь, мол, и язык. Действительно, большие китайские словари содержат свыше шестидесяти тысяч иероглифов, и даже самый образованный китаец не выучит не то что все их, но и четверть такого огромного материала. Не потому, что не хочет или не может, а потому, что ему это и не нужно, ведь наибольшую часть вышеуказанного объема составляют иероглифы малоупотребительные, устаревшие, относящиеся к древнему языку, высокому литературному стилю и т. д. В повседневной жизни активно используются всего лишь около трех тысяч знаков – примерно столько нужно уметь читать для того, чтобы полностью понимать содержание неспециальной литературы, прессы и деловой переписки. Естественно, для чтения вывесок и ресторанных меню достаточно гораздо меньших знаний, а вот для решения более широких задач нередко и самим китайцам приходится обращаться к толковым, китайско-китайским, словарям. Что скажете, уже проще?

Жизнь смельчака, решившего овладеть китайской грамотой, облегчается еще и тем немаловажным фактом, что каждый иероглиф складывается, как из кирпичиков или деталек детского конструктора, из более простых элементов – «ключей», которых и совсем немного, всего-то около двухсот. Кстати, многие из этих «ключей» могут употребляться и по отдельности, как самостоятельные иероглифы. Получается, что, выучив эти двести не особенно сложных знаков, начинаешь понимать логику образования даже самого запутанного иероглифа, состоящего из многих десятков черт.

В двадцатом веке задача изучения китайской письменности, стоявшая не только перед будущими иностранными востоковедами, но и перед каждым китайцем (если только судьба не уготовила последнему беспросветную кабалу на рисовом поле), была очень значительно упрощена реформой языка, завершенной уже после образования КНР. Описывая этот долгий и сложный процесс в двух словах, скажу, что еще до революции 1949 года в основном успешно осуществлялся переход литературы, прессы и делопроизводства с «вэнь-янь» (старого, усложненного и возвышенного стиля) на «бай-хуа», письменный язык, приближенный к разговорной речи. А уже в годы КНР написание большинства широкоупотребительных иероглифов было упрощено, и, к примеру, знак, насчитывавший в прошлом двадцать – тридцать черт, теперь состоит всего из семи-восьми.

Гонконг и Тайвань не приняли тогда новорожденные «цзяньтицзы» (упрощенные иероглифы) и до сих пор пользуются традиционными «фаньтицзы», то есть «иероглифами полной формы». Но не думайте, что прямо-таки любой житель Гонконга или Тайваня сможет «с лету» написать любой знак, о котором вы его попросите, даже относящийся к числу самых ходовых. Иными словами, уметь прочитать и уметь написать – два довольно разных навыка, и для того чтобы выучить необходимую китайскую лексику, вовсе не обязательно становиться классным каллиграфом.

Более того, это явление, когда человек может прочитать, но не может написать иероглиф, которое было бы в высшей степени непонятно для благородных мужей конфуцианской эпохи, все шире и шире распространяется в китаеязычном мире. С каждым годом, и даже с каждым месяцем, все большее количество китайских текстов не пишется от руки (хотя бы в

черновике), а изначально вводится с клавиатуры ПК. Получается, что журналист, пишущий статью, или студент, работающий над рефератом, частенько совсем не задумываются над тем, какие черты, в каком порядке и даже в каком количестве составляют тот или иной знак, – облик последнего воспринимается достаточно мимолетно и в целом, без необходимого для правильного написания иероглифа вдумчивого понимания самых базовых его элементов.

В общем, китайская иероглифика действительно требует серьезных усилий при изучении (как и любой другой иностранный язык), но не является чем-то сверхсложным и непостижимым. Каждый год иероглифы начинают осваивать миллионы юных китайцев, и всем им предстоит практически тот же путь, что и иностранцу, по каким-то причинам решившему научиться читать и писать по-китайски. Чаще всего и те и другие в конце концов добиваются своей цели.

Отвечу на непременно возникающий здесь вопрос о том, похожи ли друг на друга китайский и японский языки. Итак, это совершенно разные языки, относящиеся к различным языковым семьям. Их фонетика, грамматика и т. д. совершенно не похожи. НО: японцы в свое время заимствовали китайские иероглифы и используют их для записи своих слов (однако читаются эти знаки в японском языке совершенно по-другому) соответствующего смысла. Поэтому каждый грамотный китаец, так же как и некитаец, владеющий китайским языком, просмотрев японский текст, не сможет прочитать его вслух, но будет в состоянии понять его основное содержание; то же самое относится и к японцу, просмотревшему какой-либо текст на китайском. Кроме того, японцы, с детства привыкшие к употреблению иероглифики, обычно быстро делают большие успехи в изучении китайской грамоты, и многие из них замечательно красиво пишут. Но при этом, что забавно, других иностранцев, которым бы так же туго, как японцам, давалась китайская фонетика, я еще не встречал.

Очень распространено представление о китайском языке (теперь я уже имею в виду разговорную речь) как об исключительно музыкальном и певучем наборе звуков, для изучения которого, мол, обязательно необходим музыкальный слух... А вот для изучения, скажем, немецкого музыкального слуха не надо, значит, мол, китайский – сложнее.

И правда, северные говоры, как и созданный на их базе нормативный общекитайский язык «путунхуа» (тайваньский вариант – «гоюй»), имеют четыре или, если считать и так называемый «нулевой», пять тонов. В большинстве же южных диалектов – южнофуцзяньском, хакка, гуандунском и других – один и тот же слог (кстати, большинство слов современного китайского языка – двусложные) может быть произнесен в шести и более различных тонах. В зависимости от тона его смысл будет совершенно отличным от других, и, само собой, на письме он будет передаваться своим иероглифом. В китайском языке, в отличие от японского, один слог – это один иероглиф, а один иероглиф – это один слог.

Так что же такое этот самый «тон»? На самом деле к музыке он прямого отношения не имеет, и музыкальный слух нужен скорее для более быстрого запоминания правильной интонации китайского предложения, чем для освоения тех тонов, в которых произносятся отдельные слоги. Как бы объяснить скорее и понятнее? Представьте ровный звук работы хорошо отрегулированного автомобильного двигателя или длинный, протяжный гудок тепловоза. Представили? Вот это и напоминает первый тон китайского языка.

Далее. Вы ехали на той же самой машине с хорошо отрегулированным мотором со скоростью сорок километров в час, и вас остановил голодный гаишник. «Товарищ водитель, почему вы превышаете скорость?» – «А кто превышал? Я???!!!»... Вот это «Я???!!!» и было произнесено вами, скорее всего, во втором (восходящем) тоне китайского языка.

Послушайте, как чудно, хотя и однообразно, ругаются герои американских фильмов: «Шит! Шит! Фак! Фак! Фак!» Эти слова произносятся ими почти в идеальном соответствии с четвертым (нисходящим) китайским тоном, хотя ни Сталлоне, ни Брюс Уиллис, я уверен, по-китайски – ни в зуб ногой.

Описание третьего тона я опускаю, так как подручными средствами здесь не обойтись. Но

поверьте на слово – ничего сложного и в нем тоже нет.

Предполагаю, что в гуандунском диалекте с его шестью тонами дело обстоит несколько сложнее, но, вероятно, ненамного. Проверить это можно, изловив какого-нибудь ближайшего к вам кантонца (он же гуандунец), поскольку настоящих отечественных специалистов по этому диалекту у нас в стране нет и в ближайшее время не предвидится.

Как и иероглифы, тональная система китайского языка требует определенных усилий и времени при изучении, но чем-то сверхъестественно сложным никак не является. Тоны важны, так как слог, произнесенный в неправильном тоне, может заставить измениться и значение слова (и даже предложения), частью которого он является. Недоразумения нередки даже в процессе общения между двумя китайцами из разных частей страны, ибо изначальные особенности их родных диалектов часто оказывают влияние и на тот «нормативный» язык, на котором они стараются говорить друг с другом. Так что и «путунхуа» можно услышать в самом разнообразном исполнении. К чести китайцев нужно заметить, что они обычно очень старательно пытаются по нять речь собеседника, – я знаю некоторых наших «кадров», которые говорят по-китайски вообще без всяких там тонов и тем не менее спокойно общаются с жителями Поднебесной...

Интересно, что жителям разных стран освоение китайского дается по-разному. По моим наблюдениям, быстрее и лучше других овладевают произношением, тонами и правильной разговорной интонацией славяне: русскоговорящие, поляки, чехи, болгары. Японцы, с их изначальной зажатой артикуляцией, на любом этапе обучения сохраняют сильнейший акцент, но при этом, как уже говорилось, превосходно пишут и читают по-китайски: если владеешь иероглификой с детства, то это нетрудно.

Единственный известный мне действительно преуспевший в китайском языке англосакс – некто Марк Роузвелл, или Дашань (его китайский псевдоним), канадский уже не очень молодой человек, научившийся говорить по-китайски замечательно бегло и почти без следов иностранного акцента. В 1990-е годы этот господин прославился, без всякого преувеличения, на весь Китай, принимая участие в телевизионных диалогах традиционного юмористического жанра «сяншэн» (чем-то напоминающего «новых русских бабок», только без платочков). Тогда для китайских телезрителей тараторящий на их родном языке белый иностранец представлял собой такую невидаль, что имя Дашань знали в Поднебесной, кажется, даже младенцы...

Для большинства остальных англосаксов все китайское остается такой непроходимой экзотикой, что любой их соотечественник, отважившийся выучить несколько фраз на языке Конфуция и Сунь Ятсена, автоматически записывается в эксперты. Такой «эксперт» часто настолько раздувается от сознания собственной значительности, что не считает уже нужным выучить что-либо еще, кроме того, что уже знает, и быстро останавливается в своем прогрессе.

В плане изучения китайского языка россияне находятся в относительно выигрышном положении. Преподавание китайского началось в России примерно тогда же, когда зародилась и вся российская китаеведческая наука, то есть уже более ста лет назад. За эти годы в нашей стране был накоплен такой колоссальный опыт методики преподавания, что в этом отношении Россию вряд ли скоро переплюнут даже сами китайцы, и прежде всего в том, что касается изучения настоящей «базы» – китайской грамматики, иероглифики и лексики. Конечно, для нормального овладения разговорными навыками без достаточно длительной поездки в Китай не обойтись: «Учеба важна, но практика – незаменима» – эта крылатая фраза крайне подходит и к такому предмету, как китайский язык.

Сами китайцы вплотную занимаются проблемами профессионального обучения своему языку иностранцев сравнительно недавно, всего лишь около двадцати лет. Поэтому, несмотря на море разнообразных учебников, выпущенных в КНР в 1980-е и 1990-е годы, количество пока не перешло в качество. Людей, изучавших китайский язык только в китайских вузах, можно считать лишь жертвами несовершенной системы образования, во многом впустую потратившими свое время и, зачастую, средства. Конечно, из любого

правила есть и исключения; поэтому, уважаемые заинтересованные лица (то есть эксперты, изучавшие язык только в Китае), перестаньте наконец недовольно бухтеть по поводу моих выводов и считайте себя великолепными исключениями. И будет вам счастье...

Справедливости ради замечу, что ни «жесть» девяностых, ни бездарные и беспощадные «реформы» двухтысячных не улучшили, естественно, ситуации с изучением китайского в России. Дело здесь, во-первых, в том, что не каждый (мягко говоря) приличный специалист пойдет работать в вуз на нищенскую зарплату (хотя не только в зарплате дело), а иные кадры давно уже из этих самых вузов сбежали куда глаза глядят. Во-вторых, за поспеперестроечные годы произошло радикальное изменение мотивации у студентов-китаистов: если раньше за партой оказывались люди, которым Китай (и в частности китайский язык) был по-настоящему интересен сам по себе, то теперь большинство интересуется только возможностью и перспективами заработка после окончания института. Тем более что перспективы имеются.

Бурные и беспорядочные экономические связи последних лет между Россией и Китаем породили и необходимость сопутствующего языкового взаимодействия при обмене природных ресурсов на ширпотреб (куда ж без переговоров, контрактов и совместных пьянок). Соответственно, в сознании многих и многих вчерашних школьников возник однозначный знак равенства между словосочетанием «китайский язык» и куском хлеба с относительно жирным слоем масла на нем... и популярность этой специальности по сравнению с началом девяностых мно гократно возросла. Спрос рождает предложение, и разномастные шарлатаны с радостным визгом начали открывать отделения и целые факультеты «китаеведения» при своих «университетах» и «академиях» (при советской власти квалифицировавшихся как простые ПТУ)... Результат, как водится, налицо.

Кстати, что значит «эта специальность»? Понятно, что китаеведение (синология, если это слово кому-то нравится больше) в общем-то предполагает владение китайским (как ни странно, бывали в истории блестящие синологи, не умевшие или почти не умевшие писать и / или говорить по-китайски). Но просто выучить пару сотен иероглифов и научиться более-менее бегло трещать на языке нашего восточного соседа – еще не значит стать синологом. Короче, как говорится, не всякая рыба – ихтиолог...

Между прочим, если одновременное наличие в китайской речи и различных тонов, и особенной интонации всей фразы позволяют говорить о некоторой «музыкальности» этой самой речи, воспринимаемой на слух, то представления некоторых о якобы имеющей место «музыкальности» всей китайской нации явно преувеличены. Конечно, сами китайцы, как всегда, немало постарались (и сейчас стараются) ради распространения этого лестного для них мифа.

«Во-первых, – говорят они, – послушайте только наш прекрасный мелодичный язык, и все станет ясно. Во-вторых, все китайцы настолько любят петь, что просто невозможно не признать нас очень музыкальной нацией...»

Однако, если китайская речь в действительности порой звучит мелодично и приятно для уха, то о певческих способностях большинства наших соседей ничего приятного я сказать не могу. И в самом деле, китайцы крайне склонны к постоянному напеванию, подвыванию и насвистыванию своих любимых мелодий, причем часто делают это очень громко, вовсе не стесняясь окружающих, даже если находятся в плотной толпе на улице или в переполненном вагоне. Если в лифте рядом с вами мужчина средних лет вдруг громко взвыл аки волк, ник то не обратит на него особого внимания – все привыкли к подобным ужасам с детства. Что же касается столь любимых в «черноголовом народе» (так обращались иногда к своим подданным китайские императоры) многочисленных заведений под названиями «караоке» и «KTV», то песни оттуда разносятся и вовсе почти круглосуточно. Но качество, уважаемые граждане, качество...

Голоса у большинства китайцев и взаправду громкие, но иногда думаешь, что лучше бы они были потише. Многие эти самодеятельные певцы нещадно фальшивят и просто противно орут, ошибочно полагая издаваемые звуки пением. Короче говоря, когда вы

своими ушами убедитесь в том, как выглядит в своей массе китайская «музыкальность», то любой мартовский кот под окном покажется вам настоящим соловьем...

Зато китайцы крайне усидчивы и старательны в изучении иностранных языков, особенно английского. Когда-то, в 1950-1960-е годы (во времена большой дружбы СССР с Китаем), фаворитом был русский, и трудно найти в КНР человека соответствующего возраста, не изучавшего тогда наш язык в школе или в институте. Конечно, сейчас по большей части всё, кроме нескольких фраз, забыто, но иногда встречаются среди «того» поколения и такие лингвисты, слушать которых, в отличие от большинства «певцов», настоящее удовольствие. Порой не верится, что разговариваешь с иностранцем, такими лихо закрученными фразеологическими оборотами и к месту вставленными пословицами и поговорками изобилует их язык. Между прочим, это не только плоды усердия самих китайцев, но и результат той громадной работы, которая была проделана в свое время в Китае нашими специалистами... Потом наступил перерыв, и русский язык в Поднебесной империи долго был не в почете, а затем преподавание вновь возобновилось, хотя и не в таком масштабе и не с таким старанием.

Лично я знаю очень многих молодых китайцев, закончивших китайские же вузы по специальности «русская филология» и, естественно, имеющих дипломы в этой области. Но лишь двух или трех из них я мог бы сравнить с китайскими специалистами-русистами того, старшего поколения: нынешняя молодежь отчаянно путает склонения, спряжения и времена и, самое главное, нисколько сим фактом не смущаясь, продолжает быстро лопотать что-то, из чего с трудом удастся разобрать немногим более половины. К счастью, я имею возможность общаться с этими деятелями на их родном языке... Что, по необходимости, и делаю.

На вопрос о том, были ли у них в институте русские преподаватели, многие из этих молодых людей с затаенной гордостью отвечают: «А зачем? У нас есть свои прекрасные, квалифицированные специалисты...»

Вообще-то, китайцы – старательные ученики. Они не прогуливают лекции и остаются в аудиториях после занятий, чтобы самостоятельно повторить пройденный материал. Учебой, а не сосанием пива и игрой в карты они занимаются и в своих общежитиях. В выходные студентами битком набиты отделы учебной литературы в книжных магазинах. Китайски е «Макдоналдсы» поголовно перешли на круглосуточный режим работы во многом именно ради торчащих там по ночам студентов с их тетрадками и ноутбуками. Короче, процесс идет. Но в случаях с разными языками – несколько по-разному.

Как я уже сказал, в освоении русского языка молодые китайцы особенных успехов не делают: причины этого – не только в значительно упавшем по сравнению с пятидесятыми уровне преподавания, но и в том, что русский изучают несколько спустя рукава: несмотря на генеральные планы по стратегическому партнерству между Россией и Китаем в двадцать первом веке, с экономической точки зрения перспективы у китайского студента-русиста пока не то чтобы уж очень яркие. Хотя люди иногда умудряются и очень хорошо устроиться...

Иное дело – английский, который сейчас в КНР изучается действительно истово, что совсем не удивительно. Без знания английского выпускник института не найдет хорошей работы (хотя понятно, что иметь нужные связи в любом случае важнее). Знать язык Шекспира и Тома Круза просто престижно и модно, хотя бы для того, чтобы пересыпать свою речь заморскими словами...

Возможностей для учебы у китайцев просто пруд пруди. Кроме государственных вузов, здесь и курсы, и школы, и кружки, и классы иностранных языков, открытые по всей стране. Многие жители Поднебесной готовы платить за изучение английского или японского, наиболее котирующихся сейчас в Китае, немалые деньги; в свою очередь, организаторы коммерческих курсов, получая от своих слушателей солидную плату, имеют возможность приглашать на работу квалифицированных преподавателей, в том числе и носителей языка.

Книжные магазины КНР до самого потолка завалены разнообразной учебной литературой, аудио- и видеокурсами по многим языкам. Опять же, самому популярному из них отведены

иногда целые этажи площадью во многие сотни квадратных метров.

Впрочем, пользующиеся меньшим интересом учащейся публики языки типа португальского тоже обычно вниманием книгоиздателей не обойдены, хотя им места выделяется куда меньше.

Лично у меня порой возникает впечатление, что все-таки, как говорится, не в коня корм. Несмотря на титанические усилия китайцев овладеть английским (или заставить это сделать своих детей), сидение в аудиториях после занятий, обилие учебных курсов, словарей, литературы, дешевых адаптированных и неадаптированных текстов и т. п., результаты этой массовой учебы как-то неожиданно скромны. Хотя иногда и можно встретить китайца, вполне прилично владеющего английским, таковые личности составляют почему-то лишь очень малую часть занимающихся в институтах, на курсах, в школах, кружках, а также выпускников таких учебных заведений...

Любой, кто когда-либо пробовал говорить или писать на неродном языке, делал множество ошибок, по крайней мере поначалу. Но ошибки, которые делают, даже не поначалу, китайцы, кажутся почему-то особенно уморительными. Кста ти, в последние годы появился даже особый термин – «чинглиш». Слышали о «социализме с китайской спецификой»? Так вот, «чинглиш» – это английский язык с китайской спецификой. Насладиться им можно, читая китайскую прессу, издающуюся на английском, меню в ресторанах, вывески в магазинах и парках, путеводители по туристическим достопримечательностям, инструкции к бытовой технике и лекарствам, и т. д. и т. п. Иногда, взглянув на какой-нибудь очередной перл, можно получить заряд положительных эмоций на пару недель вперед. В последние годы появились даже специальные сайты, полностью посвященные лингвистическим «успехам» китайцев.

В прекрасном шанхайском парке аттракционов, оснащенном самой передовой (японской, конечно) техникой развлечений, есть довольно любопытная забава. Это средних размеров пруд, по которому, если позволяют финансы, вы можете поплавать на круглом резиновом двухместном кораблике, напоминающем обычную камеру от колеса автомобиля «КРАЗ», надутую воздухом и оснащенную обычным подвесным лодочным мотором. Суть веселья, естественно, состоит в том, чтобы постоянно таранить этим самым колесом суденышки других счастливых посетителей аттракциона.

Поскольку иностранцы, уставшие от тяжелых трудовых будней и ищущие разрядки, – нередкие гости в этом парке, все аттракционы, само собой, оснащены не только китайскими, но и английскими надписями. А то вдруг «лаовай» перепутает ненароком горку с каруселью, что тогда делать?

...С удивлением прочитали мы на табличке перед вышеупомянутым прудом надпись: «SHIT COLLISION». Что именно имела в виду администрация парка под словом «SHIT» – качество надувных корабликов или свое отношение к клиентам, – мы так и не догадались; однако ржали, стоя на берегу, довольно долго... К чести администрации нужно сказать, что она довольно быстро одумалась и заменила вызвавшее у нас столько радости слово, вернее, всего лишь одну его букву, превратив его в банальное «SHIP».

Между прочим, многие отказываются верить в эту историю, ссылаясь на ее якобы неправдоподобность. Мол, да в Шанхае иностранцы живут уже сто пятьдесят лет, да шанхайцы все владеют английским лучше, чем родным, и т. д. Но у меня есть доказательство – фотография вывески, сделанная самым крупным планом! А факты, как известно, – вещь упрямая...

Короче, шутки шутками, а язык, он, как известно, не то что до Киева, но и до Китая доведет. Успехов вам в изучении иностранных языков!

Mortal combat, или змея в тени орла

– Не будьте дураком!

Масутацу Ояма. Передовое карате

А мне все пофиг, я с покоса, уберите кирпичи.

А на хрена уральский парень занимается тай-чи?

Группа «Чайф». Вольный ветер

Что знает о Китае человек, совершенно этой страной не интересующийся? Конечно, кроме того, что там едят палочками рис и ездят повсюду на велосипедах? Правильно: Китай – колыбель так называемых «восточных единоборств», а они (единоборства) – визитная карточка Китая. Вместе с Великой стеной, пандой, пекинской уткой, пагодами и велорикшами (последних теперь днем с огнем не сыщешь, а жаль).

Еще с конца восьмидесятых наши кино- и видеоэкраны просто переполнились желтолицыми узкоглазыми (иногда белыми мускулистыми) людьми, яростно дубасящими друг друга руками, ногами и прочими частями тела, повергающими (кого наземь, а кого в бегство) целые легионы противников. Последних обычно не жалко, так как выглядят они всегда очень стандартно и противно. Как говорится, «да, я убивал, но все они были плохие». Имена артистов-мастеров ушу (кунг-фу) известны всем и каждому, и фильмы-боевики с обилием рукопашных схваток по-прежнему волнуют юношеское воображение части зрительской аудитории...

Вы, конечно, скажете, что все эти кинодраки давно уже всех вконец задолбали? Э, нет! Поклонников у данног о жанра убавилось ненамного.

Не могу не отвлечься немного для рассмотрения самого термина «восточные единоборства», поскольку это слово не вполне подходит для обозначения рассматриваемого нами сейчас предмета. Почему же? А потому, что большинство боевых искусств Дальнего Востока (гораздо более подходящее определение) создавались и развивались как средство боя как с одним, так и с несколькими противниками, а нередко и как часть подготовки персонала регулярных армий (на поле битвы, как известно, не до рыцарских поединков один на один). «Единоборства» же появились в нашем языке, конечно, в связи со всеобщим превращением боевого искусства в спорт, а на спортивной арене (татами, ринге, лэйтае, ковре) мы можем увидеть исключительно схватки двух противников. Кстати, к сожалению, и большинство современных школ и клубов боевых искусств уделяют основное внимание именно спаррингам один на один, забывая, что в реальной жизни все происходит далеко не всегда так, как в спортивном зале. И даже не так, как на площадках пресловутых боев без правил, где у противников есть время вдоволь поваляться друг с другом на мягком полу.

На Западе, как известно, население переболело страстью к «искусствам – единоборствам» намного раньше, чем у нас. Причины тому прежде всего две: разница в идеологических системах и наличие дальневосточных мастеров на Западе (и полное отсутствие их у нас – речь, конечно, о временах ушедших, сейчас-то в России кого только не встретишь). Впрочем, и у нас бум «единоборств» уже если не приказал долго жить, то, во всяком случае, очень близок к этому. Экзотика приелась, да и выяснилось к тому же, что Брюсом Ли за пару месяцев не сделаться, и случайная публика исчезла из тренировочных залов. Кроме того, карате, кунг-фу и прочие виды дальневосточных «блюдов» совершенно потеряли свое очарование запретного плода (о наличии когда-то в старорежимные времена уголовной ответственности за изучение подобных штучек сейчас уже многие позабыли) и связанный с этим подпольно-романтический ореол. Сейчас в том, чтобы три раза в неделю отправляться на другой конец города на тренировку, где и махать полтора часа ногами и стучать по ветхому, дышащему на ладан мешку, никакой романтики нет. Осталась только самая сущность – тяжелая, сложная и в материальном смысле неблагодарная работа (для тренеров времена хорошего достатка, как известно, прошли; спортсмен, даже очень приличного уровня, участием в соревнованиях и чемпионатах, кроме синяков да шишек, ничего себе не заработает – с теннисом и хоккеем не сравнить; есть разве что возможность куда-нибудь в охрану устроиться)...

Но что осталось, по моим наблюдениям, почти неизменным в среде отечественных

любителей боевых искусств Востока, так это непоколебимая уверенность в том, что истинное мастерство и настоящих учителей кунг-фу (ушу), карате, таэквондо, «муай тай» можно обнаружить только в соответствующих странах (естественно, Китае, Японии, Корее, Таиланде и так да лее). Стоит, мол, только поехать туда да пройтись по улице где-нибудь в Пекине, Гонконге, Бангкоке, и сразу найдешь с десяток школ с самыми мудрыми учителями, и немедленно все тайны мастерства будут тебе раскрыты. А уж этот, как его там, Шаолиньский монастырь – просто мечта для того, кто следует по «пути воина». Словом, совсем как в кино...

И насчет кино скажу здесь пару слов. Стечением времени выяснилось, что наши отечественные мифологизаторы ничуть не слабее своих заграничных коллег. Вот появился несколько лет назад фильм о том, как простой российский парнишка отправился в Шаолинь набираться мудрости, был тут же принят и обласкан настоятелем последнего, а потом удалился в пещеру Бодхидхармы на целый год для медитации и тренировок, после чего стал непревзойденным мастером ушу, вернулся в Москву и, само собой, насмерть поубивал всех плохих мафиози из школы японского карате (толстомордого главаря особенно долго мучил, куда там жалкому Стивену Сигалу)... А значит, что нам все эти голливуды?! Только непонятно, если тренироваться в одиночку, то чем, скажем, сарай на подмосковной даче хуже пещеры великого Бодхидхармы? Ведь последний уже давно умер...

Время летит быстро, и, не успели высохнуть чернила, коими были написаны эти строки, герой новой российской ушуистической киноподелки отправился все в тот же многострадальный монастырь. Пройдя там ускоренный курс обучения, он в качестве экзамена вынужден сражаться в монастырском подземелье (на самом деле в китайских строениях никаких подполов отродясь не бывало) с не менее грозными, чем он сам, бойцами. Вернувшись домой, парнишка опять же насмерть мочит всех врагов (они опять же из японской школы «барицу» и вновь с толстыми противными мордами, эка же их развелось, а!), но главаря, он же наипервейший мафиози, занимающийся не только японской борьбой, но и какой-то загадочной «оптимизацией финансовых потоков», на сей раз оставляет в живых, бросая ему напоследок многозначительную фразу: «Ушу не убивает!»... Конец фильма.

Надо отметить, что западные поклонники «восточных единоборств» тоже придерживаются мнения насчет того, что Китай – это кладезь знаний. Мне неоднократно приходилось встречать в Китае худощавых юношей и девушек (а то и отнюдь не худощавых дяденек) с горящими глазами, из Уэльса или штата Оклахома приехавших изучать секретное мастерство какого-нибудь «багуачжан» к великому (и тщательно законспирированному) учителю ушу, принадлежащему к тридцать второму поколению очень знаменитых (и как ни парадоксально, при этом чрезвычайно секретных) мастеров. Кстати, многие из таких искателей высшего мастерства после некоторого времени изучения «смертельных» и очень, очень тайных приемов (обычно от пары месяцев до полугода, на большее «искатели» обычно почему-то не решаются) отправляются к себе домой и начинают зарабатывать неплохие деньги путем распространения «тайн Востока» в среде легковверных романтиков. Кстати, и у нас в России такие деятели нынче стали встречаться часто. Как говорится в старом анекдоте, «дура не дура, а сто рублей в день зарабатываю»...

Признаюсь, что и сам автор этих строк поступал в свое время на восточный факультет тогда еще Ленинградского университета не в последнюю очередь из-за горячей своей страсти к пресловутым «восточным единоборствам». Ах, ушедшая безвозвратно эпоха конца восьмидесятых! Полулегальные видеозалы, демонстрирующие плохо дублированные (хотя что там дублировать-то), полуоборванные и крайне мутные копии гонконгских боевиков с очень секретным кунг-фу... Вроде бы уже выпущенные из подполья тренировочные «клубы» и «школы» карате и все того же «кунг-фу» (предполагалось, что «кунг-фу» и «ушу» – понятия совершенно разные). Выпущенные-то выпущенные, а тренеры по привычке пугливо

оглядываются, входя в свои «школы»: статью УК тогда еще никто не отменял... Статьи Виктора Фомина и Иосифа Линдера в журнале «Культурно-просветительная работа» – подписка на этот журнал, как я полагаю, в тот период лавинообразно увеличилась... И везде, повсюду и повсеместно: «смертоносное искусство», «шаолиньские монахи», «секреты китайских мастеров ушу», «яростный кулак», «змея в тени орла», «стиль пьяных богомоллов» и пр. и пр. Вся эта китайская экзотика и революционная романтика заставляла некоторую часть советской молодежи просто-таки окосеть от безграничной любви к великому искусству ушу и загадочному Дальнему Востоку вообще. (Повторяю, Запад прошел этот этап массового увлечения пресловутыми «единоборствами» значительно раньше нас. Хотя в результате и не слишком поумнел.)

Кстати, о терминологии. Для читателя неискушенного. «Ушу» по-китайски – это «воинская техника» (не путать с «военной техникой»), или, если позволить себе более вольный перевод, «искусство воина». В древнем и средневековом Китае, если верить историкам, это самое «искусство воина» включало в себя множество самых разных аспектов: не только технику рукопашного боя, но и владение холодным (кинжальным и метательным) оружием, включая стрельбу из лука, и верховую езду, и тактику сражения... В Китае современном от древнего «искусства воина» остался лишь один элемент. «Ушу» в нынешнем Китае – это спорт или даже, как широко принято было называть эту экзотическую штучку в первые годы ее распространения у нас, – «спортивная гимнастика», в основе которой лежит техника рукопашного боя.

К сожалению (а как подумаешь, так, может, и к счастью), современное ушу не имеет почти никакого отношения к реальной схватке и вряд ли поможет его адепту даже против очень хилого и пьяного нападающего. За годы своего правления в Китае коммунистическое правительство, посредством усилий спортивных комитетов, комиссий, федераций и тому подобных бюрократических органов, сделало все для «выбрасывания» из нового вида спорта всех «последствий феодализма», то есть любой техники, могущей представлять какую-либо опасность в драке. Каким образом? Очень просто: все правила тренировок и соревнований, равно как и комплексы формальных упражнений, утверждались «сверху», а школам и клубам оставалось только следовать инструкциям мудрых вождей. Как говорят, большинство мастеров ушу старой закваски, то есть действительно настоящих бойцов и хороших наставников, сильно пострадали в годы культурной революции, в результате чего большая часть реальной, аутентичной традиции была безвозвратно утеряна. Из тренировочного процесса был исключен свободный спарринг, то есть базовая задача и основная суть любого боевого искусства – от европейского фехтования до борьбы нанайских мальчиков.

В арсенале современного ушу остались красивые, но совершенно бесполезные танцы: высокие прыжки с разворотами, низкие стойки, громкие хлопки ладонями по стопам ног и так далее (читатель может увидеть все сам, сходяв на ближайший турнир ушуистов). Надо здесь заметить, что и на Западе, и у нас были и есть люди, упорно пытающиеся приспособить технику ушу (именно в его современном, спортивном понимании) для соревнований по свободному спаррингу, а то и для уличной самообороны. Разумеется, все эти попытки кончались, кончаются и будут кончаться полными неудачами. Причина этого – не в личной бездарности верных поклонников китайского спорта, а в полной непригодности самой техники для реального боя. Хотя упорство некоторых фанатов заслуживает настоящего уважения, они никак не могут взять в толк, что «кастрированием» боевого искусства и превращением его в декоративный танец занимались в свое время очень толковые, квалифицированные специалисты, ответственно относившиеся к своему делу...

Разумеется, в любом из стилей традиционного (то есть настоящего) ушу существовал самый важный раздел, то есть свободная схватка одного бойца с одним или несколькими противниками, и раздел этот носил наименование «саньда», «саньшоу» («отдельная», «разрозненная», то есть «вынутая» из комплексов формальных упражнений техника). Как упоминалось выше, эта часть, являясь одновременно конечной целью и квинтэссенцией ушу, была полностью исключена из нового, «исправленного» «искусства воина» по инициативе

китайских властей.

Зачем? Коммунистический режим в своем стремлении контролировать все и вся на территории Поднебесной имел все основания опасаться инакомыслящих. Необходимо было отнять у потенциального противника опасное оружие (возможно, самое опасное: недаром на Дальнем Востоке ушу, карате и прочие виды боевых искусств издавна называли «оружием, которое нельзя потерять»). Что и было сделано. А ведь школы ушу представляли собой некогда не прост о тренировочные клубы, в которые может записаться каждый желающий «с улицы», заплативший энную сумму за абонемент. Эти школы зачастую являлись закрытыми или полузакрытыми организациями, обладавшими строгими правилами и железной дисциплиной, четкой иерархией и системой ценностей, занимавшимися отнюдь не только маханием руками и ногами и разбиванием о голову черепицы.

Некоторые из этих организаций были связаны с тайными антиправительственными народными обществами, а на отдельно взятых этапах китайской истории (например, во времена движения ихэтуаней) и сами превращались в такие общества, переходя к активным действиям, колотя правительственных чиновников, армию и иностранцев (бывших в Китае вечными козлами отпущения) чем попало – кто своими родными конечностями, а кто и чем-то более увесистым... Совершенно ясно, что такие «спортивные организации» представляли собой очевидную потенциальную угрозу для новой власти и были крайне для нее нежелательными...

С началом в КНР реформ и установлением «политики открытости» свободный спарринг снова разрешили, сперва в виде эксперимента, а затем и более широко. Разумеется, схватку с самого начала обусловили достаточным количеством правил и превратили в настоящий, очень напоминающий западный кикбоксинг спорт, получивший официальное наименование «саньда»... Теоретически саньда является подразделом ушу. Во время соревнований по спортивной гимнастике с громким названием «искусство воина» проходят иногда в Китае и бои по саньда. Очень показателен, на мой взгляд, тот факт, что техника, используемая на лэйтае (специальном мягком помосте для проведения боев), ничуть не напоминает замысловатые бессмысленные кренделя, выписываемые разряженными в красивые разноцветные костюмы ушуистами-гимнастами. Она напоминает, как сказано выше, кикбоксинг, то есть четкой технической однородности в ней не наблюдается. Идет в дело любой компонент любого стиля боевых искусств, который разрешен правилами и может быть с выгодой использован в схватке...

Получилось, что, несмотря на богатство и разнообразие традиционного ушу, которое имело место когда-то (по крайней мере, так принято считать), китайским спортсменам и тренерам пришлось осваивать искусство боя практически с нуля. Пошли в дело элементы техники английского бокса, карате, дзюдо и, в самое последнее время, таэквондо. Зауважали китайцы и тайский бокс, представителям которого они регулярно проигрывают, несмотря на жульничество судей и прочие усилия по борьбе за честь великого народа. Впрочем, явно синкретический характер нового стиля единоборств (в данном случае мы имеем дело именно с чисто спортивным единоборством) не мешает китайцам гордо и громко именовать его «китайским кунг-фу». На вопрос, что же в нем собственно китайского, следует стандартный ответ: «Китай – родина всех боевых искусств»... Ага, а в других точках нашей планеты люди никогда не дрались друг с другом. Сидели, значит, и ждали великих китайских учителей...

Итак, в саньда не осталось практически ничего от традиционного ушу, оно мало похоже на ушу спортивное, а от западного кикбоксинга отличается только применяемым защитным снаряжением и (незначительно) правилами боев. Неудивительно, что центры изучения саньда в Китае – это не таинственные подпольные школы в горных деревнях (как можно иногда увидеть по видео), а совершенно лишённые восточной экзотичности спортивные вузы в крупных городах – Пекине, Шанхае, Ухане (в этом городе с началом реформ в КНР и был сначала утвержден эксперимент по преподаванию саньда).

А как насчет спортивного гимнастического ушу? Все точно так же, как и с саньда:

изучается преимущественно в учебных заведениях, включая (иногда) и средние школы. Больно бывает смотреть на ожиревших, одетых в засаленные спортивные костюмы и замызганные пионерские галстуки школьников, которых преподаватель, пыхтя и кряхтя, пытается поставить в какое-то подобие ушуистской стойки, но обычно не очень преуспевает в этом занятии. Поистине, для современных «тепличных» китайских детей «искусство воина», даже в спортивном варианте, – не самый подходящий вид деятельности...

Одно время я имел возможность лицезреть подобные тренировки каждый день, ибо школьная спортивная площадка располагалась как раз под окнами нашего шанхайского офиса; в свободное от ксеркса, факса и пересчитывания баксов время я подходил к окну и, размешивая кофе, смотрел вниз, на творящееся там безобразие... А еще как-то раз я забрел во «дворец Ушу», что на углу улиц Дундань и Чананьцзе в Пекине: скоро должна была начаться тренировка, и родители, приведшие своих чад в спортивный зал, начали их переодевать... зал был, по нашим понятиям, достаточно теплым, но на несчастных ребяташек безжалостно намотали несколько слоев одежды, включая шерстяные кальсоны и свитера. Началась тренировка, и стало видно, насколько неудобно детям двигаться во всем этом обмундировании, какие ленивые, некоординированные у них движения, как им не хочется заниматься спортом и, самое главное, насколько тренеру на все это наплевать...

Может быть, мы найдем кладезь истинного мастерства в знаменитом Шаолиньском монастыре, столь прославленном многими книгами, фильмами и легендами? Ага, давайте поищем!..

Сначала нам с вами нужно будет добраться из Пекина в Чжэнчжоу – административный центр провинции Хэнань, или Лоян – одну из древних столиц Поднебесной империи, город, сам по себе крайне интересный для путешественника. Садимся на автобус или маршрутку и отправляемся в Дэнфэн – ближайший к знаменитому монастырю уездный центр. Кстати сказать, за те десять лет, которые ездят через Дэнфэн туристы, жаждущие встречи с тайнами ушу и чань-буддизма, этот населенный пункт превратился из маленькой грязной убогой деревни во вполне цивилизованное место: попав туда вновь после большого перерыва, я с трудом смог узнать его улицы (людей узнал довольно быстро). Новые современные дома, прекрасный асфальт, какой-то местный то ли театр, то ли дом культуры, размерами и статью напоминающий Колизей... Куда делись грязь, бедность и запустение?..

Последняя пересадка – и через пятнадцать минут вы подъезжаете наконец к святой святым «восточных единоборств». Вывески, которыми пестрят окрестные здания, говорят о том радостном для истинного адепта факте, что школ боевых искусств здесь великое множество... А вон и сам очаг чань-буддийской культуры призывно выставил свои загнутые крыши из глазурованной черепицы из-за деревьев... Да-да, именно к нему направляются все эти толпы туристов с фотоаппаратами и видеокамерами... Настал «момент истины»?

Искренне желаю вам наступления этого момента. Но сомневаюсь, что чувство радостного благоговения долго сохранится у вас в душе и черная тень разочарования не омрачит ваше чело... Сам монастырь, конечно, очень красив и экзотичен (хотя и как две капли воды похож; на любой другой китайский буддийский храм), но не ищите здесь ничего старинного, «настоящего» – бедняге сильно досталось и в годы войны с японцами, и во времена «культурной революции», так что пришлось восстанавливать все для туристов по кирпичику... Есть тут и монахи (толстые и невежливые), но и они появились сравнительно недавно, в конце семидесятых – начале восьмидесятых. Так что все это, дорогой читатель, типичная, хотя и довольно приличная, бутафория. Впрочем, многим визитерам для счастья достаточно и этого. Может быть, они совершенно правы, ведь жизнь без экзотичных таинственных монастырей скучна невероятно...

«А что же школы ушу, о которых упомянул автор?» – спросит внимательный читатель. «А ничего, – отвечу я ему, – так себе, школы как школы...» Эти учебные заведения в большинстве своем являются обычными спортивными интернатами, где обучаются детишки

практически со всего Китая. Их привозят сюда родители, насмотревшиеся по телевизору красивых, с их точки зрения, боевиков и желающих теперь, чтобы и отпрыски постигли древнее китайское искусство, а также готовые заплатить за это удовольствие кругленькую сумму. Занимающихся здесь действительно много. Попав в Шаолинь десять лет назад, я был поражен масштабами проводящихся тренировок: только представьте себе огромное поле, размерами где-нибудь пятьсот на пятьсот метров, на котором многие сотни детей одновременно тренируются – кто явно делая свои первые шаги в ушу, кто уже довольно осмысленно размахивая мечами и копьями, кто отрабатывая удары по макиваре с партнером, все это, естественно, под руководством нескольких десятков тренеров и их помощников...

За годы китайских рыночных реформ количество спортшкол в окрестностях монастыря выросло до астрономической величины. Еще бы, ведь спрос рождает предложение, и теперь в ученики с легкостью может устроиться и любой иностранец, даже давно вышедший из детского возраста: главное – успевай платить деньги за обучение (будьте уверены, сумма составит на порядок больше, чем для китайца). Но вот только стоит ли овчинка выделки?

Во-первых, «шаолиньского» в любой из этих школ только и есть, что географическая близость к знаменитому монастырю, отражающаяся, естественно, в двух иероглифах, непременно присутствующих в названии такой школы (как вы правильно догадались, это иероглифы «шао линь» – «молодой лес»).

Во-вторых, предметом изучения в вышеобозначенных учебных заведениях является все то же спортивное, и никакое иное, ушу, все те же раз и навсегда утвержденные китайским правительством и бессмысленные с точки зрения практики гимнастические комплексы, все тот же стандартизированный, как монетка достоинством в один юань, тайцзицюань, и все то же, уже знакомое нам, саньда, в котором и китайского-то почти ничего не осталось. Ко всему изложенному добавлю, что преподается весь этот «джентльменский набор» далеко не лучшими в своем ремесле специалистами. До перехода количества в качество еще очень далеко, да и количество после бурно го роста в девяностые годы в последнее время несколько поуменьшилось благодаря рвению нового настоятеля Шаолиня, отменно разбирающегося в понятиях «рынок», «бренд» и «откат» и «замочившего» почти буквально в сортире слишком жадные и не желавшие делиться кооперативы (которыми, по сути дела, являлись и являются все эти «академии кунг-фу» и «институты ушу»). Тоже еще один «оптимизатор финансовых потоков». В-третьих, и сам легендарный Шаолиньский монастырь уже давно перестал быть центром изучения боевых искусств и постижения чаньбуддийских истин: настоящие монахи в Шаолине не имеют ничего общего с теми летающими монстрами в рясах, коих можно увидеть в гонконгских боевиках; а если уж говорить о вопросах религиозных, то нынешние (настоящие) обитатели монастыря исповедуют Цзинту (Учение Чистой Земли), а вовсе не чань. Если же считать монахами облаченных в рясы членов «шаолиньских» шоу-групп, разъезжающих по разным странам и на потеху невзыскательной публике демонстрирующих разбивание на своей голове стопок черепицы и кирпичей, то можно полагать, что шаолиньское ушу все же имеет достойных последователей. Однако... ни один из этих ряженных клоунов на самом деле никакой не монах; увы, все они – лишь выпускники тех самых околошаолиньских спортивных ПТУ, что бы вы там ни прочитали на красивой цветной афише. Кроме того, есть и кое-какие сомнения насчет того, является ли публичная порча строительных материалов признаком истинного мастерства и, особенно, принадлежности к древней китайской традиции.

Поклоннику пресловутых «восточных единоборств» обучение в шаолиньской местности может, во-первых, дать возможность сказать потом: «О-оо, я тренировался в САМОМ Шаолине...» Кстати, в вышеупомянутой местности сейчас развелось немалое количество шарлатанов, которые могут выписать любому желающему... удостоверение шаолиньского монаха, а также массу разных других дипломов, сертификатов и справок – знай успевай платить. Не знаете китайского? Не беда: там уже обосновалось и неск олько наших с вами шустрых соотечественников, поголовно потомственных монахов (папа, мама и бабушка – все у них тоже были монахами). Эти кадры с радостью помогут любому желающему растряссти

лишний жирок и, самое главное, избавиться от лишней денежки. Поэтому-то некоторые посетившие уезд Дэнфэн счастливики могут потом не только похвастаться перед друзьями и родственниками, но и потрясти в воздухе очень убедительными «корочками», при этом опоясавшись красивым цветным поясом (с недавнего времени в ушу введена поясная система, наподобие той, что используется в карате и таэквондо)... И во-вторых, активно подвигаться на свежем воздухе всегда чудесно и крайне полезно для здоровья. Не устраивает ближайший парк – езжайте в Китай!

Напоследок не могу не вспомнить справедливые слова Брюса Ли о том, что без практического умения пояс годится только для поддержания штанов. Впрочем, и этой стороной жизни пренебрегать было бы опрометчиво...

Когда после занятий китайской физкультурой у вас проснется аппетит, то самым логичным будет отправиться в соответствующую столовую заморить китайского же червячка...

«Кушать подано!»

– Кто-то любит апельсины, а кто-то – пороссячий хвостик.

Русская поговорка

– Люблю повеселиться, особенно пожрать...

Неизвестный источник

Вам никогда не хотелось попробовать блюда знаменитой китайской кухни? Очень может быть, вы уже имели счастье насладиться ими в близлежащем китайском ресторане, благо таковых у нас в последнее время развелось видимо-невидимо? Или страшновато пробовать? Там ведь всякие разные змеи, гусеницы, собачье мясо и прочие непривычные нашему вкусу деликатесы, а?

Если вы думаете иначе, то вы очень эрудированный человек. По крайней мере, большинство наших соотечественников твердо уверены в том, что китайская кухня состоит исключительно из таких продуктов, кото рые у нас считаются несъедобными (змеи, пауки, кузнечики, лягушки и прочая подобная живность), и, разумеется, все блюда имеют невыносимый для русского человека огненно-острый вкус. Ну и, конечно, все это нужно поедать палочками, а это целое искусство... поэтому лучше выбрать на обед чего-нибудь попроще и желательнее более привычное для глаза и языка... типа гамбургера или картошки с вареной колбасой.

Среди людей, уже знакомых с чудесами китайской гастрономии, будь то клиенты местных азиатских забегаловок (их полно теперь не только в Москве, Петербурге, Владивостоке, Хабаровске, но и в небольших городах) или счастливицы, отведавшие дальневосточной экзотики за границей, где-нибудь в Голландии (на Западе китайская кухня страшно популярна), часто встречается диаметрально противоположный взгляд на вещи. А именно, утверждают они, нет в мире более вкусной, дешевой, разнообразной и полезной для здоровья пищи, чем китайская. Даешь, короче, китайскую еду и все тут. Так где же ист ина? Ну, начнем по порядку.

Мне, между прочим, приходилось встречать и немало людей, искренне полагающих, что в Китае сейчас с едой вообще плохо (мол, да что там есть, кроме риса, который едят палочками). Такие представления, по-моему, очень забавны. Конечно, и в двадцатом веке нашего соседа неоднократно постигали различные несчастья – от засух до гражданских войн и «культурной революции», – часто приводившие к возникновению голода то в одной, то в другой части необъятной Поднебесной империи... Неудивительно, что и многим нашим соотечественникам все эти события весьма памятливы, но, к счастью, это дела минувших дней, а ныне продовольственные проблемы в Китае давно решены, даже в самых захолустных его районах. Местные неурядицы типа все тех же засух, наводнений, землетрясений и неурожаев

все же не заставляют местных жителей голодать, так как продовольствие немедленно перебрасывается в пострадавшие провинции с помощью прекрасно развитой транспортной системы.

Конечно, накормить почти полутора миллиардное население – это что-то. Остановитесь-ка здесь и призадумайтесь: почти ПОЛТОРА МИЛЛИАРДА человек, каждый из которых хочет есть по крайней мере три раза в день... Ну ладно, пусть два с половиной (о китайском завтраке см. ниже). Просто ли обеспечить пищей такую массу народа?

Нет, не просто. Но почти каждый клочок пригодной к выращиванию растений почвы в Китае используется для этого самого выращивания. И трудолюбивые китайские крестьяне щедро поливают свои клочки земли собственным потом, содержимым незамысловатых деревенских сортиров и продукцией новейших химических заводов (не только китайских, но и, к примеру, российских). Земля в Китае не гуляет, поэтому неудивительно, что почти каждый китаец, попадающий к нам, очень громко вздыхает по поводу огромного количества свободных территорий в России. Добавьте сюда еще и тот немаловажный факт, что климатические условия большей части территории КНР позволяют снимать два или три урожая в год... И наконец, не забудьте, что три четверти населения Поднебесной империи живут в деревне, так что недостатка рабочих рук в китайском сельском хозяйстве не предвидится в ближайшую тысячу лет. Вот поэтому-то и неудивительно, что сейчас КНР вполне в состоянии не только прокормить себя, но и экспортировать кое-какое продовольствие за границу... Одним словом, не нужно представлять себе Китай как какой-то голодный край.

Но не будем углубляться в изучение сельского хозяйства, ведь мы говорили о китайской кухне. Итак, с чем действительно не поспоришь, так это с утверждением о ее (кухни, то есть) разнообразии. Специалисты обычно выделяют четыре основных направления китайского кулинарного искусства: «пекинско-шаньдунское» на севере, кухню юго-востока (то есть Шанхая и провинций Чжэцзян и Цзянсу), южное (Гуандун и Чаочжоу) и западное, сычуаньское. В принципе, в основе подобного деления лежит все-таки сугубо китайское стремление упорядочить систему по четырем сторонам света, так как на самом деле в каждой провинции готовят по-своему, и теоретически можно сортировать китайскую гастрономию на гораздо большее число разделов.

Представление о том, что китайская пища непременно острая, – не более чем миф. Острых блюд там действительно много, а в сычуаньской и хунаньской кухнях таковых даже большинство, однако в других кулинарных школах острота все же отнюдь не преобладает. Более того, заказывая одно и то же блюдо в китайском ресторане (будем называть так любое заведение, предоставляющее клиенту пропитание в обмен на денежные знаки), посетитель обычно имеет возможность получить его, согласно своему желанию, более или менее острым. Кстати, не следует судить о китайской кухне по той стряпне, которой потчуют своих гостей «дальневосточные» рестораны за пределами Китая, будь то в Финляндии, Голландии или Америке: китайские повара там стремятся максимально приблизить свои творения ко вкусам и чаяниям именно местной публики, а не своих соотечественников... Вернее сказать, к своим представлениям об этих вкусах.

Что касается китайских ресторанов в России, то с ними вообще беда. Дело не в крохотных по сравнению с Китаем порциях – это как раз понятно, причины – дороговизна продуктов и всеобщее в нашем царстве «манки-бизнеса» стремление к беспредельному навару (в самом Китае такие фокусы не прокатят, поскольку там экономика рыночная, основанная на конкуренции, а на пятьдесят метров улицы приходится по пять ресторанов). Проблема в том, что китайская кухня у нас не только тотально невкусная, но при этом вообще очень мало напоминает свой оригинальный вариант, вне всякой зависимости от стоимости: заведение-то как раз вполне может быть очень дорогим. Плюс качество обслуживания, за которое в самом Китае (про Запад уже не говорю) подобную контору закрыли бы на следующий день. Иными словами, за настоящей китайской кухней нужно ехать собственно в Китай.

Многие склонны объяснять разницу между различными кулинарными школами Поднебесной империи географическими условиями и местной спецификой разных провинций этой страны. Говорят, к примеру, что блюда шаньдунской кухни более соленые, чем в других провинциях, потому что климат в Шаньдуне очень сухой, а повышенное потребление соли способствует задержанию влаги в организме; некоторые утверждают, что сычуаньские кулинарные прелести потому невероятно остры, что в Сычуани особенно велика плотность населения, а это, соответственно, очень благоприятный фактор для быстрого распространения различных инфекционных болезней... острая же пища способствует истреблению всяческой заразы. Не думаю, что стоит безоговорочно верить подобным объяснениям, но, кажется, некоторое рациональное зерно в них есть.

Не последнюю роль в формировании местных кулинарных стилей играет и такая обыденная причина, как доступный выбор продуктов. Так, одним из основных компонентов доминирующего в северной, пекинской, кухне «китайского самовара» является качественная баранина. Пока ее довезут до южных провинций, она станет уже далеко не такой качественной; в степях же близкой к Пекину Внутренней Монголии ее предостаточно. Одно из самых излюбленных лакомств шанхайцев – «маохань», особый вид моллюска, водящийся в недалекой от «дальневосточного Парижа» дельте Янцзы; от жадного употребления в пищу этого деликатеса гурманов не отвращает даже сильное загрязнение воды там, где эти самые вкусные ракушки обитают. Естественно, что многие жители Сычуани про «маохань» и слыхом не слыхали...

Теперь насчет вкусовых качеств. Как говорил известный патриарх чань-буддизма Бодхидхарма, «при всем разнообразии китайской кухни в ней всегда можно найти что-нибудь съедобное». Он пришел в Китай из Индии, так что его скептицизм понятен. Скажем прямо, далеко не все китайские кулинарные изыски придутся по вкусу и европейцу (а многих китайцев, в свою очередь, совершенно не устраивает европейская кухня). Но не потому, что, как вы, возможно, подумали, все китайцы любят есть мышей, лягушек, собак, пауков... этот список, который громоздит в своей голове наш полуграмотный обыватель при активной помощи такого же полуграмотного журналиста, можно продолжать бесконечно. Просто привычные нам продукты (мясо, рыба, овощи и т. д.), а китайская кухня на 95 % состоит именно из них (а не червяков и кузнечиков), готовятся непривычным для нас способом, только и всего.

Насчет змей и пауков вынужден заметить: любовь китайцев к этой экзотике очень сильно преувеличена, хотя для этого преувеличения имелась вполне определенная причина. Дело в том, что одна из четырех известных кулинарных школ Китая – гуандунская – действительно широко употребляет в дело различный исходный материал типа змей, кошек, крыс, обезьян и прочие малосъедобные на наш взгляд ингредиенты. Но, заметьте, жители других частей страны не всегда относятся к гуандунским яствам с большим энтузиазмом; не зря же распространена в Китае язвительная, хоть и длинноватая, поговорка: «Из плавающего в воде гуандунцы не едят лодки, из летающего в воздухе не едят самолеты, из созданий с четырьмя ногами не едят столы». Однако история, дорогой читатель, – очень прихотливая вещь: южная провинция Гуандун начала общаться с заморскими странами первой в Китае (помните, именно город Гуанчжоу был единственным, куда разрешалось заходить иностранным судам), позже рядом с ней была образована самая значительная иностранная колония – Гонконг. В силу этих и некоторых других причин жители юга Китая стали эмигрировать за рубеж; раньше и гораздо интенсивнее обитателей иных провинций, и поэтому тем же тайцам, австралийцам и американцам довелось познакомиться прежде всего с ЮЖНО-китайскими традициями, обычаями и... жареными кошками. Неудивительно, что во многих странах люди стали воспринимать сугубо гуандунские штучки как нечто универсально общеазиатское. Недаром же весь мир называет китайских бандитов «триадами», хотя большинство представителей китайского криминалитета разве что краем уха слыхали это слово.

Но и в гуандунской кухне личинки каких-нибудь насекомых или «битва дракона с тигром»

(а попросту кошка и змея, зажаренные в высокохудожественной позе) – не повседневные закуски (хотя здесь все зависит от наличия или отсутствия денег), а деликатесные, праздничные яства. Они значительно дороже тех блюд, которые готовятся из обычных для нас продуктов (все те же овощи, мяса и рыбы), и делаются обычно поваром по особому заказу. Это насчет опасений иностранца съесть «случайно» в китайском ресторане змею или какого-нибудь червяка; повторю, от таких случайностей посетитель полностью застрахован: вся экзотика заказывается особо и оплачивается втридорога, поэтому подсовывать вам собачатину вместо свинины никто не будет, это просто экономически нецелесообразно для ресторана.

Но извините, я отвлекся. Вопрос был: вкусна китайская стряпня или нет? Знаете, и здесь не обойтись без затасканной поговорки «на вкус и цвет...»: я, например, будучи китаеведом по образованию и наполовину корейцем по национальности (а корейцы разных сомнительных деликатесов вроде собачьего мяса пожрать тоже, между прочим, не дураки... почище иных китайцев), не являюсь большим любителем китайской стряпни независимо от того, в какой там провинции и из чего ее делали. Мне нравятся уральские рыбные пельмени, украинский борщ, а также другая вкусная и здоровая пища. Однако мне хорошо знакомы многие вполне славянские личности, способные получать истинное наслаждение от жареных скорпионов. Таким образом, все зависит здесь от личных вкусов и пристрастий. Повторю, что старик Бодхидхарма был прав: китайская кухня все-таки очень разнообразна, и каждый имеет шанс найти что-то съедобное и любимое для себя.

Говоря о кухне нашего великого соседа, нельзя не отметить одну поистине удивительную вещь. Обедая или ужиная в китайском ресторане, действительно можно долго удивляться разнообразию блюд и даже попробовать что-то поистине ароматное, нежное и вкусное. Так вот, насколько богаты и разнообразны могут быть в Китае обед и ужин, настолько же беден, уныл и отвратителен на вкус китайский завтрак. Что же это такое?

За редкими исключениями (а таковые можно встретить, например, все в том же пресловутом Гуандуне или, скажем, в провинции Аньхуй) этот самый завтрак в классическом варианте состоит в основном из безвкусной жидкой рисовой кашицы («чжоу», или «сифань»), скупо приправленной порой щепоткой маринованных овощей («паоцай»). Из других «деликатесов» – пресные паровые булочки из рисовой муки («маньтоу»), также совершенно безвкусные, жареный арахис, прокипяченные в растительном масле и в досталь пропитавшиеся им полоски теста («ютяо»), а также, возможно, холодные кусочки самых дрянных блюд, оставшиеся от вчерашнего ужина. Если повезет, можно получить вареное яйцо.

Спросите-ка китайца, почему за пять тысяч лет его народ не научился готовить приличный завтрак: скорее всего, он кисло улыбнется и заметит, что зато такая еда очень полезна для здоровья (между прочим, жидкая рисовая каша и взаправду чудесно воспринимается любым желудком, тут не поспоришь). Или скажет, что, опять же, «зато» будут вкусные обед и ужин. Вот поэтому-то, если, приехав в Китай, вы остановились в более или менее приличной гостинице, поутру вы обнаружите, что завтрак состоит скорее уж из европейских ингредиентов типа яичницы и поджаренных сосисок, нежели из китайской рисовой кашицы. Если же рассвет застал вас не в приличной гостинице, то вас, вероятно, ждет голодное утро. Не хотите голодного утра – заранее приготовьте баночку консервов и пакетик растворимого кофе.

Любой китаец с гордостью заявит вам, что его национальная кухня (в данном случае он обязательно забудет и о том, что в разных провинциях разная кулинария, и о своих недавних издевках над бедными гуандунцами – любителями жареных змей и крыс, вот такая штука патриотизм) не только самая вкусная и разнообразная, но и самая-самая полезная для здоровья. Что ж, посмотрим...

Большая часть китайских кулинарных шедевров, вне зависимости от школы, стиля и

провинции, готовится путем быстрого обжаривания маленьких кусочков овощей, мяса, рыбы и других продуктов в сильно разогретом в глубокой сковороде растительном масле. Многие утверждают, что, поскольку время термической обработки таким образом сокращается до минимума, продукты сохраняют все те витамины, аминокислоты и прочие полезные вещества, которые в них содержались, а высокая температура все-таки успевает при этом убить все вредоносные бактерии. Насчет бактерий не знаю, по-моему, гораздо больше всяких микроорганизмов гнездится на поверхности деревянных палочек для еды – «куайцзы», если последние не изготовлены в одноразовом исполнении... Но если вы в самом деле думаете, что изо дня в день поглощать пищу, прокипяченную в несвежем масле, полезно для здоровья, то, сдается мне, вы очень сильно ошибаетесь. Эта самая несвежесть масла, что забавно, дает китайским поварам возможность готовить блюда с такими экзотическими названиями, как «мясные полоски с запахом рыбы» или «баклажаны с запахом мяса». В чем тут дело? Очень просто: берется масло, в котором в обед уже кипятилась рыба, и вечером в него бросается мясо... покипятили мясо, вынули и подали гостям – можно забрасывать в ту же сковородку баклажаны. Дешево и сердито, как говорится. А вот о пользительности сих кушаний судите сами.

На этом месте некоторые «эксперты» издают возмущенное кудахтанье по поводу злокозненности автора этих строк, наговаривающего на китайских поваров бог знает чего; конкретно вам, виртуальные знатоки, я советую выйти наконец из интернета, отправиться на китайскую кухню (только не в пятизвездный отель, конечно) и провести там хоть час-другой, вместо торчания в своих блогах и чатах. Повторите эксперимент несколько раз, тогда все и увидите.

Овощей в Китае растет гораздо больше, нежели, скажем, в северной части России, они гораздо более разнообразны и дешевы, поэтому в китайской кухне очень много овощных блюд. Конечно, придя в китайский ресторан, вы вольны в выборе еды и можете, если захотите, питаться одним только мясом и рыбой. Пожалуй, примерно так сделала бы моя кошка. Но если приблизительно следовать той пропорции мясных и овощных кушаний, которой придерживаются (в обычной жизни, а не на торжественном банкете) сами китайцы, можно сразу же увидеть, что овощные блюда на столе преобладают. А если внимательно посмотреть на так называемое «мясное» блюдо, то можно обнаружить, что и оно процентов на восемьдесят состоит из овощей. Именно поэтому ощущение тяжести в желудке после китайской трапезы возникает гораздо реже, чем после щедрого русского застолья или необъятного американского стейка с грудой жареной картошки. Что именно более полезно для вашего здоровья, опять же судите сами.

Наконец, нам предстоит разобраться с весьма обычным для нашего впервые севшего за китайский стол человека вопросом: «А что, китайцы едят без хлеба?» В общем, да. То есть без хлеба, если не считать хлебом те самые «маньтоу», о которых уже говорилось выше, – порой их можно увидеть не только за завтраком. Правда, в китайских ресторанчиках в России можно порой откусать какие-то, опять же щедро прокипяченные в горелом масле хрустящие пресные булочки, но это лишь жалкая попытка воздать дань нашим местным обычаям (не припомню случая появления подобной гадости на столе в Китае), да и принять это за хлеб можно только спьяну. Что же вместо хлеба?

Не знаю, однако, можно ли в данном случае употреблять слово «вместо». На протяжении своей длительной истории китайский народ все-таки привык ставить во главу угла именно рис. Бывали времена, когда большинство китайцев считали большой удачей достать на обед или ужин горсточку этих белых маленьких зерен: отсутствие риса почти всегда означало наступление голода. «Хлеб – всему голова» – такая поговорка издавна бытует на Руси; китайцы же без всяких поговорок относили (и до сих пор это делают) рис к категории «основной пищи» («чжу ши»), зачисляя и овощи, и мясо, и рыбу, и многие другие виды продуктов лишь в раздел «дополнительной пищи» («фу ши»). То есть без «основной» пищи

прожить нельзя, а без «дополнительной» теоретически можно и обойтись...

Обычно рис подается на стол после того, как «блюда» («цай»), относящиеся, как вы уже поняли, почти без исключения к категории «фу ши», закончились, или, по крайней мере, ближе к концу трапезы. Поскольку продуктов в Китае вечно не хватало, количества подаваемых на стол «цай» было частенько недостаточно для утоления голода, и для последней цели служила появляющаяся в заключение «основная пища». Кстати, «чжу ши» – это для китайцев не только рис, но и «маньтоу», и лапша, и пельмени, то есть некоторые блюда, в состав которых входит злаковая мука. Сейчас в Китае продуктов предостаточно, и трапезничающие, как правило, наедаются (частенько до отвала) задолго до появления из кухни «основной пищи». Кроме того, в большинстве случаев у едоков есть и выбор, какую именно «основную пищу» предпочесть: допустим, рис, пельмени или небольшую чашку лапши; обыкновенно выбирают что-то одно, и почти всегда желание иностранца попробовать и то и другое встречается китайцами с искренним удивлением. Между прочим, и лапша, и пельмени, приправляемые уксусом и соевым соусом, часто могут составлять основную (или даже единственную) часть трапезы, а вот просто рис без всяких дополнений не едят уже давно (хотя в китайской истории бывало всякое). Добавлю, что некоторые китайцы (и большинство иностранцев, и автор в числе последних) предпочитают употреблять рис все-таки одновременно с «цай», а не после них. Глотать пресный вареный рис безо всякого сопровождения – удовольствие намного ниже среднего.

Да уж, действительно, всякое бывало. К примеру, талоны, которыми регламентировалась выдача «основной пищи», то есть риса и муки, были окончательно отменены лишь в начале 1990-х, хотя к тому времени вся китайская страна была давно уж накормлена досыта. В голодные времена со стола сметались не только скудные «цай», но и вообще все, что на нем появлялось, но с наступлением продовольственного достатка такое стало часто считаться признаком скупости хозяина (неважно, принимающего гостей дома или приглашающего их в ресторан) и вообще дурного тона. То есть пища стала готовиться или заказываться с явным избытком, чтобы гости, наевшись до отвала, все равно оставили бы на столе еще кучу съестного. Конечно, дома еда не пропадет, но хотя бы видимость избытка должна соблюдаться неукоснительно, ибо именно она свидетельствует о щедрости хозяина и его уважении к гостям...

Однако времена меняются, и история, развивающаяся все по той же спирали, преподносит интересные штуки. Вот и сейчас во многих местах Поднебесной среди наиболее сознательных ее граждан началась борьба с «расточительством» («ланфэй»), которую оные граждане ведут посредством попыток неоставления на обеденных столах слишком больших груд несъеденного продовольствия. То есть теперь непременно нужно либо меньше заказывать, либо больше есть. Кроме того, в китайском ресторане нынче вовсе не считается чем-то зазорным потребовать у официанта упаковать остатки пищи в специальные коробочки и унести их с собой. Ну что ж, изобилие – х орошо, сознательность – тоже, а их сочетание производит порой просто невероятное впечатление...

Конечно, о китайской кулинарии на Западе уже написаны многочисленные специальные труды. Поскольку эта книга не является поваренной, никаких кулинарных рецептов вы здесь не дождетесь, а найти их, если очень хочется, можно, например, в интернете (насколько рецепты там соответствуют действительности, не знаю, я ведь не повар); для дегустации же китайских блюд лучше отправиться в ближайший ресторан соответствующей специфики. Несколько часов в воздухе – и ваши вкусовые рецепторы ждут незабываемые ощущения...

Кстати, насчет супа. Именно он подается в самом завершении трапезы, уже после риса или лапши или почти одновременно с ними. Теперь к его появлению едоки уже наполняют свои желудки до такой степени, что и не замечают, что по степени своего убожества китайский суп может соперничать только с китайским завтраком. Этот жиденький отварчик, в котором плавают редкие микроскопические кусочки неизвестно чего, бывает вкусным очень нечасто,

если бывает вообще (я что-то не припомню), зато, по всей вероятности, очень полезен для здоровья. Ибо вода вообще – источник жизни.

Акульки плавники, изредка попадающиеся в этом самом супе, – вещь сама по себе очень неплохая: если бы мне довелось попробовать их только раз или два, я бы решил, что повара жулик положил вместо редкого деликатеса обычную скумбрию, к которой я равнодушен, признаться честно. А так похоже, что эти самые плавники вообще по жизни смахивают на нашу рыбу из ближайшего гастронома (а ведь в детстве думалось, что продукт со столь экзотическим названием должен обладать и совершенно необычным вкусом).

Сложилось так, что визитной карточкой китайской кухни в какой-то мере является «пекинская утка», так что вкратце упомяну и о ней. Прежде всего, имеется в виду рецепт приготовления утки, а не некий особый подвид семейства Anatidae, хотя китайцы, а вслед за ними и некоторые отечественные кадры любят рассказывать о некоей специальной породе утки, «разводимой в Пекине уже триста лет»; правда, пока что никто из этих юных натуралистов не смог сообщить мне латинское наименование данного пернатого... но ничего, скоро что-нибудь придумают. Впрочем, мы здесь не о таксономии, а о гастрономии.

Итак, после того как тушка несчастной птицы запечена в специальной печи (в некоторых ресторанах можно даже посмотреть, как именно протекает данный процесс), ее приносят к вашему столу для предварительного осмотра; дальше есть два варианта – либо ее разделают при вас, либо унесут на кухню и сделают это там. В любом случае на вашем столе утка появится уже нарезанная пластинками и в сопровождении пары блюдец с тонкими пресными блинчиками, ломтиков огурца, лука и плошечек с особым густым соусом. Именно в него обмакиваются жирные хрустящие кусочки утки и другие ингредиенты, заворачиваются в блинчики и со вкусом поглощаются.

Многие полагают, что основной секрет популярности пекинской утки – именно в этом самом соусе; возможно, это правда. Как вариант: вместе с блинчиками можно заказать небольшие пресные лепешки, уже почти разрезанные вдоль, – утка и прочие составляющие засовываются внутрь, и получается нечто вроде мини-гамбургера.

Китайцы считают, что самое главное и наиболее вкусное в данном блюде – вовсе не утиное мясо, а именно жирная кожа, которая после запекания становится хрустящей и ароматной («сян»). Спорить не буду... В заключение счастливых гурманов ждет суп, сваренный из костей все той же утки. По-моему, этот бесцветный жидкий бульон не отличается высокими гастрономическими качествами, но зато он, опять же, крайне полезен для здоровья. Если, конечно, в желудке останется место после гораздо менее полезной для здоровья жирной жареной утиной кожи... Приятного аппетита!

А кстати, эта самая, только что упомянутая выше характеристика, то есть аромат – «сян», крайне важна не только в китайской пище, но и в разнообразных напитках Поднебесной империи. Как вы увидите в следующей главе, китайцы придают ароматам совершенно особое значение...

Подарок всему миру

Чай – не водка, много не выпьешь.

Русская поговорка

Возможно, после прочтения предыдущей главы виртуальный аромат восточных яств стал щекотать ваши ноздри, и сейчас вы как раз находитесь на пути к ближайшему рестораничку. Кстати, там прежде всего вам придется заказать себе зеленый чай. Так полагается.

Как вы поняли, китайцы делают кое-что совсем наоборот, нежели мы с вами. Так, суп у них появляется на столе в конце обеда или ужина, а вот чай вначале предшествует всему остальному, а затем сопровождает всю трапезу до конца. Присутствие чая вовсе не означает,

что едоки обходятся без других напитков, но он практически обязателен, а все остальное – в общем-то, не очень; если все делается по правилам, то фарфоровый чайник и маленькие толстостенные чашечки без ручек окажутся перед вами немедленно после того, как вы сядете за стол.

Конечно, в том, что касается посуды, возможны варианты. В забегаловке победнее или дома у вашего приятеля место симпатичных чашечек могут занять плохо вымытые (если вообще мывшиеся когда-либо) обычные стаканы или вообще баночки из-под фруктового джема или повидла (подобный сосуд, снабженный, естественно, завинчивающейся крышечкой, вообще следует считать самой любимой посудой китайцев – настолько охотно и часто они берут с собой эти баночки в дорогу или пользуются ими дома). Завариваться чай может и не в чайнике, а в специальных, довольно больших и опять же фарфоровых, кружках с крышками, и каждый такой комплект может быть простым по дизайну и одноцветным, а может являть собой настоящее произведение прикладного искусства. Словом, за пять тысяч лет китайское общество научилось потреблять свой любимый напиток не только разнообразно, но иногда и довольно красиво.

Иной житель Поднебесной, расхваставшись (а неумное хвастанье – это вообще почти перманентное для китайца состояние), порою заявляет, что, мол, «наш настоящий китайский чай – обязательно зеленый, самый ароматный, полезный для здоровья и...»... и т. д. и т. п., дальше вы уже себе все представляете. На самом деле такие сентенции лишены всяческого смысла, ведь Китай – родина и зеленого, и черного чая, и тех сортов этого продукта, которые занимают промежуточное положение между первыми двумя. Другое дело, что в странах Запада, да и у нас, черный чай – напиток гораздо более распространенный и любимый, чем все остальные, и пьем мы его не так, как китайцы.

Традиции чаепития уходят корнями в самую глубокую древность, и вряд ли когда-либо удастся точно определить время их возникновения, да и нужно ли это?

По крайней мере, легенд, связанных с чаем, в Китае хоть отбавляй... Вот, к примеру, одна из них.

Когда Бодхидхарма, ставший затем первым патриархом китайского чань-буддизма, прибыл из Индии в Китай и обосновался в знаменитом сейчас Шаолинском монастыре, то проводил немало времени в медитации рядом с монастырскими стенами. Но однажды он заснул во время своих занятий, а пробудившись, так разгневался на самого себя за лень и небрежение, что... вырвал свои веки и выбросил их подальше. Через некоторое время на том месте, куда упали отверженные патриархом кусочки его плоти, выросло невиданное растение – куст, отвар листьев которого обладал не только отменным вкусом, но и бодрящим действием; последний факт был немедленно оценен самим Бодхидхармой, предписавшим всем обитателям монастыря употребление вышеозначенного отвара ради того, чтобы не спать во время медитаций.

Другая же легенда говорит о том, что это не чаньский патриарх, а один из китайских императоров случайно обнаружил чудесные свойства зеленого чая, когда в котелок, поставленный поварами на огонь во время охотничьего привала, ветерок принес несколько листьев, сорвавшихся с соседнего куста. Согласно преданию, император попробовал получившийся напиток то ли в виде эксперимента, то ли, опять же, случайно, и пришел в восторг от его вкуса, аромата и прочих прекрасных качеств...

Классификация чая – дело непростое, тем более что китайцы смотрят на это дело несколько по-другому, нежели мы. Например, один из видов зеленого чая, жасминовый, получается путем простого добавления измельченных листьев и цветков жасмина к обычному чайному листу. Однако китайцы склонны выделять такой чай в особый тип (то есть, мол, есть чай зеленый, а есть чай жасминовый). Или, допустим, в Китае довольно популярен специфический напиток «цзюйхуа ча», получающийся путем заваривания кипятком высушенных цветков хризантемы (заметьте, никакого чайного листа здесь и

близко не лежало), при этом китайцы упорно относят его к категории чая.

Большая часть территории современного Китая с климатической точки зрения благоприятна для культивирования чайных плантаций, поэтому многие провинции могут похвастаться своими, более или менее известными марками этого продукта. Знамениты, к примеру, чаи из провинции Юньнань (там производится не только зеленый, но и очень неплохой черный чай, идущий на экспорт), а названия «Лунцзин» и «Маофэн» (сорта из Чжэцзяна) каждый китаец выучивает, наверное, сразу после слов «мама» и «папа».

Но это еще не вся классификация. Любая марка подразделяется, согласно качеству листа, на несколько сортов – от особого до чуть ли не пятого, что самым радикальным образом отражается на цене продукта, продаваемого в чайных лавках и соответствующих отделах крупных магазинов. Таким образом, вы можете купить один цзинь (пятьсот граммов, наиболее привычная для китайцев единица веса в розничных торговых операциях) чая «Лунцзин» за десять юаней (чуть больше одного доллара), а можете (если и хотите) и за тысячу. Самое интересное, что никакой разницы, скорее всего, вы так и не почувствуете.

Эта самая разница, если она на самом деле есть, выявляется, похоже, лишь по-настоящему подготовленными экспертами-дегустаторами, и простым смертным ее ощутить не дано. Это относится не только к варварам-иностранцам (куда уж им!), но и к обычным жителям Поднебесного государства. Иначе с чего бы в последние годы в Китае остро встала нижеследующая проблема?

Первыми забили тревогу, как водится, газеты и телевидение. Оказывается, по всей стране потребителей частенько обманывают, продавая им под видом дорогого товара более низкие сорта тех же самых известных марок. Допустим, третий сорт чая «Маофэн» под видом первого; второй под видом высшего... четвертый под видом третьего и т. д. Думаете, ерунда? Ничего подобного, ведь разница в цене, а значит, и сверхнормативная прибыль, получаемая чересчур находчивыми продавцами (и оптовыми, и розничными!), и змеряется порой десятками и сотнями юаней за цзинь товара...

Но ведь жители Поднебесной в основном покупают чайный лист на развес и поэтому всегда имеют возможность перед приобретением проверить его аромат, а иногда и продегустировать заваренный напиток! И если разница между первым и третьим сортами чая действительно пропорциональна разнице в цене на них, то почему же ее не могут определить китайцы, пьющие свой чай чуть ли не с рождения и поголовно считающие себя великими экспертами в этой области? Объяснение, мне кажется, может быть только одно: ситуация здесь, как у нас с какой-нибудь картиной типа «Черного квадрата» – попробуй только вслух сказать, что не улавливаешь в ней особого смысла, и немедленно прослывешь невеждой и дураком; вот и большинству китайцев остается только продолжать восторженно вздыхать, откушав дорогого чайку по сто-двести-триста и т. д. долларов за пятьсот граммов, казаться друг другу экспертами в области чаеведения и давать торговцам водить себя за нос. При этом я сильно подозреваю, что все так повелось еще со времен Бодхидхармы. Между прочим, среди дешевых сортов и не особенно известных марок порой встречается действительно вкусный чай.

Понятен неизбежно возникающий у сколько-нибудь интересующегося восточными обычаями человека вопрос: «А как там насчет чайной церемонии?» Так вот, просьба не путать: та чайная церемония, которую можно увидеть в кино и в передаче «Клуб путешественников», – наследие не китайской, а японской традиции. То есть находится там же, где и кимоно, гейши и джиу-джицу. Иными словами, в крупных городах Китая есть японские рестораны, где при желании эту самую церемонию можно заказать, а в остальных местах Поднебесной с этим будет проблематично.

Впрочем, нет сомнений, что корни японской чайной церемонии находились именно в Китае, как и сама привычка к потреблению отвара зеленых листьев некогда пришла на японские острова с материка. Однако здесь нужно учитывать несколько факторов, и первым

из них является то, что в двадцатом столетии, в век войн и разрушений, китайцам было не особенно-то до церемоний, и старая традиция пришла в изрядный упадок. По крайней мере, то действо, которое молено увидеть в некоторых пекинских и шанхайских специализированных (и очень дорогих) чайных, во-первых, гораздо примитивнее японского ритуала, во-вторых, оно, как и весь антураж подобных заведений, выглядит слишком лубочно, чтобы быть действительно традиционным. Что-то вроде нашего фольклорного представления с медведями, самоварами и развесистой клюквой, скорее для утешения любопытствующих иностранцев и некоторого количества местных граждан, слишком «продвинутых» в сторону гамбургеров, интернета и прочих заморских штучек, подзабывших о существовании своей собственной национальной культуры. Но желающих вспомнить о ней.

Кроме этого, навряд ли китайская чайная церемония по своей сложности и утонченности когда-либо существенно приближалась к японской и в прошлом: китайцам никогда не было свойственно японское стремление к доведению вещей до степени высшей рафинированности. Вы можете убедиться в этом и на другом примере, проанализировав, скажем, разницу содержания и вида формальных упражнений в китайских и японских боевых искусствах.

Тем не менее некоторые жители Поднебесной вряд ли уступают в искусстве наливания чая японским мастерам чайной церемонии. Например, и поныне в чайных провинции Сычуань обжигающий кипяток наливает посетителям специальный служащий из большого металлического чайника с тонким и длинным, почти метровым носиком. Струя кипятка, вырываясь из такого носика, пролетает от нескольких десятков сантиметров до примерно полутора метров по воздуху и попадает точно в вашу чашку. Если наливающий кипяток мужичок действительно является специалистом своего дела, то ни капли воды не упадет мимо чашки и, тем более, ни один из сидящих за столом не будет обрызган. Говорят, что в стародавние времена такие чайники появились именно в царстве Шу (Шу – второе название Сычуани) в свое время потому, что в этой густонаселенной области столики в чайных всегда были облеплены народом: слуге приходилось наливать кипяток из-за плеча сидящего, что являлось крайне ответственным делом. Рассказывают также, что стать таким специалистом мог в старину далеко не каждый, ведь перед тем как получить в руки чайник с горячей водой, кандидат должен был сдать очень необычный экзамен – со значительного расстояния попасть струей кипятка из носика в отверстие мелкой монеты. Напоминаю, что в старом Китае медные монеты изготавливались с отверстием в центре: из-за своей небольшой стоимости они часто нанизывались на нить и использовались в связках. Размер отверстия составлял всего несколько миллиметров, и попасть в него с расстояния кипятком из тяжелого чайника – задача не из легких.

Сейчас, насколько мне известно, никто таких экзаменов не сдает и не принимает, но обитатели провинции Сычуань в большинстве своем сохраняют должный уровень мастерства. Однако, если в «сычуаньском» ресторане в какой-нибудь другой провинции Китая (или, не дай бог, у нас в России) вы увидите парнишку с таким вот длинным чайником в руках, берегитесь: опасность рядом. Если он собрался налить вам чайку, лучше спрятаться на время под стол...

Если чай заваривается не в фарфоровом чайнике, а прямо в чашке, а кипяток долиняется по ходу дела, как это делается в Сычуани и многих других частях Китая, то можно ожидать, что вам достанется чашка с полукруглым блюдцем и полукруглой же крышкой, не накрывающей края чашки. Таким образом, молено посасывать чай сквозь щель между крышкой и краем чашки, не позволяя листьям попадать в рот с каждым глотком.

Крышка в таких случаях очень полезна, ибо в чашке может болтаться не только некоторое количество разварившихся листьев, но и много других вещей. Например, заслуженно популярный в Китае «Чай восьми драгоценностей» («Бабаоча») представляет собой смесь чайного листа с сушеными цветками хризантемы, сушеным жужубом (китайским фиником), сахаром в больших прозрачных кристаллах и другими ингредиентами. Будучи залит

кипятком, этот набор постепенно разбухает и заполняет собой добрую половину чашки. Разжевывать эту фигню довольно муторно (а лучше этого вообще не делать), но напиток получается замечательно вкусным.

Как уже говорилось выше, истинным национальным сосудом для питья чая в Китае является сейчас отнюдь не изысканная фарфоровая чашка, а банка с завинчивающейся крышкой. Но если в исходном варианте это была стеклянная емкость из-под некоего консервированного продукта, то теперь китайская промышленность наладила выпуск целой кучи вариаций на данную тему: баночку можно приобрести большую или маленькую, стеклянную, пластиковую, металлическую... с рисунком, в чехле, на ремешке... варианты бесконечны. В течение дня запас жидкости в заветном сосуде многократно пополняется путем доливания кипятка (заварка обычно не досыпается), поскольку потребление (путем шумного всасывания) происходит ежеминутно. И разумеется, за поисками источника кипятка следует поиск ближайшего туалета... причем если на ро дном заводе или в офисе все уже давно обустроено как надо (то есть бак с кипятком, термометром и краником и туалет находятся на расстоянии непосредственного визуального контакта), то, к примеру, в турпоездке жизнь среднего китайца незавидна: очень тяжело с утра до вечера существовать от одного сортира до другого, крепиться, похныкивая и прыгая с ноги на ногу, и одновременно высматривать повсюду заветную горячую воду («а-ааа, ужас! ужас! у меня осталась только треть баночки!!!»)...

Усиленное потребление горячей воды (ну да, когда-то это был зеленый чай, но после десятого вливания кипятка, сами понимаете...) связано со стойкими китайскими представлениями о «ян шэн» («поддержании здоровья»); злые языки говорят, что нынешнее повышенное внимание к самооздоровлению связано с высокой стоимостью медицинских услуг в Китае и отсутствием нормальной системы социального страхования. Убедить же китайца в том, что три литра жидкости (и это только вода из любимой баночки) в день полагаются разве что альпинисту на восхождении, но уж никак не семидесятилетней бабушке на заслуженном отдыхе, решительно невозможно...

Если зеленый китайский чай, хотя и не самого лучшего (но и не самого худшего) качества, можно иногда сейчас купить в наших магазинах, а уж про чай черный мы сами можем многое рассказать, то так называемые «промежуточные», или полуферментированные, сорта типа «Улун» («Черный дракон») или «Тегуаньинь» («Железная Гуаньинь») у нас редкие гости. Это действительно нечто среднее между зеленым и черным чаем, при заваривании дают светло-желтый, не насыщенный цвет. Вкус у них достаточно специфический, но многие мои знакомые нашли обе эти марки вполне приемлемыми для себя.

Развесистые дифирамбы, которые поют китайцы своему давнему изобретению (в основном не черным, а зеленым сортам; некоторые по простоте душевной почему-то вообще полагают черный чай заморским продуктом) в смысле его пользы для здоровья, преувеличены разве что самую малость – это довольно редкий случай, ибо обыкновенно китайское хвастовство никаких границ не знает. Кроме бодрящего эффекта, которым обладает черный чай, его зеленый собрат способствует очищению организма, снижению уровня холестерина в крови, нормализует давление и сердечный ритм, успокаивает психику, помогает переносить сильную жару и прекрасно утоляет жажду. Регулярное его употребление вполне способно принести здоровью заметное улучшение (если, конечно, не убивать одновременно это самое здоровье ежедневно с помощью рюмки, сигареты и стрессов).

Между прочим, большинство видов так называемого «оздоровительного чая» китайского производства, появившегося в нашей стране, сделано именно на основе обычного зеленого чая с добавлением различных трав, так что для человека эти снадобья, как правило, по крайней мере не вредны, а при разумном употреблении могут дать и некоторый положительный эффект типа нормализации сна и аппетита. Исключение составляет списанный по причине своей некондиционности сомнительный товар типа заплонившей

некогда российские аптеки «Летящей ласточки» – к нам эту дрянь спихнули именно потому, что в Китае она была запрещена к продаже министерством здравоохранения.

Вопрос, который до сих пор волнует прекрасную половину российского населения: можно ли похудеть на халяву, вкушая торты и запивая их чудодейственным китайским чаем марки «Канкура», «Жуй*censored*» или... (вариаций много, поскольку торгашей, желающих заработать на этой вечно животрепещущей теме, с годами меньше не становится)? Конечно, можно, но только без тортов! Я даже могу поделиться универсальным тайным китайским рецептом использования этих снадобий (мне поведал его один шаолинский монах): утром чашка чая для похудения (подходит любой бренд) + кросс три километра + не жрать жирное, сдобное и картофельное в течение дня, есть побольше фруктов и овощей + вечером полтора часа активной тренировки + на ночь еще одна чашка китайского чая той же марки, что и утром. Уже через пару месяцев результат сразит наповал всех окружающих, и будет вам счастье...

И наконец, о самом главном. Марки, сорта и виды чая в Китае настолько разнообразны, что их описанию можно было бы посвятить не меньше страниц, нежели китайской кухне, то есть многотомное сочинение. По понятным причинам я не могу сделать этого здесь и ограничусь лишь беглым описанием. Но несправедливо будет не сказать, что основной отличительной чертой и общей особенностью всех китайских чаев является их неповторимый, тонкий, изумительный аромат. Я согласен с тем, что черный чайный лист тоже иногда неплохо пахнет, но, будучи заваренным, он довольно редко отличается действительно изысканным запахом. Зеленый же чай приятен для обоняния почти всегда, и в сухом, и в заваренном виде, зимой и летом, в любую погоду и в любом месте, на изысканном банкете и на горном перевале... Кажется, что это одно из тех немногих изобретений, которыми китайцы могут гордиться с полным и несомненным основанием.

Однако как бы ни был прекрасен вышеупомянутый напиток, для некоторых он не особо соблазнителен. Поскольку в нем не найти ни одного градуса. Если вы хотите узнать про более крепкие напитки, то для вас – следующая глава.

«Ганьбэй!»

Водка без пива – деньги на ветер.

Русская поговорка

Как я и говорил, одновременное присутствие на китайском обеденном столе зеленого чая и других, алкогольных и безалкогольных, напитков имеет место довольно часто, хотя и не является строго обязательным. Каждый из трапезничающих может сопроводить процесс застолья стаканом чего-либо прохладительного или пива. То есть чего душа пожелает.

О прохладительных напитках много рассказывать не стоит, тем более что в нынешнем Китае привычные нам «кока-кола», «пепси-кола» и прочие тошнотворно рекламируемые по телевизору газировки пользуются всенародным уважением. Уважение это простирается до такой степени, что в иных местах не поддельные напитки известных марок – очень большая редкость; самое интересное, что поддельщики процветают, несмотря на обилие по всей стране настоящих, фирменных, работающих круглосуточно заводов, принадлежащих двум знаменитым газировочным гигантам. При этом фальшивый товар продается по тем же ценам, что и настоящий.

Впрочем, китайцы – мастера подделки, и это общеизвестный факт. Вопрос здесь только в технологическом уровне производства и раскрученности торговой марки. Несколько лет назад все центральные телеканалы КНР начали яростно рекламировать, как они ее называли, «собственную „колу“ китайского народа» – название этого продукта звучало как «Future

Cola» («Кола будущего»), и каждый, кому довелось услышать торжественный голос лопающегося от гордости рекламного диктора, мог подумать, что в жизни Поднебесной совершилось наконец архиважное событие... В отличие от поддельной «кока-колы», в которой нельзя с первого глотка не распознать фальшивку, раскручиваемая на государственном уровне «собственная „кола“ китайского народа» оказалась по вкусу практически неотличимой от «кока-колы» самой настоящей. В дальнейшем же это дитя ура-патриотической паранойи благополучно сдохло, поскольку стоило примерно столько же, сколько и обычная «кока-кола», и потребители отнеслись к ней довольно-таки прохладно.

Все остальное газированное и безалкогольное питье производства КНР вряд ли заслуживает даже упоминания, так как разнообразных сахариновых лимонадов, окрашенных во все цвета радуги богатыми на выдумку производителями, много и у нас, и в других частях планеты. Иное дело – китайское пиво. Ежесекундно в Китае употребляется внутрь не меньше железнодорожной цистерны этого живительного напитка, причем непременно с бодрым вскрикиванием «Ганьбэй!» («Осушим стаканы!») – не забудьте этот лозунг, он непременно пригодится вам в Поднебесной; когда ваши китайские друзья обнаружат ваше знание данной формулы, они придут в нескончаемый восторг...

Когда в 1897 году небольшой город на побережье провинции Шаньдун – порт Циндао стал германской колонией, там, естественно, немедленно началось производство того продукта, без которого не мыслит жизни любой нормальный немец. Пиво, изготавливаемое пивоварами Циндао, пришлось по вкусу не только придиричивым колонистам, но и наиболее интересующимся западными нововведениями и состоятельным китайцам. Прошли года, несколько раз менялась в Циндао власть, давно уже нет на тамошних пивоварнях немцев, однако считается, что качество и репутация местного пива практически не изменились; вот поэтому-то оно не только является наиболее старой и уважаемой пивной маркой во всекитайском масштабе, но и активно экспортируется в страны Запада.

Примерно на этом месте российские ура-патриоты начинают громко топтать ногами и верещать о том, что китайское пивоварение началось, дескать, с русского купца Рублевского, который в 1900 году профинансировал появление в Харбине сотни немецких инженеров-пивоваров и строительство пивного завода, а значит, все китайское пивоварение было создано русскими и вообще «Россия – родина слонов», а «харбинское пиво» – первое в Китае.

Однако (я не фанат Германии, просто мне дорога справедливость) замечу вот что: во-первых, пивной завод в Циндао начал работу, по некоторым сведениям, не 1903-м, а в 1898 году, когда Харбин еще только-только начинал строиться; во-вторых, в любом случае без именно немецких специалистов и технологий обойтись не смогли. Выводы напрашиваются сами собой.

Ни одной марке пива в Китае не удастся безраздельно доминировать, так как практически каждая провинция и каждый крупный город могут похвастаться одним-двумя-тремя... сортами местного пива, не только вполне приемлемого на вкус (как правило, всяко лучше нашего), но и достаточно дешевого. Кроме того, пивной рынок Поднебесной империи удалось осчастливить своим присутствием и многим признанным мэтрам мирового пивоварения – «Budweiser», «Blue Ribbon», «Asahi» и тому подобные гиганты данной отрасли давно уже производят свою продукцию непосредственно в КНР, отбивая у китайских конкурентов ту часть потребителей, которая отличается несколько большей платежеспособностью и тяготеет к престижным маркам. Несколько лет назад и некий российский пивной гигант ничтоже сумняшеся решил подзаработать денег за счет сбыта своей дрянной продукции на огромном рынке Китая. Как и следовало ожидать, любителей фуфла среди искушенных китайских потребителей не нашлось.

Если говорить о деталях, то еще несколько лет назад практически 99,9 % пива на китайском рынке составляли светлые сорта: дело тут было не в отсутствии у промышленности соответствующих возможностей, а в привычке населения именно к

светлому пиву. Теперь картинка несколько изменилась, и на полках местных магазинов темное пиво – гость не редкий, хотя и не всегда обладает приемлемым качеством.

В китайском народе пиво – напиток очень и очень уважаемый, и без него часто не обходится обед и, особенно, ужин. Мне приятно констатировать тот факт, что в подавляющем большинстве случаев китайцы употребляют этот напиток по-человечески, то есть за столом и из стаканов и кружек, а не жадно присосавшись к грязному горлышку бутылки в раскачивающемся вагоне метро и не на садовой скамейке, закусывая вонючей воблой и посыпая землю вокруг себя шелухой, крышками и пустыми бутылками... А сопливый тинейджер с пивной бутылкой в неуверенной руке («мы так пьем пиво, потому что мы так носим наши кепки»), привычная картина для наших улиц и прочих общественных мест, – в Китае настолько редкое зрелище (хотя я и там такие экземпляры видел), что даже на душе становится радостно.

В девятнадцатом и первой половине двадцатого века китайцы испытали на себе ту страшную проблему, которая по-настоящему пришла в западный мир лишь позже, то есть после Второй мировой войны. Имя этой беды, конечно же, наркомания. Десятки и сотни тысяч жителей Поднебесной империи, попав в опиумную зависимость, лишились состояния, семей, здоровья и в итоге самой жизни. Именно широчайшее распространение наркомании в Китае и привело к возникновению того позорного прозвища, тень которого еще витает (и незаслуженно) над этой страной до сих пор, – «больные Восточной Азии»...

Только коммунистическое правительство, созданное после революции 1949 года, смогло, действуя железной рукой и большевистскими решительными методами, искоренить заразу и вернуть обществу очень важную вещь – свободу от проклятых наркотиков. Есть ли наркомания в Китае сейчас? Конечно, есть. Но ее масштабы несопоставимы с западными и, естественно, с нашими: наркодельцы в КНР отправляются преимущественно к стенке, и желающих рискнуть жизнью даже ради суперприбыльного бизнеса оказывается не так уж много. Если же вы спросите о «Золотом треугольнике», часть которого действительно находится на китайской территории, то это скорее локальная, нежели общегосударственная проблема, да и основная часть продукции оттуда отправляется заграничным потребителям...

Но, как вы можете видеть, печальный опыт наркомании и борьбы с ней все же имеется в китайской истории, при этом занимая там довольно значительное место. Удивительно, что китайское общество никогда не испытывало другой подобной проблемы – алкоголизма, притом что в крепких напитках в Китае недостатка не было никогда. Более того, полки магазинов в городах и деревнях Поднебесной иногда просто ломятся от обилия винно-водочной продукции, а разнообразие ассортимента, которым может наслаждаться знаток и любитель, просто сказочное.

Исходя из принципа повышения градуса, скажу сначала несколько слов о виноградном вине. В принципе, технология виноделия «европейского» типа в Китае сейчас находится на мировом уровне, причем и белое, и красное вина делаются очень приличные: если сравнивать их с той импортной (французской, итальянской, испанской) продукцией, в которой китайский рынок также не испытывает недостатка, то еще неизвестно, что лучше. Отличить «европейское» вино китайского производства от настоящего европейского сможет разве что настоящий дегустатор. И наконец, бутылка местного сухого виноградного вина нормального качества стоит от трех до шести долларов, то есть вполне по карману среднему городскому китайцу. Да только последний не очень-то жалуется на сухое вино, изготовленное по западной технологии.

Может быть, «традиционному», то есть ферментированному и потому сладкому на вкус, виноградному вину отдается большее предпочтение? Это едва ли, хотя такой напиток несколько больше отвечает соответствующим понятиям китайцев, придающих важное значение «сян», то есть аромату. Хотя этим самым специфическим ароматом китайское «традиционное» вино богато, да и разброс цен на него побольше, чем на «европейское» – дешевое, но пригодное к употреблению внутрь пойло можно приобрести и за «доллар бутылка». Более изысканное «китайское» вино, типа известного «Гунгуй», подороже, но его

сильный цветочный аромат, по крайней мере, далеко не противен и может понравиться даже не разбирающемуся в китайских понятиях иностранцу. И все-таки, повторю, сами китайцы – не очень большие любители ни «китайского», ни «европейского» виноградного вина.

«В чем же дело? – спросит прочитавший хотя бы одно китайское литературное произведение читатель. – Да ведь там герои хлещут это самое вино цистернами?! Откуда такое несоответствие между теорией и практикой?» Причины здесь лежат скорее в области филологии, нежели виноделия. Дело в том, что китайское слово «цзю» универсально, то есть им в принципе может обозначаться любой алкогольный напиток, а уточняющая приставка («байцзю» – водка, «путаоцзю» – виноградное вино, «пицзю» – пиво) добавляется к нему не всегда. В традиции перевода китайской литературы на русский язык как-то сам о собой образовалась привычка передавать смысл «цзю» нашим словом «вино». Видимо, из-за его более благозвучного звучания. Ничего необычного, тем более что встречающееся в русском фольклоре «зелено вино» – ведь тоже отнюдь не перебродивший виноградный сок.

Таким образом, китайские литературные герои, как и их реальные соотечественники в прошлом и настоящем, предпочитают употреблять именно «байцзю», и подтверждение данного факта можно видеть практически в любой китайской закусочной или ресторане. Так что же за прозрачная жидкость льется в Поднебесной империи в подставленные стаканы?

А разнообразие, дорогой читатель, такое, что впору писать на эту тему докторскую диссертацию (как и по поводу чая). Для начала заметим, что если русская водка благодаря усилиям г-на Менделеева имеет стандартную крепость сорок градусов (если изготовитель не подпольный и ему не пришло в голову что-то другое, конечно), то китайское «байцзю» имеет в своем составе ди апазон от восемнадцати до семидесяти процентов спирта. Впрочем, градус здесь опять же – не главное. А что главное? Правильно – «сян»!

Трактовка этого «сян», однако, в данном случае не вполне тождественна русскому слову «аромат». При всем моем уважении к нашим переводчикам, наилучший вариант для перевода названия того самого любимого китайцами «цзю» все же не «вино», а «водка-вонючка». Китайцы не особенно одобряют «цзю» без «сян», и поэтому к русской водке относятся совсем без энтузиазма, а вот русские относятся к китайскому «цзю» по-разному. Как именно, узнаете чуть ниже.

«Аромат» китайской водки, которую наши соотечественники когда-то, еще в Маньчжурии времен существования КВЖД, называли «ханшин» или «ханжа», обуславливается присутствием в жидкости большого количества эфирных масел и поэтому несколько напоминает запах нашего самогона самой плохой очистки (или вообще неочищенного). Попав внутрь человеческого организма, эта субстанция вызывает отрыжку соответствующей специфики в течение еще одного-двух дней после употребления, и именно эта отрыжка («хуэйвэй») особенно ценится некоторыми китайскими любителями «цзю».

Теоретически можно использовать «байцзю» в качестве растворителя или горючего, если на полдороги куда-либо у вас кончился бензин, но вот помещать бутылку с этой штукой в шкаф или другое замкнутое пространство не рекомендуется, ибо эфирные масла будут обязательно улетучиваться через негерметичную крышку, и вскоре все, что находилось рядом, приобретет стойкий запах китайской отрыжки...

Хотя все разнообразные сорта «байцзю» и роднит этот не очень привычный для наших носов специфический «сян», они очень и очень отличаются по упаковке и цене. Вот, например, любимая водка китайского народа «Эрготоу», стандартной крепостью в пятьдесят шесть градусов, стоит несколько юаней за обычную бутылку, а элитный сорт «Маотай» может тянуть, в зависимости от аппетитов производителя, долларов на сто, если не больше, за то же количество жидкости. Повторюсь, но пахнут, вернее, воняют они примерно одинаково. При этом «Эрготоу» крайне популярна в маленьких плоских бутылешках размером с ладонь, а «Маотай» упаковывается обыкновенно в красивые фарфоровые кувшинчики, которые перевязаны симпатичными ленточками и засунуты в солидные

цветные картонные коробки (хотя, в общем-то, в очень красивой упаковке поставляется и «цзю» гораздо дешевле «Маотая»).

Есть одно крайне устойчивое (и при этом в корне неверное) представление – о том, что китайская водка делается непременно из риса. Это не так, поскольку для ее производства используются совершенно разные злаки: сорго, пшеница, гаолян, просо, и, разумеется, без риса тоже не обходится. Кстати, одна из знаменитых в Поднебесной марок водки так и называется – «Улянъе», то есть «Жидкость из пяти злаков»...

«Маотай», «Улянъе» известны по всему Китаю, это вещи статусные и пафосные; это хороший подарок для китайца и большая честь для вас в случае, если вы сами получили в подарок бутылку подобной дряни. На любом банкете из распаковывания бутылки «Маотая» будет устроен целый спектакль, а первая дегустация вами данной жидкости будет носить характер торжественного ритуала (очень не рекомендую демонстрировать любые чувства, кроме полного восхищения; правда, потом от следующей рюмки отказаться будет трудновато). Кроме того, свои известные и статусные сорта есть в каждой провинции и каждом крупном городе Поднебесной (в данном факте вы сможете убедиться тут же, как только включите в Ки тае телевизор и станете наслаждаться первым же рекламным роликом или обратите внимание на то, какими именно рисунками размалеваны автобусы и троллейбусы на улицах вокруг вас)...

Если уж мы заговорили о статусности, то никак нельзя не вспомнить о французском коньяке. Этот напиток стал считаться достойным подарком для дорогих гостей (хозяев, клиентов и т. д.), причем в основном в среде бизнес-общения, а не в семейно-дружеской сфере примерно в середине 1990-х годов. Его не особенно-то пили (все же китайцы в этом отношении очень привержены пресловутым пятитысячелетним традициям, то есть водке-вонючке), но радушно дарили, с радостными улыбками принимали в дар и с довольными физиономиями ставили в шкаф. К настоящему моменту популярность коньяка несколько спала, однако бутылка какого-нибудь «Хеннеси ХО» по-прежнему может стать отличным презентом для любого китайца. (Ну, насчет «любого» это я, возможно, и погорячился: крестьянину с рисового поля подобный дар, скорее всего, покажется несколько странным.)

Признаюсь честно, я не поклонник китайской водки. Впрочем, русской тоже. Однако за годы моей работы в Китае служебный долг требовал от меня, к сожалению весьма многократно, употребления этой дряни внутрь. Ибо ни одна бизнес-операция в этой стране не делается без многочисленных застолий, банкетов, игры в мацзян и боулинг, совместных походов в сауны и бордели и т. п. И вот эти годы не только не разубедили меня в моих представлениях, но и еще более укрепили их. Мне кажется, что единственным достоинством китайского «байцзю» является то, что его, в отличие от русской водки, вполне можно сочетать с пивом без особо тяжелых для себя последствий. Но это лишь мое личное мнение: многие наши соотечественники думают совсем по-другому.

В далеком 1990 году мы, многочисленные советские студенты, отправлялись на стажировку в Китай. Тогдашние безумные правила Министерства образования требовали от каждого будущего стажера, будь он из Киева или из Владивостока, сперва явиться в Москву на инструктаж, который проводили одинаково придурковатые типы в одинаковых костюмах и с одинаковыми лицами (вероятно, к системе образования они имели самое косвенное отношение), а уж только потом сесть в тот самый поезд и в то самое купе, которое определит высокое московское начальство. Удивительно ли, что все мы попали в один и тот же состав?

В одном купе со мной ехали трое пятикурсников из невообразимо-заоблачного МГИМО, парни манерные, крайне высокого о себе мнения (представьте себе, это самое МГИМО плюс, конечно, непростые семьи), модно одетые и разговаривающие между собой почему-то по-французски. Впрочем, путь нам предстоял долгий, и постепенно выяснилось, что в общем-то двое из них ребята неплохие (третьего я сейчас просто не помню).

И вот, когда поезд уже въехал на китайскую территорию, мы стояли с одним из этих товарищей по шестидневному заключению (столько идет поезд от Москвы до Пекина) в вагонном коридоре, лениво переговариваясь. Было послеобеденное время. Тут откуда-то появился Саша, вечно поддатый студент одного сибирского вуза, тоже направлявшийся на стажировку в Китай, но всю дорогу интересовавшийся только «выпить-закусить». Вероятно, он не был законченным алкоголиком, но на общем фоне (китаисты, даже из МГИМО, народ серьезный, особенно по молодости) все же казался горьким пьяницей (тогда я еще не встречал обитателей Владивостока). В руках он держал початую бутылку неизвестной мне жидкости...

В ответ на наше приветствие Саша с печальным видом поведал, что хотели они с кем-то еще опохмелиться, купили на последние юани бутылку китайской водяры, но пить не могут, ибо запах от нее идет совершенно нестерпимый. «Наверное, выброшу ее, проклятую, прямо сейчас», – грустно завершил наш сибирский приятель.

Мой сосед насторожился настолько, насколько позволяла ему дипломатическая выучка... «Слушай, отдай ее нам, если уж правда выбрасывать собрался», – как бы небрежно предложил он печальному Саше. «Да зачем она тебе, – искренне удивился тот, – ее же точно пить нельзя!» «Ну, – уклончиво отвечал мой сосед по купе, – знаешь, там чистить будем, если где чего запахнет, протирать всякую фигню...»

Саше, похоже, было уже все равно. Он протянул бутылку и поплелся прочь, бормоча на ходу что-то нелестное про китайцев и их чертову водку...

Зачем я все это рассказываю? А затем, что через полчаса трое манерных, лощеных блатных мгимовников прикончили вышеозначенную бутылку, употребив все внутрь, а не для протирания мифической «фигни». Я от соучастия отказался, чему мои соседи были несказанно рады...

Так что, граждане, на вкус и цвет товарища все-таки нет, и даже социальное происхождение, образование и французский язык здесь совершенно ни при чем.

Как уже говорилось в начале темы, алкоголиков в Китае мало, и пьянство в этой стране стихийным бедствием, как у нас, не считается. Мне приходилось видеть отдельных перебравших субъектов, которых под руки выводили из ресторана более трезвые приятели, более того, мне известны случаи смертей в результате алкогольной интоксикации, однако все это происходит в Поднебесной империи не особенно-то часто.

Во-первых, в большинстве случаев китайцы пьют свою водку-вонючку за столом, обильно уставленным едой, а не соображают на троих на скамейке, закусывая куском черствого хлеба. Во-вторых, у них обычно хорошо действуют тормоза, и люди прекращают пить еще до того, как теряют способность держаться на ногах. В-третьих, по своей природе китайцы не драчливы и весьма трусливы, и даже застолье с серьезным возлиянием хотя и создает много шума, но почти никогда не стремится к плавному перетеканию в пьяную беспричинную драку. Хотя всякое иногда бывает, упившихся до беспамятства и валяющихся в канаве экземпляров в Китае почти не встретишь...

Самое главное отличие в менталитете русских и китайцев, мне кажется (хотя здесь я, опять же, очень все усредняю), заключается в том, что русские часто собираются именно для совместного распития водки, а китайцы – прежде всего для общения, а пить или не пить, сколько пить и чего – это вопрос для них вторичный. Поэтому проблема алкоголизма в Китае и отсутствует.

И наконец, об экзотике. Говорят, что китайцы – мастера приготовления различных целебных спиртовых настоек, которые помогают при всех и всяческих хворобах, включая насморк, импотенцию и раковые опухоли, а также восстанавливают гармонию «инь» и «ян» в организме и продлевают жизнь. Верить или не верить в такие легенды – дело исключительно ваше. Я же настроен скорее скептически, а в том, чтобы поймать в лесу гадюку и засунуть ее в бутылку с плохим самогоном, особого мастерства также не усматриваю.

Другое дело – разнообразие. Обилие экзотических эликсиров в Китае вовсе не преувеличено слухами, в дешевых магазинах каких только настоек нельзя купить! Вот здесь змея, заспиртованная вместе с корнем женьшеня в водке-вонючке, а тут ящерица грустно смотрит на вас сквозь стекло, а там ящерицы, змея и женьшень, а также другие разнообразные животные и корни маринуются все в той же жидкости. Цены – от сравнительно гуманных до совершенно запредельных, в зависимости, разумеется, от замоченных в бутылках ингредиентов, а также от фантазии и аппетитов конкретного производителя. Упаковка – от примерно литровых бутылок до огромных стеклянных емкостей. Выбирай, короче, на вкус, размер и кошелек. Кстати, сами китайцы все больше предпочитают чистую водку, без ужей, лягушек и ящериц.

Некоторые наши меньшие братья обладают порой поразительными качествами. Например, змеи. Не каждая змея, погруженная в бутылку с вонючим алкоголем, стремится немедленно и окончательно уйти в нирвану: не так давно в Шанхае один дядечка, любитель народных лекарственных средств, приобрел сосуд с пресловутой рептилией, затем открыл его и попытался вдохнуть чудесный аромат, приблизив, естественно, свое лицо к горлышку бутылки. И что же? Змея оказалась вполне живой и бодрой, что тут же и доказала, ловко цапнув свою жертву за нос. Знающие китайцы утверждают, что каждый год в стране происходит несколько подобных случаев...

Что касается женьшеня, о чудесных качествах которого в последние годы осведомлен всяк и каждый... Это все правда? Нуда, практически каждый российский мужчина «за сорок», попадающий в Поднебесную, очень стремится обзавестись женьшенем в любой ипостаси (в водке, в таблетках, капсулах, пластинках)... ага, надежды, как водится, питают не только юношей. Я лично с удовольствием рекомендую приобретать цельный корень, а не всякие там настойки (да-да, лучше не внутрь, а привязывать – вы правильно догадались)...

Один мой знакомый давно хотел попробовать китайскую водку со змеей. Ну, съездил, купил, привез... Поставил на шкаф, пить пока не решается. Говорит, смущает его как-то взгляд змеи, что глядит из бутылки своими глазками-бусинками с каким-то невысказанным, но глубоким упреком. Ну и пусть стоит себе на шкафу – может, чей-то нос целее будет.

Народ, услышав историю про жизнестойкую рептилию, начинает громко смеяться; затем же в двух случаях из трех неминуемо возникает вопрос: а есть ли в Китае другие опасности (помимо недозаспиртованной змеи), что подстерегают неосторожного путешественника? Что у наших соседей с преступностью и терроризмом? Если это интересует и вас, читайте следующую главу.

Увидеть Китай и не умереть

Только зря он шутит с нашим братом,
У меня есть мера, даже две:
Если он меня прикончит матом,
Так я его – через бедро с захватом
Или – ход конем – по голове!
Владимир Высоцкий. «Честь шахматной короны»

...В общем и целом путешествовать в Китае сейчас можно, почти совершенно не опасаясь за свою жизнь и здоровье, что бы там ни ввали на этот счет западные путеводители. Посмотрели бы вы, кстати, что они стонут по нашему поводу! К тому же «что русскому здорово, немцу смерть», и избалованные благами цивилизации западные обыватели, попадая на не везде благополучную (в их понимании) территорию Поднебесной империи, пугаются насмерть и начинают громко стонать. Мы лее, обитатели «рублевого пространства» и приближенных к последнему ныне самостийных стран, где вечно все не слава богу и где

всегда хотят как лучше, а получается известно как, значительно более стойки к сюрпризам и неожиданностям, которые несет нам здешняя дорога. Нас ли испугают китайские засухи, наводнения, землетрясения и жалкие карманные воришки? Все это нами давно пройдено и не по одному разу (а еще у нас террористы, ментовский беспредел, полное отсутствие общественных сортиров... да мало ли что еще) – закаленные мы, однако...

Китайская полиция, в отличие от нашей, для путешественника относится к разделу «Полезное», а вовсе не к рубрике «Прочие опасности». По крайней мере, иностранец в случае любой необходимости (даже не обязательно будучи обворованным или как-то иначе обиженным) может немедленно обратиться к ближайшему менту за помощью и скорее всего такую получит. Невероятно? Несколько раз я убедился в эффективности работы китайской полиции и ее доброжелательном настрое по отношению к иностранцам на собственном опыте.

Даже по отношению к собственным гражданам китайские менты становятся все более и более гуманными и полезными и далеко не всегда бьют оных граждан резиновыми дубинками прежде, чем задавать вопросы. Причины? Служба в китайской полиции престижна, потому что (здесь, разумеется, есть и обратная причинно-следственная связь) туда берут не разнообразную пакость, с большой натяжкой годную по состоянию здоровья, а нормальных людей, причем по конкурсу. Нови чка в полиции ожидает многомесячный курс обучения и экзамены с аттестацией, которые будут повторяться каждый год. Кадр, на которого поступила хоть одна жалоба, имеет гораздо меньше шансов пройти очередную аттестацию, чем его более приличные коллеги. А за злоупотребление служебным положением можно очень легко загреметь за решетку, и никакие защитники чести мундира в лице вышестоящих органов не помогут, а только, как гласит китайская поговорка, «бросят камень вслед упавшему в колодец»...

Поэтому я ни разу еще не видел китайского полицейского, которому пришла бы в голову дебильная мысль проверять документы у иностранца, вымогать у последнего взятку или заниматься рукоприкладством (как все знают, у нас такое в порядке вещей; вон, в Питере менты на улице умудрились измордовать не кого-нибудь, а шведских дипломатов: вероятно, в Китае таких служителей Фемиды после подобного инцидента ждал бы очень скорый суд и длительное тюремное заключение, если не что похуже).

Подытоживая, повторю: попав на территории КНР в пиковую ситуацию, путешественник вполне может рассчитывать на помощь полиции. Однако слишком расслабляться, полагаясь на эту организацию, я бы не советовал ввиду самой ее сущности. Одним словом, самому плошать нельзя.

Впрочем, состояние преступности в той стране, в которую мы едем путешествовать, – немаловажный фактор для оценки предстоящего пути (а также и того, стоит ли вообще выходить за порог своего дома), скажем же здесь о нем несколько слов. Прежде всего повторю, что за свои жизнь и здоровье в Китае можно не особенно опасаться: покушения на оные, особенно принадлежащие иностранным гражданам, там практически не распространены. Китайские уголовные законы очень суровы вообще, а преступления против иностранных граждан расследуются с особым вниманием, так что... Можно встретить исключения (об одном из них ниже), но таковые только подтверждают общее правило.

Иное дело – воровство, которое цветет махровым цветом на улицах и площадях крупных и мелких городов, в аэропортах, на вокзалах и в поездах; здесь иностранец, напротив, становится самым вожделенным объектом деятельности жуликов, карманников и прочих проходимцев, упорно считающих, что все заморские гости – несомненные богачи (по сравнению с глухой китайской провинцией так оно и есть), носящие в каждом кармане по жирной пачке зеленых американских купюр. Эта не вполне обоснованная уверенность, впрочем, иногда подкрепляется поведением в Китае действительно состоятельных, толстых и глупых американских туристов в шортах на кривых морщинистых ногах и с непременно

рюкзачками за спиной: эти ребята и в самом деле, покупая на улице мороженое, вытаскивают на свет божий толстенные кипы денег, а окружающие их со всех сторон любопытные китайцы сглатывают набежавшую слюну... В общем, пачками вы там носите деньги в карманах или нет, осторожность и предусмотрительность отнюдь вам не помешают в любой точке КНР. Китайские карманники так же ловки, как и их российские коллеги, а методы их работы примерно такие же, как и во всех остальных точках земного шара...

Станете вы жертвой ловкого карманника или нет, зависит как от его старания и везения, так и от вашей бдительности и разумности поведения, так что особенно пугаться китайских воров не следует. Гораздо больше расстроит вас все тот же несомненный факт (о котором уже шла речь), что подавляющее большинство китайского населения (да, увы, увы, и ваши китайские друзья, если они есть) считает всех иностранцев глупыми, недалекими (причем в то же самое время богатыми) людьми, которых просто-таки грех не обмануть (обсчитать, обвесить и т. д.); мне доводилось бывать и в других азиатских странах, но подобного тотального убеждения в умственной неполноценности представителей иных наций, как у китайцев, мне не доводилось видеть нигде. «Если китаец не обманул иностранца, он сам чувствует себя обманутым», – говорил неоднократно Александр Ким, умудренный многолетним опытом жизни в Поднебесной преуспевающий российский бизнесмен. Не могу не согласиться с этим утверждением на все сто процентов.

Все вытекающие и втекающие последствия этой идеологии полутора миллиардов наших ближайших соседей вы сможете немедленно испытать на своей шкуре, переступив границу Китая. Среди этих соседей есть и хорошие, порядочные люди, так что не исключено, что вам повезет. Но если не будете держать ухо востро, то скорее всего очень быстро окажетесь без всяких средств к существованию и без помощи карманных воров – просто в результате постоянного обсчитывания и обвешивания. Впрочем, методы обмана, при ближайшем рассмотрении, довольно тупы и однообразны, и, поняв их единожды, вряд ли можно купиться на них во второй раз. Обманув вас, китаец будет продолжать вас тихо презирать; если вы не дадите ему этого сделать, он вас зауважает. Заставьте же себя уважать...

Несмотря на относительную безопасность, в Китае случается все якое (как правильно отметил в свое время Форрест Гамп, «shit happens»). Так вот, как-то, уже много лет тому назад, еще во времена незабвенной студенческой юности, мне посчастливилось попасть в славный южно-китайский город Гуанчжоу, уже тогда заманчиво сиявший непривычными для «совков» неоновыми рекламными фирмами «Сейко» и прочей пепси-колы (в этом субтропическом раю я намеревался провести несколько дней, а затем отбыть обратно в Пекин). Когда поезд наконец остановился у перрона, день уже клонился к вечеру, и стало казаться, что пора бы присмотреть место для незамысловатого ночлега.

Тогдашняя идиотическая система китайского гостиничного хозяйства (она уже давно, слава богу, изменилась к лучшему), была устроена таким образом, что иностранец далеко не всегда мог поселиться в приличную, но дешевую гостиницу (в большинстве таких человек с иностранным паспортом просто не селили, ссылаясь чаще всего на некое «отсутствие необходимых условий»), а вынужден был обращаться к услугам дорожных (особенно по нашим тогдашним студенческим меркам) роскошных отелей. Как я обнаружил, в Гуанчжоу этот маразм процветал особенно пышным цветом.

Не буду утомлять читателя описанием моих вечерних гуанчжоуских скитаний, скажу лишь, что полночь застала-таки меня в пути, на пустынной, благоухающей тропическими ароматами темной улице, бредущего, хоть и не в отчаянии, но в изрядном беспокойстве куда глаза глядят...

Мои печальные раздумья по поводу несовершенства туристического бизнеса в Китае были внезапно прерваны, когда из-за угла с диким воплем выскочил всклокоченного вида человек, тут же замахнувшийся на меня половинкой кирпича. Нехитрый смысл истерических воплей этого типа, как вы уже догадались, сводился к банальной фразе «кошелек или жизнь», что, само собой, очень меня озадачило. Не буду строить из себя героя

гонконгского боевика и честно признаюсь, что в первый момент был изрядно напуган появлением этого южно-китайского злодея (до той поры меня пытались ограбить на улице только один раз, и то как-то не очень серьезно). Но, внимательней присмотревшись к моему визави и взвесив различные возможности продолжения нашей встречи, я пришел к выводу, что, пожалуй, данного грабителя я успею размазать по близлежащей стенке гораздо быстрее, нежели он грохнет меня по голове своим дурацким кирпичом (нашел тоже, с чем отправиться на дело).

Однако, пока китаец продолжал визжать и размахивать незамысловатым орудием разбоя в воздухе, мне все же подумалось, что, может быть, как-то удастся завершить дело миром, а для прямого в челюсть и броска через бедро все равно поздно не будет никогда. И я начал переговоры.

О чем можно разговаривать с китайским грабителем? О, выбор тем огромен и неисчерпаем, особенно если понимаешь, что в гостиницу уже вряд ли устроишься, а впереди еще целая ночь. Самым смешным, однако, кажется мне окончание нашей беседы, когда мой новый приятель предложил мне объединить усилия, то есть пойти и грабануть кого-нибудь вместе...

В ответ на это я не нашел ничего лучшего, чем напомнить ему о ментах, КПЗ, народном суде и переполненных тюрьмах, которые, вне всякого сомнения, ждут ночных любителей помахать кирпичом. «А в Советском Союзе (тогда еще существовал Союз) за такие дела тоже в тюрьму сажают?» – серьезно спросил меня ночной знакомец. После моего утвердительного ответа он глубоко задумался и сказал, что, мол, тогда на дело не пойдем, по крайней мере сегодня ночью. После этого он с чувством пожал мне руку, пообещал предоставить любую помощь, какая только мне может понадобиться в будущем, попрощался и растворился в ночном мраке, выбросив предварительно кирпич. Адрес, правда, он свой сообщить забыл, так что и не знаю, как его теперь искать, если возникнет такая надобность в Гуанчжоу.

Мораль сей басни, уважаемый читатель, такова, что, возможно, древние китайцы в чем-то были правы насчет благой цивилизующей силы «дэ». (На всякий случай, знание пары приемов самбо тоже не помешает, если вы выйдете прогуляться под звезды китайских субтропиков, а сила «дэ» в решающий момент вдруг не поможет...)

Это самая «страшная» история из тех, в которые доводилось попадать в Китае мне самому, однако другие люди рассказывают разное. Совсем недавно, например, в растиражированном печатным образом дневнике некоего любителя путешествий автостопом мне встретился увлекательнейший эпизод, где оный герой, странствуя (в наши дни, а отнюдь не в Средневековье) по северному Китаю, якобы встречает на своем пути целую банду хунхузлов и квалифицированно ликвидирует их всех без исключения, стукнув одного злодея по голове домкратом, потом захватив винтовку и перестреляв из нее оставшихся мерзавцев. В трофеи же нашему страннику достались якобы автомат Калашникова и мешок яблок... Однако, несмотря на все (безусловно очень красочные) описания данного геройства, у меня лично по поводу этого самого доморощенного Рэмбо – любителя автостопа имеются очень крупные сомнения. Думаю, у вас тоже.

Попавшие в Поднебесную империю любители ночных развлечений (не особенно респектабельных клубов, дискотек, саун и плохо замаскированных под сауны борделей) подвергают себя, как и в любой стране, определенному риску. Иногда, и, как это всегда бывает, совершенно неожиданно, путешественник может встретить на дискотеке группу подвыпившей или обкурившейся молодежи, в которой вдруг разыграются антииностранные настроения (с вытекающими последствиями). Впрочем, таковые последствия чаще всего ограничиваются банальным фонарем под глазом, а вот позволивший затянуть себя на сомнительный «массаж» (а таких зазывал полно сейчас даже и на центральных улицах Пекина) или в караоке доверчивый субъект рискует подвергнуться вымогательству, совершенно беспредельному обсчету (за пять ломтиков арбуза вполне могут попросить

пятьдесят, сто или триста долларов – в зависимости от аппетитов негодяев), за которым опять же последуют угрозы и попытки вытянуть денежки; существует и некоторый риск просто получить чем-нибудь тяжелым по голове и очнуться в канаве с вывернутыми карманами... Конечно, в последнее время подобной «беспредельщины» становится все меньше и меньше, однако любители выпотрошить богатенького иностранного «лоха» в Китае все же не переводятся. Поэтому, прежде чем куда-либо соваться, нужно очень хорошо подумать. В походах по всяким значным местам лучше или держаться компанией, или двигаться в сопровождении местных жителей, которых вы знаете не первый день и которым безусловно доверяете.

Китаец, уличенный в попытке обмана или обсчета, обычно тушует и пытается быстренько «замазать» у клиента неприятное впечатление (обычно на обманщика все же можно, при известных желани и усилиях, найти хорошую управу, и последний это прекрасно знает); чаще всего даже имеется вариант разойтись по-хорошему. Но в некоторых, хотя и довольно редких, случаях, разоблаченный жулик может обозлиться и кинуться на свою несостоявшуюся жертву буквально с кулаками; по крайней мере, мне такие случаи известны. Рецепты поведения в подобной ситуации давать очень сложно: с одной стороны, собравшаяся толпа за редкими исключениями будет всецело на стороне китайца (найдутся и энтузиасты-ксенофобы, которые затем дадут в полиции показания не в вашу пользу, как бы вы ни были правы); с другой стороны, права на самооборону вы не лишаетесь и на территории другого государства, а свои жизнь и здоровье, надеюсь, вам очень дороги. С третьей стороны, как и в любой критической ситуации, нужно постараться в полной мере проанализировать и такие факторы, как соотношение физических сил и технической подготовки, время, место и наличие свидетелей, а главное – перспективы перехода выяснения отношений от банальной уличной стычки к ознакомлению с местным КПЗ, больницей, народным судом и т. д. В любом случае необходимо так или иначе сохранять трезвый рассудок и не терять голову. Выход есть всегда (или почти всегда). Обычно он находится именно там, где вход.

Более подходящего места для того, чтобы стать объектом насильственных действий со стороны посторонних лиц, чем наша страна, не придумаешь. Поэтому определенными навыками действий в экстремальной ситуации должен обладать каждый читатель этой книги, коль скоро она написана по-русски. В противном случае ваши жизнь и здоровье подвергаются опасности каждый день, в любое время и в любом месте. Если вы отправляетесь в путешествие, подобные навыки тоже не будут лишними. Ведь иногда усталый путник, даже совершенно не интересующийся значными заведениями и ни с кем не ссорящийся, имеет шанс подвергнуться попытке обычного гоп-стопа: об одной такой истории вы могли прочитать немного выше.

Эта книжка – не учебник по боевым искусствам и не инструкция по самообороне, поэтому буду очень краток: соответствующих материалов, а также секций, школ и клубов в нашей стране хватает с избытком... Итак, в случае возникновения критической ситуации в Китае я предлагаю делать следующее.

1. Пытайтесь в любом случае сохранять спокойствие и присутствие духа. Ваша выдержка сама по себе – мощное оружие, способное эффективно воздействовать на противника. Наверное, стоит прежде всего самому оставаться человеком, не относиться к китайцам с презрением, не верещать на них и не пинать – этого наши дальневосточные соседи «почему-то» не любят. К сожалению, я неоднократно был свидетелем возникновения различных конфликтных ситуаций в Китае именно по этой причине и именно с нашими соотечественниками... Иными словами, пьяная распоясавшаяся компания владивостокских ушлёпков (их в последние годы в Китае развелось немерено, в основном это так называемые «челноки») способна в две секунды испортить все – от вашего настроения до ресторанных стекол и имиджа россиянина за рубежом. Рекомендуется держаться подальше.

2. Памятуя о китайской специфике, можно предполагать, что у вашего противника вряд ли

есть огнестрельное оружие. Однако нож или заточка – тоже не подарок, а у*ensored*гана на дискотеке или уличного громилы они запросто могут оказаться. Если же вам противостоит некий гражданин, заведомо не относящийся к криминальному элементу, то не забывайте одну национальную особенность китайцев – в случае драки, даже один на один, обязательно хвататься за любые подручные предметы, используя их в качестве оружия. В принципе, это обычно тактически правильное действие, и данный момент я советую всесторонне учесть.

3. Китайцы трусоваты по натуре. Поэтому, кстати, они проиграли все войны, которые только могли. Если конфликт прогрессировал до явно взрывоопасной стадии, покажите противнику свою готовность к самым решительным действиям. К примеру, если забияка захватил ваш рукав, лацкан или сумку (а китайцы очень любят это делать), что-то при этом громко вереща, его захват необходимо решительно сбить. Очень часто именно после этого действия пыл нападающего ослабевает до такой степени, что вы можете спокойно ретироваться, либо он сделает это первый или немедленно перейдет от рукоприкладства к словесной перепалке, а брань, как известно, на ворота не виснет. Проверено на практике. Если ваша подготовка или ситуация позволяют уронить противника на землю, то это также очень хорошо (в смысле – утихомиривающе и благотворно) подействует на него. В любом случае рекомендуется вначале успокоиться и включить мозг, а если уж начали радикальную акцию – действуйте решительно.

На северо-востоке Китая народ в основном поглубе и бол ее неотесанный, чем в других провинциях, и значительно более склонен к употреблению крепкого алкоголя в больших (для китайца) количествах. Именно там водится нечастый, но представляющий некоторую опасность для окружающих тип отморозка; обычно это крепко сбитая особь мужского пола с почти налысо выбритой головой и наглой физиономией, в подпитии отвратительно шумная и способная на немотивированную агрессию – для Китая явление почти уникальное. Подобная особь обычно строит свое поведение, копируя манеры разнообразных мафиози из многочисленных китайских же сериалов и очень стремится на них походить; выглядит это весьма забавно, поскольку настоящая организованная преступность в Китае, конечно же, есть, но к угрожающим киношным образам отношения никакого не имеет, обычным человеком (а в особенности иностранцем) не интересуется и опасности для последнего не представляет. Если вы не чувствуете в себе достаточно способностей, чтобы нокаутировать парочку подобных лысых придурков, держитесь от них подальше. Как и от упоминавшихся выше пьяных агрессивных соотечественников. Кстати, те и другие очень похожи.

Есть одно редкое, но при этом весьма отвратительное явление, с которым имеет некоторый шанс столкнуться в Китае любой иностранец, – беспричинная ненависть и не спровоцированное нападение со стороны некоторых жителей Поднебесной империи; по счастью, таковых лишь крайне незначительное меньшинство. Написав слово «беспричинная», я, конечно же, был не совсем корректен; в данном случае лучше использовать определение «внезапная для объекта нападения», причины же подобным фокусам как раз в природе имеются, хотя человеку, незнакомому с историей Китая, понять их довольно сложно.

В первой главе я уже попытался немного описать процесс складывания отношений китайцев и обитателей дальнего для последних зарубежья, упомянул и о неравноправных договорах, и о постепенной колонизации Китая «заморскими чертями», и т. п. Так вот, большинство китайцев пр езирают иностранцев (или, по крайней мере, относятся к ним как к глупышам и недотепам – вспомните само значение слова «лаовай»!), вовсе не афишируя своих убеждений; самые «продвинутые» даже порой стыдятся подобных чувств. Так что в основном все в шоколаде.

Однако лично мне встречались и законченные идиоты, преисполненные дешевого ишачьего патриотизма и явно убежденные в том, что просто-таки обязаны мстить первому попавшемуся на их пути иностранцу за имевшие место когда-то в прошлом унижения своей родины (которые увидели в очередном сериале). Хотя и довольно редко, но вас могут

совершенно неожиданно обхамить, обругать, оскорбить или, в зависимости от обстоятельств, даже попытаться ударить каким-нибудь предметом только и исключительно из-за того, что вы – не китаец. Ну что же, для разрешения подобных ситуаций и была написана эта глава.

Завершу этот краткий «инструктаж;» опять же рекомендацией быть бдительным, но при этом без фанатизма и паранойи, и пожеланием, чтобы мои советы по самообороне вам негодились ни в Китае, ни в какой-либо иной точке планеты!

Против чего какие-либо навыки самозащиты вряд ли помогут – это этнические конфликты и терроризм. Они, к сожалению, присутствуют в нынешнем Китае, хотя и далеко не повсеместно и, как и следовало ожидать, напрямую связаны с сепаратизмом. Нынешний северо-запад Китая – Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), часть провинций Ганьсу и Цинхай – был присоединен к этой стране довольно поздно, уже в девятнадцатом веке, причем в результате нескольких весьма кровавых войн; местное население неоднократно восставало против китайских завоевателей, и эти восстания жестоко подавлялись. Вряд ли я ошибусь, если скажу, что большая часть коренных жителей СУАР – уйгуров, дунган и других – и поныне относится к китайцам как к оккупантам и чужакам, в том числе и к официальным властям, и к переселяющимся в массовом порядке на запад КНР простым ханьцам (то есть собственно китайцам). Я неоднократно был в Синьцзяне, и каждый раз мое впечатление от тамошних национальных взаимоотношений было очень неоднозначным. С одной стороны, китайские власти, как и в Тибете, делают огромную работу по благоустройству, трудоустройству, насаждению чистоты, красоты, благости и «Макдоналдсов», с другой – местные от этого не начинают воспринимать китайцев как родных. Скрытая враждебность витает в воздухе...

Что и выражается в продолжающихся конфликтах, причем очень жестоких. В настоящее время в Синьцзяне насчитывается около тридцати террористических организаций, самая известная из которых – «Объединенный национальный революционный фронт Восточного Туркестана», на совести этого самого «фронта» – многочисленные взрывы, диверсии на линиях электропередачи и водопроводах, убийства, ограбления банков, организация массовых беспорядков и прочие шалости, характерные для террористов-отморозков. Есть также организации под красивыми названиями типа «Искра Родины», «Движение ислама Восточного Туркестана» и т. д., отличающиеся между собой спонсорами и местоположением тренировочных лагерей: некоторым ближе Хаттаб, кому-то-Талибан...

О связях терроризма с какой-либо определенной религией умолчу из соображений политкорректности, однако не могу не вспомнить вот о чем: коренное население Тибета, присоединенного к Китаю сравнительно недавно (в начале 50-х годов прошлого века), тоже далеко не в восторге от нынешнего режима, как и синьцзянцы. Но. Всякое бывало в Тибете и случается по сей день: голодовки, демонстрации протеста, религиозные деятели кое-какие сбежали и все бухтят про свободу и демократию из-за границы, монахи временами врукопашную дерутся с китайским ОМОНОм, однако ни о тибетцах, загрузивших в машину сотню килограмм гексогена и въехавших на ней в полицейский участок, ни о том, чтобы Далай-лама организовал в Индии тренировочный лагерь для боевиков, мы как-то вроде бы не слышали. Зато, к примеру, в 1996-м в Пекине «фронт Восточного Туркестана» умудрился взорвать троллейбус метрах в трехстах от моего офиса (хорошо, что в то время я ездил на работу на велике). Так что непolitкорректные выводы делайте сами...

Значит ли это все, что от поездок в западную часть Китая стоит воздержаться, чтобы ненароком не попасть «под замес»? Я лично полагаю, что определенный риск в таком предприятии существует... но вряд ли он намного больше, чем во время, скажем, поездки в московском метро...

Есть распространенное мнение, что Китай – такое место, где запросто можно подхватить какую-нибудь очень экзотическую и при этом обязательно смертельную болезнь, а посему перед поездкой в эту страну нужно непременно сделать кучу прививок. По крайней мере,

большинство людей, с которыми мы говорили на данную тему, думают именно так.

Помню, как перед своей первой поездкой в Тибет мы, поверив пресловутому путеводителю «Lonely Planet», собрали целый запас лекарств от болезней и, которая, как утверждалось, просто-таки свирепствует на «Крыше мира». Как и следовало ожидать, все эти медикаменты нам никак негодились, но каково же было мое удивление, когда, из чистого любопытства проглядывая путеводитель того же издательства по России, я обнаружил, что главным очагом амёбной хвори является не Тибет, а... мой родимый Санкт-Петербург – перед приездом к нам путешественнику рекомендуется запастись... правильно, целым возом соответствующих лекарств.

Мне же тут вспоминается стишок про то, что «в Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы»... иными словами, в Китае далеко не все так страшно, а вот если не мыть руки перед едой и жадно пожирать на улице грязные фрукты прямо с рынка, что многие по-прежнему делают и у нас, то гепатит, дизентерию и прочие хвори можно получить, и не покидая пределов родного российского города. В прошлом Китай был действительно очень грязной страной, которую нередко посещали чума, холера и другие гадости, сейчас же гигиенические условия жизни в крупных городах почти везде стали весьма удовлетворительными. Конечно, чем дальше в глубинку, тем более грязными становятся вокруг вас улицы, дома и закусовые, но особенных поводов впасть в истерику нормальный человек там не найдет. Иными словами, если почаще мыть руки, соблюдать те элементарные правила гигиены, о которых не стоит забывать и в России, и при этом внимательно рассматривать то, что собираетесь съесть, никакая зараза вам не грозит. Впрочем, есть и кое-какие небольшие хитрости, которые помогут сохранить здоровье на просторах Поднебесной империи.

... Примерно через десять часов после отправления наш автобус, по самую крышу заляпанный грязью, остановился на окраине Вэньчжоу, города на юго-восточном побережье Китая. Спрыгнув на обочину, я по щиколотку погрузился в липкую грязь и тут же ощутил всю прелесть морозящего вот уже не первый день назойливого дождя. Оглядевшись по сторонам, я не увидел ничего, кроме удалявшегося в туман автобуса, канавы, доверху забросанной мусором, и огромной серой крысы, внимательно смотревшей на меня умными глазками-бусинками. В них читалось явное сомнение по поводу того, стоило ли заморскому гостю появляться здесь, в откровенно антисанитарном месте, где нет роскошных гостиниц и плавательных бассейнов.

Спустя полчаса я сидел в крохотной темной закусовой, стены которой были сколочены из разномастных кусков фанеры, шифера, старых дверей от грузовиков и прочего хлама, и с удовольствием глотал то, что сейчас вряд ли считал бы съедобным (ах, студенческая юность!). Старые палочки для еды, которые были выданы мне гостеприимным хозяином, служили, вероятно, еще не одному поколению посетителей забегаловки, но меня это мало волновало: перед тем как начать наслаждаться незамысловатыми шедеврами местной кухни, я подверг этот столовый прибор обработке на пламени любимой зажигалки. Если не забывать брать с собой этот замечательный прибор, то дизентерия не страшна и гастрономический мир Китая открыт для вас в любое время без какого-либо ущерба для здоровья...

Прошли годы, изменилась китайская глубинка, Вэньчжоу превратился в самый натуральный стеклобетонный мегаполис, в большинстве забегаловок появились гигиеничные одноразовые палочки для еды (они изготовлены из цельного брусочка дерева и перед употреблением разламываются пополам – обратно их уже не склеишь, сколько ни пытайся). Но, отправляясь в очередное странствие, я никогда не забываю положить в карман зажигалку – отказываться от нее пока рановато.

Конечно, кроме знакомства с разнообразными блюдами национальной кухни, в Китае

можно найти еще множество различных интересных и полезных занятий. Поэтому разумную осторожность надо бы соблюдать там не только во время еды, но и во все остальные моменты. К примеру, хотя СПИД в Поднебесной распространяется и не такими стремительными темпами, как на Западе или у нас, но он тем не менее там безусловно есть, так что делайте соответствующие выводы. И поедете ли вы когда-нибудь в Китай, или предпочтете остаться дома, будьте здоровы и счастливы! А мой рассказ о технике безопасности на этом завершен. Перейдем, пожалуй, к знаменитым «церемониям».

Китайские церемонии

– Да, – задумчиво сказал Кавабата, – а ведь, в сущности, этот рисунок страшен. От животных нас отличают только те правила и ритуалы, о которых мы договорились друг с другом. Нарушить их – хуже, чем умереть, потому что только они отделяют нас от бездны хаоса, начинающейся прямо у наших ног, – если, конечно, снять повязку с глаз.

Виктор Пелевин. «Чапаев и Пустота»

Давным-давно вошли в русский язык и навсегда остались в нем устойчивые словосочетания типа «китайская грамота», «китайский городской», «китайские церемонии» и другие выражения, связанные так или иначе с Китаем. Что такое «китайская грамота», вы могли в общих чертах узнать из одной из предыдущих глав, что такое «китайский городской», я и сам толком не знаю, а вот с «церемониями» мы сейчас разберемся. Вернее, со стереотипным представлением нашего человека о том, что китайцы – люди с утонченными манерами, отношения которых строятся на основе долгих и сложных церемоний, поклонов до земли и вежливых улыбок.

Кстати, почему мы так о них думаем? Кто-то, вероятно, построил свое представление только исходя из самого смысла русского выражения «китайские церемонии», перенося этот самый смысл с иносказания на реальную жизнь. Кто-то просто перепутал Китай с какой-нибудь другой страной (звучала же когда-то по радио популярная песня с совершенно бессмысленной фразой «китайка в кимоно»; китайки кимоно не носят, но авторам тупой попсы на это совершенно наплевать). Те же, кто прочитал парочку заумных трудов по китайской философии, обязательно припомнят Конфуция с его ритуалом и пяти тысячелетий, то есть очень почтенный возраст китайской цивилизации (предполагается, вероятно, что развесистые церемонии и утонченная вежливость должны были развиться за эти тысячи лет сами собой...). Короче, в подробности никто пока особенно не вдавался. Ну, по порядку.

Словосочетание «китайские церемонии» интересно не только потому, что является неотъемлемой частью великого и могучего русского языка, но и из-за того, что при подробном рассмотрении в нем можно найти кое-какие любопытные приметы давно минувших дней. В самом деле, эпоха, в которую начались оживленные контакты иностранцев (в том числе и русских) с Китаем, пришлась на поздние годы правления там императорской династии Цин. Естественно, что заморским варварам (то есть, э-ээ... гостям) приходилось общаться в первую очередь не с простым народом, а с бюрократической верхушкой китайского государства; в свою очередь, жизнь крупного и мелкого чиновничества действительно была скрупулезно организована в соответствии с архаическими понятиями китайцев о том, как должен выглядеть конфуцианский ритуал. То же самое можно сказать и о тогдашнем китайском делопроизводстве. Таким образом, одной из первых вещей, на которые обращал внимание иностранец в Китае, и были эти донельзя усложненные церемонии, бесконечные поклоны и невообразимо разветвленная иерархия бюрократической машины. Стоит ли удивляться тому, что многие стали полагать все это неотъемлемой характеристикой всего Китая?

Спору нет, разглагольствования Конфуция, его учеников и последователей о ритуале действительно, как уже было сказано, оказали сильнейшее воздействие на формирование

чиновничьего этикета, дворцовых и бюрократических ритуалов. Но не стоит забывать, что чиновничество, несмотря на свою многочисленность, являлось все же только крохотной частью китайского общества, а простой народ всегда жил, руководствуясь не дворцовыми ритуалами, а своими, весьма простыми понятиями. Кроме того, Цинская империя прекратила свое существование вот уже сто лет назад, а вслед за ней постепенно отправились на свалку и знаменитые «китайские церемонии». Поэтому, если хотите, чтобы вам очень-очень старательно кланялись и улыбались, нужно ехать отнюдь не в Китай, а, скажем, в Японию.

Не будем забывать, что сильно ускорили отмирание всех вышеупомянутых ритуальных процедур и революция 1949 года, и последующее правление в Китае КПК. Если при гоминьдановской республике чиновники еще порой пытались апеллировать к конфуцианским понятиям, то при коммунистах основную роль стали играть «централизованная демократия» и мнение партийной ячейки. Слова «товарищ», «пролетарская революция» и «рабочий класс» заменили собой многочисленные поклоны и навороченные ритуалы...

Конечно, если говорить о праздничных ритуалах, вроде встречи китайского Нового года, или о таком специфическом событии, как китайская свадьба, можно найти там немало количество старинных, традиционных черт. В случае со свадьбой порою нельзя не заметить возрождение исчезнувших было при социализме церемоний. Но здесь мне хотелось бы вкратце рассказать вам не о праздниках (на этот счет уже давно написано немало интересных книг), а о кое-каких чертах нынешней бытовой культуры и повседневной жизни наших восточных соседей.

Вернее, о почти полном отсутствии таковой культуры. Предвижу возмущенные вскрикивания тех «любителей всего китайского», представления которых об их предмете обожания сформировались в лучшем случае в результате чтения романа «Сон в красном тереме», просмотра исторических китайских фильмов и телерепортажей о цветущих весенних садах в Ханчжоу: как же, мол, да как вы смеете, да ведь китайской культуре пять тысяч лет! Да ведь она самая древняя и самая мудрая! Да ведь Конфуций, Сунь-цзы и Сунь Ятсен, живопись в жанре «го-хуа» и собаки породы чау-чау! Да ведь китайцы изобрели бумагу, порох, ушу и иглоукалывание!..

Да-да, все эти песни мы давно уже слышали. Так же, как и команды типа «не смей ходить со своим уставом в чужой монастырь» или что-то подобное. Насчет «монастырей» и «уставов» еще раз повторю, что не собираюсь навязывать ни одному китайцу свое мнение о его стране и оценку уровня культуры ее населения, так что здесь моя совесть совершенно чиста. Насчет древней и не прерывавшейся никогда китайской истории добавлю даже, что некоторые деятели науки в КНР сейчас всерьез доказывают, что ей (истории) не пять, а десять тысяч лет. Вы довольны этим фактом, господа любители «культур-мультикультур»?..

Отлично, только не нужно, как всегда, путать понятия «культура» и «цивилизация». И если китаец продолжает упорно и тупо пялиться на вас на улице только потому, что вы – иностранец, или чавкать, рыгать и пукать во время еды, то при чем здесь его дальний предок, который когда-то изобрел порох? Какое отношение имеет философия Конфуция к человеку, который только и может прочитать, что передовицу в газете да вывеску на соседнем магазине? А как тот факт, что 0,001 % населения Китая владеет высоким искусством каллиграфии, влияет на культуру поведения остальных 99,999 %? Да никак.

Предупреждение: не забывайте (я решительно придерживаюсь этого мнения), что любой человек, не блистающий хорошими манерами, может обладать прекрасными душевными качествами. То, что я говорю здесь о китайцах, вовсе не означает моего пренебрежительного к ним отношения. Просто факты есть факты.

Если китаец вежлив с вами, то более всего вероятно, что ему от вас что-то нужно. Действительно, в таких случаях наши соседи могут быть учтивыми до невероятности и сладкими до приторности. Посмотрите, как изменится поведение вашего собеседника, когда

он добьется своего или по каким-то другим причинам его интерес к вам охладает... Это любопытно.

При громадном количестве китайского населения и его страшной плотности можно было бы предположить, что люди там должны быть крайне внимательны и предупредительны друг к другу, дабы не толкать соседа нечаянно локтем и не наступать ему на ногу. Правильно? А вот не тут-то было.

Такого количества совершенно безразличных ко всем окружающим людей вы не найдете больше ни в одной стране мира. Обычный китаец способен (и усердно это делает) вопить, кричать, верещать, заколачивать гвозди и сверлить бетонные стены электродрелью хоть в полночь, хоть в пять часов утра, и на соседей, пытающихся уснуть за стенкой, ему совершенно наплевать. Между прочим, в результате многолетних наблюдений я убедился, что большинство китайцев встают рано вовсе не для того, чтобы, как принято считать, заняться поутру какой-нибудь полезной для здоровья гимнастикой, а потому, что назойливые соседи просто не дают больше спать. Если же создать им соответствующие условия, то они спокойно продрыхнут до обеда, забыв и любимый утренний тайцзицюань, и непременно говенный завтрак.

Китайцы шумны и совершенно бесцеремонны не только у себя дома, но и в общественных местах.

Отец семейства, находясь на третьем этаже универмага, может громкими воплями переговариваться со своими домочадцами, оставшимися на первом этаже. Ваш собеседник за обеденным столом может рыгнуть вам в лицо и громко испортить воздух прямо у вас под носом. Если же вы сидите в ресторане в одиночку, к вам вполне может подсесть какой-нибудь субъект и нахально поинтересоваться, из какой именно страны вы приехали, причем обязательно именно в тот момент, когда вы прожевываете очередной кусок пищи.

Приезжая в Россию и немного пожив у нас, многие китайцы, если только они не совсем безнадежны, осознают ущербность своих повадок и пытаются научиться вести себя, как полагается (и кстати, от некоторых из них я слышал самокритику куда покруче, чем те вещи, которые вы сейчас читаете). Особенно их поражает стиль общения между членами русских семей (алкоголиков и люмпен-пролетариат я в виду не имею), который совершенно отличается от китайского.

«Будь добра, передай мне соль», «пожалуйста, возвращайся пораньше», «тебе не трудно было бы вынести мусор?» – эти выражения убивают китайцев буквально наповал, ибо подобная вежливость в семейном общении им совершенно не свойственна.

Некоторые, правда, начинают, как бы оправдываясь (еще одна черта китайского характера – всегда как-то оправдать свои действия и поведение, если они отличаются от действий и поведения представителей других наций), говорить, что, мол, «мы считаем, что в семье такие церемонии выглядят слишком официально и потому неуместны». Ну что ж, каждому – свое.

Очередь за чем-нибудь – тоже хорошая возможность увидеть, как по-настоящему выглядят пресловутые «китайские церемонии». Во-первых, стоит вам отдалиться от впереди стоящего хотя бы на расстояние в тридцать сантиметров, как между вами обязательно попытается втереться какой-нибудь «левый» субъект. Многие же просто игнорируют существование очереди вообще, стараясь просто оттеснить конкурентов, отодвинуть чужую руку с деньгами от окошка кассы и засунуть туда свою.

Китайская очередь, как явление весьма своеобразное, зачастую требует и нестандартного управления. Никогда не забуду очередь за билетами на автобусной станции в славном городе Нанкине, отгороженную от других, параллельных, очередей стальными загородками, могущими, наверное, остановить даже продвижение тяжелого танка. Но такие загородки – в Китае дело обычное, и основное впечатление произвели на меня не они, а дяденьки-администраторы, сидевшие на насестах наподобие тех вышек, на которых располагаются обычно волейбольные судьи, и через мегафоны увещевавшие народ не лезть без очереди.

Когда же к кассе прорывался очередной слишком рьяный нарушитель, то добрый дядька с повязкой угощал его с высоты своего стального насеста несколькими ударами по голове... все тем же мегафоном. «Какой чудесный многофункциональный инструмент!» – подумал я тогда...

Конечно, манеры и привычки китайцев очень различаются в зависимости от места их рождения и проживания. Наиболее грубыми манерами и неприличными поведенческими особенностями отличаются северяне и жители провинций, а вот, к примеру, шанхайцы – в массе своей люди довольно воспитанные, пукать за столом и лезть куда-нибудь без очереди не станут. Более того, станут даже увещевать и воспитывать того, кто так делает. Опять же точности ради замечу, что в последние годы я наблюдаю значительный прогресс в стиле поведения китайцев почти по всей этой необъятной стране (за исключением, пожалуй, тибетских плоскогорий: там все пока по-старому)... В большинстве мест хотя и продолжают лезть без очереди, но уже не так жестко, чтобы необходимо было присутствие мужика на насесте.

Правда, рыгать и чавкать при приеме пищи наши соседи пока не перестают, так что, как говорится, есть еще над чем поработать.

Чавканье, как имманентная характеристика китайского народа, появилось не случайно, и, как я подозреваю, его история насчитывает уже не меньше пяти тысяч лет. То есть это явление – штука гораздо более древняя, чем, скажем, учение того же Конфуция. Исторически не всегда хорошо и обильно питавшиеся китайцы (что тут поделаешь – земли мало, народу много), собираясь за общим столом (теперь представьте-ка себе большую семью!), были вынуждены поглощать горячую пищу как можно быстрее: промедлишь – и останешься голодным. А так недолго и заработать ожог слизистой полости рта или пищевода... Так что именно старательное чавканье в течение пяти тысяч лет помогало китайцам вентилировать рот во время еды, стремительно насыщаясь и в то же время избегая того, чтобы обжечься.

Иностранцы, которые впервые попадают на территорию Поднебесной и не обладают сверхкрепкими нервами, поначалу обычно очень страдают от чересчур пристального внимания к себе. Конечно, чем более воспитан китаец, тем меньше он позволяет себе бесцеремонно глазеть на незнакомого человека на улице, в ресторане, в транспорте: вы почти не встретитесь с данной проблемой ни в стольном граде Пекине, ни в давно привыкшем к иностранным физиономиям Шанхае. Но чем дальше в провинцию, тем более тесные толпы обступают со всех сторон удивленного заморского путешественника...

В таких случаях китайцы обычно не смотрят, они именно пялятся на тот объект, который вызвал их интерес. В связи с тем, что в Китае значительная безработица, всегда найдутся десятки и порой даже сотни любопытных праздношатающихся граждан, для которых встретить на улице иностранца – настоящее развлечение. Что меня всегда удивляло в процессе рассматривания китайцами иностранца, так это полное отсутствие эмоций на лицах наблюдателей, которые оглядывают вас тупыми стеклянными глазами. Многие из них могут ходить за иностранцем часами, приближаясь к нему иногда вплотную и даже ощупывая своими грязными руками его одежду, волосы, сумку и т. д. Пристальному разглядыванию и обсуждению подвергнется любой предмет в руках иностранца, даже если он (предмет) был недавно куплен в ближайшем, китайском же, магазине.

Как уже говорилось в первой главе, один мой приятель очень метко называл эти пялящиеся толпы «бандерлогами». Если вы помните киплингские сказки про Маугли и его друзей, то сразу же поймете, что именно подстерегает иностранного путешественника на китайских улицах и площадях. Кстати, далеко не все наблюдатели сохраняют молчание – наиболее «продвинутые», как теперь принято говорить, из них часто сотрясают воздух громкими вскрикиваниями: «Лаовай, лаовай!», привлекая внимание еще большего числа бездельников, а также воплями: «Халлоу, халлоу!» Не подумайте, что таким образом они стараются поздороваться с иностранцем, исковерканное английское приветствие в их устах – скорее

нечто вроде «кис-кис», адресуемое ребенком совершенно незнакомой кошке.

Если их вопли привлекли внимание иностранца, китайцы радуются, словно тот самый ребенок, и продолжают орать с удесятеренной силой и довольно-таки издевательски-глумливыми интонациями. Поэтому единственный совет, который можно дать несчастному, попавшему в подобную ситуацию, – не обращать внимания на творящееся вокруг и заниматься своим делом. В конце концов, видя пассивность жертвы, крикуны и бесцеремонные зрители теряют к ней интерес. Правда, рядом скоро появляются новые придурки, и все возвращается на круги своя.

Следует отметить, что, к счастью, с течением времени китайцы проявляют все меньше подобного нетактичного тупого любопытства к иностранцам; за прошедшие годы я лично наблюдаю очень заметный прогресс. Сейчас в высшей степени нейтрально к появлению поблизости иностранцев относятся, в общем-то, не только жители Пекина и Шанхая, но и многих крупных провинциальных центров типа Чэнду, Чжэнчжоу и т. д. Да и в других местах преследование любопытными бездельниками заморских гостей постепенно становится все менее активным. Хотя крики «Халлоу!», кажется, будут разноситься я на просторах Поднебесной еще очень долго.

Если китаец особенно громко рыгнул вам в лицо, пукнул под нос, плюнул на ногу или тычет в вас пальцем и громко орет вам опять же прямо в лицо свое непереносимое «Халлоу!» и вы выразили сомнение в правильности его действий, он вполне может вдруг заявить: «Все китайцы так делают, почему же я не должен?» Подобную фразу, в разных вариантах, мне приходилось слышать довольно часто. Крыть здесь, в общем-то, нечем, кроме того, естественно, о чем вы только что подумали. Да и вообще средний житель Поднебесной очень склонен к широким обобщениям и любит говорить от лица всего народа («А вот у нас в Китае все-все думают, что...»), безапелляционно выражая мнение полутора миллиардов соотечественников.

Китайцы – крайне общительные люди. Их милая общительность настолько непринужденна, что часто переходит в гадкую назойливость. Примерно такое же качество обнаруживает обычная комнатная муха, пытаясь рано поутру погреть свои лапки обязательно на вашем носу, когда вы еще мирно посапываете, а до звонка будильника остается минут пятнадцать. Короче говоря, в Китае абсолютно неважно, где именно вы находитесь и чем именно в данный момент занимаетесь – вы можете спать, есть, читать, писать (с ударением на любой слог), бриться, менять прокладку в кране или другом месте, принимать душ, разговаривать по телефону, – все это отнюдь не гарантирует, что какой-нибудь тип не полезет к вам «общаться». «Общение» это заключается обычно в серии одних и тех же, повторяющихся в одной и той же последовательности вопросов, которые вам будут задавать. В общем и целом эти вопросы можно разделить на две категории – личные и общеполитические.

Если в России и на Западе есть определенный круг личных вопросов, который можно адресовать лишь близким друзьям и родственникам, а то и вообще никому, не ожидайте, что ваш китайский визави станет соблюдать те же самые этические нормы. Очень часто первый контакт с китайцем становится не очень приятным и даже шокирующим именно по этой причине. Итак, вас вполне могут спросить о возрасте (вне зависимости от того, мужчина вы или женщина), сколько вы зарабатываете в месяц (год и т. д.), есть ли у вас дети и почему их нет (если их нет)... если у вас есть, к примеру, родинка на лице, у вас могут поинтересоваться, что это такое. Если вы женщина, то едва знакомая вам китаянка, возможно, решит уточнить размер вашего бюстгалтера...

И еще много, много может быть вопросов в том же духе. Кроме них, готовьтесь тут же получить такие комментарии по поводу вашей личности, которые вы вряд ли получите где-либо кроме Китая. Услышав их, иностранец очень часто не знает, смеяться ему или плакать...

– «Вы похожи на одну киноактрису, э-эээ, на Шэрон Стоун. Конечно, по красоте вам до нее далеко, но...»

– (когда-то встречались один раз) «Давно моя твоя не видела. Твоя стала такая толстая! Твоя надо диета!»

– «Ты так хорошо говоришь по-китайски! А вот Дима говорит по-китайски гораздо хуже тебя!..» (Дима стоит рядом и тихо обтекает от услышанного.)

Считается, что обижаться на всю эту пургу не следует, ибо китайцы несут ее не с целью обидеть собеседника или вообще кого-либо, а «пытаются установить вербально-психологический контакт с целью дальнейшего позитивного взаимодействия» (цитата из одной умной книжки). От себя могу посоветовать в случае подобного «установления контакта» не крыситься (только хуже будет), а отнестись к этому театру абсурда с юмором: деться все равно некуда, так что следуйте китайской поговорке: «Вошел в деревню – веди себя как крестьянин». Если очень нейдет, придумайте парочку самых идиотских, самых тупых и нетактичных вопросов и задайте их китайскому собеседнику. И постарайтесь наслаждаться жизнью...

Вопросы общеполитического и общеобразовательного характера редко бывают нетактичными, зато они однообразны и вполне предсказуемы. Вашего собеседника интересует, как вам Медведев, Путин (раньше это были Ельцин, Горбачев и т. д.), как в России с экономикой (почему-то культура, искусство и спорт никого не интересуют), действительно ли она (экономика) развивается хорошо, как вы относитесь к Ленину и так далее. Кстати, есть вариант, что, если вы добросовестно ответите именно то, что ожидает от вас допрашивающий (то есть то, что уже давно вдолбили в его голову газеты и программы новостей), то разговор на общие темы на этом иссякнет. Это потому, что конечная цель вашего визита – убедиться в своей собственной правоте, а не что-либо иное. Получив не тот ответ, который ожидался, задававший вопрос китаец вполне может впасть в ступор и после долго еще приходить в себя.

Любимый вопрос любого китайца, задаваемый русскому: «А какая у вас в России основная пища? Хлеб, да?» Если ответить, что не хлеб, последует фраза: «А-аа, знаю! Картошка с жареным мясом!», сопровождаемая взрывом дурацкого на первый взгляд смеха... Неискушенный человек от этого культурного взаимодействия либо приходит в состояние шока, либо пытается обидеться, хотя ни того ни другого делать в общем-то не надо. Все имеет свое логическое объяснение. «Картошка с жареным мясом» была еще в далеком-далеком старорежимное время употреблена Никитой Хрущевым в качестве символа благосостояния советского народа, к которому (благосостоянию то есть) надо было стремиться; китайцам эта цитата очень здорово запомнилась и до сих пор передается от поколения к поколению, причем ее изначальный смысл уже давно позабыт...

Что же касается смеха «невпопад», то с ним история еще более забавна. Дело в том, что в странах Дальнего Востока (например, в Корее и Японии, а Китай сам собой разумеется, ясное дело) смех – отнюдь не только реакция человека на смешное или на щекотку; причин, вызывающих смех, здесь гораздо больше. Тут и пресловутое стремление установить психологический контакт и выразить свое благорасположение или сочувствие, и попытка сгладить собственные неловкость и смущение, и просто непонимание того, что следует делать дальше, скажем, в щекотливой ситуации... Классический пример: иностранец падает с велосипеда, а собравшаяся тут же вокруг толпа китайцев вдруг ни с того ни с сего начинает хихикать, вполне естественно вызывая у упавшего приступ ярости и желание прикончить парочку наиболее бурно веселящихся придурков на месте. А людям между тем вовсе не было смешно; они просто не знали, как помочь пострадавшему, оказавшемуся в неудобном и неловком положении велосипедисту (он же и так нелепый, недоделанный, носатый и волосатый, еще и на велике ездить не умеет), и сами чувствовали от этого внутреннее неудобство.

Таким образом, полноценным общение получается не всегда; однако не стоит расстраиваться. Немного больше внимания к местной специфике, чуть-чуть терпения, усилий и чувства юмора – и все получится. Кроме того, любое общение все равно намного лучше, чем когда тебя просто тупо и упорно рассматривают, как зверюшку в зоопарке. Именно бесцеремонно пялящиеся толпы, о которых я уже упоминал выше, доводят до белого каления некоторых особо слаонервных иностранцев в Китае...

Кстати, о птичках и зверюшках. Говорят, что человека во многом характеризует его отношение к детям и животным, правда? Как я уже говорил, к детям (своим и чужим) китайцы относятся обыкновенно с несказанной нежностью и заботой. Во многом это связано с древним и устойчивым представлением о долголетию, богатстве и обилии потомства как о трех обязательных компонентах человеческого счастья, во многом – с тем фактом, что в традиционно многодетной, но в наши дни безжалостно урезанной жесткой политикой контроля над рождаемостью китайской семье единственное чадо вообще приобретает статус бесценного сокровища...

Однако при всем этом к животным наши соседи беспощадны. Один мой знакомый китаец, проживающий в России, завел спаниеля и вырастил ал его несколько месяцев. После чего сбросил его с пятого этажа на асфальт, затем подобрал, приготовил и съел. Без комментариев.

Любящие полакомиться свежатинкой жители Поднебесной империи сохраняют свои обычаи, и попав за границу. Недаром администрация тех общежитий и гостиниц, где появляется много китайцев, вынуждена упорно бороться за то, чтобы уважаемые гости не забивали в ваннах комнатах и на кухнях домашних животных, включая все тех же несчастных собак (ах, вы думали, что собачатину любят только корейцы? Вы жестоко ошибались!). Борьба эта безуспешна, то есть всегда кончается победой древней, пяти тысячелетней цивилизации.

Горе кошке, попавшей в китайскую семью. Скорее всего, ее посадят в клетку, где она и проведет остаток жизни; во время «прогулки» ее также могут привязать за шею на такой короткий кусок веревки, что бедное животное не сможет ни сесть, ни лечь без риска быть удушенным. Могут посадить в тесную клетку и выставить на весь день под палящее солнце, без воды и пищи. Собака также рискует прожить всю свою жизнь за решеткой. А еще мне вспомнились маленькие беленькие крольчата, которые в изобилии продаются на улицах китайских городов для забавы избалованных ожиревших детишек-«маленьких императоров». Эти живые игрушки обычно упакованы в клетки такого размера, что не могут там ни встать, ни повернуться, и остается беднягам только слегка пошевеливать ушками, носиками и хвостиками... Когда они задохнутся от тесноты, в этом маленьком решетчатом саркофаге их и хоронят, вернее, просто выкидывают на помойку.

Россия для китайца – страна удивительная хотя бы потому, что здесь: а) много земли, «за которой никто не смотрит» (любой парк воспринимается китайцем именно так и никак иначе), и б) много животных и птиц, которые гуляют и летают сами по себе. Что примечательно, реакция среднего китайца на встреченное животное или птицу одинакова и поэтому всегда предсказуема: он почти обязательно старается броситься на встреченное существо (будь то кошка, утка, голубь, ворона, белка и т. п.), напугать его, ударить, кинуть в него каким-либо предметом; совершив данное действие, он с удовлетворенным видом идет своей дорогой. И пусть поют свои глупые песни защитники конфуцианской культуры и тысячелетних традиций, а я лично склонен видеть в подобном поведении отчетливое свидетельство некоей ущербности души, и ничто иное.

Ради справедливости отмечу, что наряду с отвратным большинством существует и некое добросердечное меньшинство, которое в противовес тупым живодерам всячески привлекает, подкармливает и заботится о меньших братьях, действуя во враждебной среде в духе знаменитого фильма «Список Шиндлера». Не остаются в стороне и некоторые наиболее передовые иностранцы, которые любят животных и на пресловутые заклинания об уставах и

монастырях плевать хотели с вершины Эвереста... Например, один мой замечательный друг, уже много лет проживший в Пекине, как-то раз обнаружил, что его соседи зверски издеваются над своей кошкой, моря ее голодом и мучая жаждой и не выпуская из тесной клетки; бедной кисе, находившейся уже на самой грани издыхания, оставалось только тихо и жалобно стонать. Ближайшей же ночью кошка была выкрадена вместе с клеткой, прошла месячный курс реабилитации и была отдана в проверенные, хорошие руки (благо своей живности у моего друга уже хватает)...

Мне жаль, если описанные выше фрагменты реальности не совпали с чьими-то представлениями о великой и прекрасной Поднебесной империи. Как говорится, лучше горькая правда, чем сладкая ложь. И, добавлю от себя, лучше, чем прекрасные фантазии многих наших доморощенных экспертов, никогда не бывавших в Китае, но несущих о нем направо и налево сусально-карамельную дребедень.

Расскажу в заключение одну коротенькую историю.

... Жил да был один молодой и талантливый китаевед, который не только прочитал много умных книг о Китае, но и сам начал таковы писать (при этом очень хорошие). Но никак он не мог попасть в вожделенную страну, которой посвятил полжизни, время было такое – без направления сверху никто тебя никуда не выпустит, да и просто загранпаспорта не дадут. Но вот пришла перестройка, и поехал мой знакомый наконец на Восток – практиковать китайский язык и собирать научный материал... И за те шесть месяцев, что пробыл в Китае, он так разочаровался в этой стране и ее гражданах, что больше туда – ни ногой, как ни упрашивают его друзья, коллеги и китайские университеты. «Не поеду!» – говорит, и все!..

Мне хотелось бы, чтобы вы никогда не испытывали подобных разочарований. А для этого нужно заранее представлять себе реальную действительность. И запастись хорошей порцией позитива, дабы эта самая действительность казалась вам веселым пестрым цирком, а не мрачным дурдомом.

Добры молодцы и красны девицы

Все больше на улицах одетых китайцев...

И з журнала «Это – КНР», 1989 г.

Стереотипов в наших с вами представлениях о китайском народе хоть отбавляй. Тут и легенды о многотысячелетней мудрости конфуцианских мудрецов, и мифы о чудесном искусстве ушу, и утверждение о том, что китайцы питаются исключительно рисом... А как мы представляем себе облик современных китайцев? Длинная коса, расшитый золотом халат с широкими рукавами? Синий френч суньятсеновского образца и фуражка со звездочкой? Коническая плоская шляпа у мужчин и драгоценные шпильки в волосах у женщин?

Э, нет, все это осталось в далеком прошлом, а настоящее принесло с собой новые реалии. Но прежде всего: вы почти наверняка уверены, что обитатели Поднебесной империи непременно маленького роста, значительно меньше, чем мы с вами, и это представление сейчас далеко не соответствует истине.

Некоторые считают, что когда-то раньше, в период смут, неурядиц и поголовной бедности в Китае его жители не могли похвастаться крупными габаритами потому, что плохо питались. В последние же, мол, годы, питание населения в КНР существенно улучшилось, что и привело к увеличению среднего роста населения... Не вдаваясь в научнообразные рассуждения по данному поводу, могу констатировать тот факт, что чисто визуально китайцы действительно заметно «выросли». Это касается не только изначально более крупных северян, но и обитателей китайского юга, которых всегда было принято считать мелкорослыми. По крайней мере, метр восемьдесят – вполне нормальный рост для, скажем, мужчины-шанхайца, и если посмотреть на тамошних подростков-акселератов, можно сказать, что и это не предел.

В северных областях страны и в том же Пекине не только много рослых и физически крепких мужчин и женщин, но и встречаются настоящие двухметровые богатыри. В общем, это не удивительно, поскольку за последние десять лет среднедушевое потребление мясных и молочных продуктов в Китае выросло в несколько раз – учитывая, что горожане в Китае и до сих пор питаются на порядок лучше, чем сельские жители, можно понять, за счет кого же вырос этот самый средний показатель.

К чему это я? К тому, что отнюдь не нужно представлять себе китайцев как некое мелкое и низкорослое племя. Хотя, конечно, Китай большой, люди встречаются всякие...

Другое дело – телосложение. Если начинать с мужчин, то мускулистые крепыши вроде неутомимого Джеки Чана и статные кинокрасавцы типа Чоу Юнь Фата и Ли Лянцзе – скорее редкое исключение, чем правило. Китайцы, даже могущие похвастаться немаленьким ростом, сложение имеют почти всегда неспортивное и часто несколько рыхловатое, и поэтому, например, отошавшие от скудного столовского питания и непосильной учебы тощие сутуловатые китайские студенты, закончив свои институты и устроившись на работу, очень быстро превращаются в пухлых нескладных дядек, украшенных толстыми щечками и заметными слоями жира.

В общем, проблема здесь даже не в росте и не в объеме бицепсов (или живота). Мужественность и именно то свойство, которое принято называть «статьей», – вот чего не хватает китайским мужикам, вне зависимости от их габаритов: например, гораздо более мелкие, но при этом жилистые и исполненные чувства собственной значительности тайцы кажутся мне гораздо более ярко выраженными носителями мужского начала.

В данном случае можно было бы еще и порассуждать о значении и значительности такого явления, как взаимоотношения государства и личности в Китае. «Как ты думаешь, – спросил я одного своего китайского приятеля, – почему на большинстве китайцев так плохо сидит европейский костюм?» Не задумываясь ни на минуту, тот ответил: «Для того чтобы красиво носить мужской костюм европейского покроя, необходимо чувство собственного достоинства, а его-то этому самому большинству и не хватает...» Похвальная самокритика.

Конечно, вы можете сейчас вспомнить о том, что и в девятнадцатом, и в двадцатом веке Китай постоянно подвергался третированию и унижениям со стороны иностранных держав; здесь и неравноправные договоры, и захват иностранцами ряда китайских территорий, и сожжение знаменитой императорской резиденции Юаньминъюань в Пекине, и многое другое. Конечно, и эти события не могли не отразиться на формировании национального самосознания китайцев и некоего чувства приниженности в их душах, но в данном случае основное – все-таки в другом. В чем?

На протяжении своей обозримой истории китайская государственная машина стройна, совершенна и почти универсальна. Уже несколько тысяч лет назад, когда предки нынешних цивилизованных европейцев еще всю колошматили друг друга деревянными дубинами и бронзовыми топорами, каждому члену китайского общества была раз и навсегда определена роль винтика или шестеренки огромного механизма Поднебесного государства. Именно ощущение этой своей роли винтика, над которым довлеет титаническая, вечная и непогрешимая машина, и не дает большинству китайцев распрямить плечи и прочувствовать свою собственную значимость и достоинство (и как следует носить пиджак).

Хотя мужчина в Китае зачастую выглядит не лучше огородного пугала, внутренних достоинств у него, как правило, довольно много. К примеру, средний китаец обычно прекрасный семьянин, он с большой ответственностью относится к своей ясене и, особенно, к детям и заботится о них с поистине трогательной неясностью. Более того, он крайне детолюбив (во-первых, несмотря на государственную политику по контролю за рождаемостью, он мечтает завести как можно больше детей; во-вторых, очень любит то чадо (или чада), которое у него уже есть). Домашний мастер из него никакой (большинство китайских мужиков не могут сами и лампочку как следует вкрутить), но он умело ведет

хозяйство и копил деньги на новую квартиру, большой телевизор или автомобиль, которые в последствии успешно покупает. Он выпивает только по праздникам, только в приличной компании и только умеренно, так что не валяется по канавам и не устраивает пьяных драк.

Хотя среднему китайцу обычно не хватает мужской статности и вообще он несколько женоподобен, зато он зачастую прекрасно готовит. Я бы поспорил с утверждением некоторых псевдоэкспертов о том, что в китайской семье «обычно готовит мужчина» (меня смущает именно слово «обычно», так как женщины там тоже не сидят сложа руки), но занимается приготовлением пищи он действительно часто и в этом искусстве исключительно преуспел: недаром на кухне китайского ресторана вы практически не встретите повара-женщины. Иными словами, обычный китаец плохо подходит на роль Терминатора или Джеймса Бонда, но плюшевый мишка (даже скорее плюшевая панда) из него просто отличный. Что касается моей личной оценки (если она вас интересует), то чисто внешне мне больше импонирует мистер Бонд; однако, наверное, в повседневной жизни и от плюшевой панды толку все-таки значительно больше... Она (панда), конечно, зверюшка несколько стрёмноватая, зато не кусается. (Уточняю: я о плюшевой панде, а не о настоящей. Настоящая же – это, между прочим, медведь, в котором нет абсолютно ничего милого и который способен не только укусить, но и голову одним махом отъесть.)

Хотя опять же, как водится, на вкус и цвет... Обычный китаец содержит в себе все-таки настолько мало мужского начала (для особо одаренных критиков специально подчеркиваю: в природе случаются исключения), что даже привыкшие за пять тысяч лет ко всему этому рыхлому унылому безобразию китайские женщины иногда начинают брыкаться и бить копытами. Мне лично известно более двух десятков ситуаций, в которых китайка, имевшая некогда иностранного (часто русского) мужа или бойфренда и по каким-то причинам расставшаяся с ним, начинает на дух не переносить своих соотечественников мужского пола, предпочитая общению с ними даже одиночество. Да-да, вспом инаются байки про волка, единожды попробовавшего человеческой крови...

Однако женщина и в Африке лучше мужчины, и мне хорошо знакомы такие семьи, состоящие из иностранного мужчины и китайки, на которые просто приятно посмотреть в течение многих лет. Вместе с тем из известных мне браков и неформально-гражданских союзов иностранной женщины и китайского мужчины либо относительно грустным, либо сугубо трагическим образом закончились ВСЕ. Рано или очень рано бросали своих слизнеобразных китайских мужей и приятелей даже абсолютно отчаявшиеся по жизни кошмарные европейские престарелые девы (для которых, казалось, захомутать китайца было последней надеждой в жизни) и распространившиеся по всему Китаю владивостокские*censored*и (казалось бы, готовые за кучку баксов и мать родную продать, не то что свое тельце... ан вот нет, не так все однозначно). Так что социологам и психологам еще есть над чем работать в своих исследованиях...

Как уже было сказано, костюм европейского образца сидит на китайском джентльмене довольно худо, наводя стороннего наблюдателя на мысли то ли о плохо сколоченной вешалке, то ли о довольно пристойном бомже. Тем не менее в настоящее время именно костюм является излюбленной одеждой многих китайских мужчин. Порой одежда преуспевающего банкира и крестьянина из глухой деревни, приехавшего в город на заработки, отличается лишь степенью засаленности брюк и обшлагов, а также ценой, установленной кем-то довольно условно. Даже рабочие на стройке частенько облачены в нечто, в чем при ближайшем рассмотрении можно узнать все тот же европейский костюм, правда, продранный и замызганный до полного безобразия.

Память людей старшего поколения сохранила типичную деталь того облика китайцев, который был поголовно распространен еще двадцать – тридцать лет назад – «суньятсеновку», фланелевый френч синего, зеленого или серого цвета с накладными

карманами. Тот, кто помнит председателя Мао на газетных фотографиях или по телерепортажам, подтвердит, что «великий кормчий» просто не признавал никакой иной одежды. Мягкая и теплая «суньятсеновка» была любима и автором и вдохновителем китайских реформ – Дэн Сяопином, но нынешние китайские лидеры, как и большинство населения КНР, давно уже обходятся без распространенного когда-то френча. Сейчас его потихоньку донашивают в основном старики, да и то по большей части в глубокой провинции и в деревнях.

Средний (то есть не являющийся дипломатическим работником, менеджером иностранной фирмы или изысканным модником) китаец, как правило, не придерживается в носке своего костюма особенно строгих правил. Ему ничего не стоит надеть костюм с кроссовками далеко не идеальной чистоты; если он удосужился-таки прийти на деловую встречу в кожаных туфлях, из-под брюк его вполне могут выглядывать белые носки. Этот предмет туалета в Китае не имеет равных по популярности.

«Почему ты не надеваешь носки белого цвета?» – спро сил меня как-то один китайский джентльмен, с которым я только что познакомился в автобусе. – «???» – «Это ведь очень красиво. Если на тебе белые носки, всем сразу видно, какие они чистые!»

Говоря, он непринужденно снял ботинок и положил ногу на сиденье. Его носок, некогда действительно белый, был покрыт многодневными желтыми разводами засохшего пота...

Не могу не упомянуть о такой неременной детали одежды китайцев, как «маоку», или шерстяные кальсоны. Они универсальны, поскольку их с удовольствием носят как китайские мужчины, так и женщины. В любое время года. В частности, «маоку» порой высовываются из-под брюк китайцев даже в тридцатиградусную жару. Если же китаец каким-то образом увидит, что кто-то ходит без «маоку» при температуре ниже двадцати градусов по Цельсию, то его изумление не будет знать границ. Кстати, хотя брюки являются повседневной одеждой примерно восьмидесяти процентов китайских женщин, оставшиеся двадцать процентов вполне могут надеть шерстяные кальсоны и вместе с юбкой или платьем. Вот представьте только: на даме платье, из под него виднеются сбившиеся и потому морщинистые кальсоны красного или зеленого цвета, поверх которых натянуты (опять же очень неаккуратно) капроновые колготки... Так вот, зимой – это довольно распространенное зрелище даже в стольном городе Пекине. Что, некрасиво и несексуально? Зато тепло! Практичность китайцев не знает границ. Опять же никакой маньяк не покусится...

Получается, что мы незаметно перешли к обширной и важной теме: китайская женщина. Долго здесь задерживаться не будем, но кое-что скажем.

Ввиду распространенности в нашем быту телевизора китайские фильмы попадались, вероятно, на глаза почти всем, даже тем, кто Китаем не интересовался никогда в жизни. Например, боевики знаменитого режиссера Джона Ву или произведения известного во всем мире режиссера Чжана Имоу. Или лента про того самого, упоминавшегося где-то выше мистера Бонда «Завтра не умрет никогда»: это, конечно, не китайское кино, но подруга Джеймса там – китаянка, причем с эстетической точки зрения совершенно замечательная. Неважно, что именно, ведь в каждой из этих картин вы могли видеть красивых, стройных, грациозных и заманчивых актрис с роскошными длинными волосами, чудесными выразительными глазами и неясным певучим голосом, один взгляд на которых способен вызвать настоящую бурю в душе не только любого настоящего мужчины, но и просто любителя прекрасного. Но если вы думаете, что именно так выглядят все, или большинство, или хотя бы половина, или хотя бы одна двадцатая китайских женщин, то вы очень далеки от истины.

Я знаю много книг о Китае, в которых действительность изрядно приукрашена; более того, она приукрашена в подавляющем большинстве этих книг. Поэтому позвольте мне сказать

здесь правду, хотя она достаточно горька. И помните, что я делаю это лишь ради достоверности повествования, а не ради того, чтобы кого-либо обидеть. Так вот, за годы моей жизни в Китае мне встречалось немало восхитительных исключений из общего правила, которые, пожалуй, не уступили бы и гонконгским кинозвездам, но тем не менее само это общее правило весьма печально...

Итак, если плюшевая панда может в каком-то смысле служить символом среднего китайского мужчины, то для средней китайской женщины символ подбирайте сами. Вообще-то эстетические взгляды могут быть разными, и если вы считаете красивым угловатое, плоскогрудое, плоскозадое создание с тонкими кривыми (как вариация – жирными кривыми) короткими ногами и полным отсутствием талии, вдобавок одетое черт знает как и в пятидесяти процентах случаев в толстых очках совершенно идиотической и страшной формы, то бог вам судья. Если вас привлекают радикально девственные, никогда не знавшие ни эпилятора, ни бритвы кусты, торчащие из подмышек и трусов, а также толстые, грубые и вовсе не шелковистые волосы на голове (на ощупь очень скверные), то тоже ничего страшного. В конце концов, есть же на свете геронтофилы, некрофилы, зоофилы и прочие извращенцы – наверное, они тоже зачем-то нужны, так что и вы не расстраивайтесь...

Китайская легкая промышленность производит практически все на свете, в тамошних магазинах вполне возможно приобрести одежду абсолютно любого цвета и фасона, на совершенно любой вкус и кошелек: хоть настоящие (без шуток) «Шанель» с «Гуччи», хоть изделие без фирменной наклейки, но зато за три копейки. При этом из всего безумного, роскошного, феерического разнообразия китайцы обычно ухитряются выбрать лично для себя самую нелепую, некрасивую и отвратительно сидящую одежду и обувь (которые к тому же плохо сочетаются между собой). И если на мужчине этот кошмар не так заметен (что с мужика вообще взять, что в Китае, что в Антарктиде среди пингвинов), то прикид китайской женщины вызывает обычно в лучшем случае грустную улыбку, в худшем же – приступ либо неудержимой тошноты, либо гомерического хохота...

Если не верите, можете внимательно взглянуть на какую-нибудь китайскую студентку рядом с вашим домом, благо молодежи из Китая учиться сейчас в России просто немерено. Вы очень легко отличите ее, допустим, от казашки или отечественной кореянки, даже не будучи опытным антропологом или этнографом, – ее нелепый облик скажет вам все и сразу. (Если встретите исключение, помните, что оно только подтверждает правило.)

Насмотревшись западных фильмов и съездив пару раз за границу, некоторые китайки постепенно смекают кое-что, и вот уже, глядишь, начинают одеваться вполне и вполне достойно. В последние годы эта тенденция растет и крепнет, особенно в крупных городах... Жаль только, что соответствующие вкус и понимание приходят к китайской женщине обыкновенно с таким солидным возрастом, что лучше бы ей уже подумать не столько о платьях, сколько о душе.

Замечу, что у обычной китайской дамы, так же как и у наиболее распространенного типа джентльмена, понятия хороших манер с детства воспитаны вполне своеобразные. Как, кстати, вам понравится, если идущая навстречу барышня, даже не угловатая и вполне пристойно одетая, поравнявшись с вами, вдруг смачно отхаркнется и плюнет вам прямо под ноги? И ведь не по злему умыслу, а просто по простоте душевной...

Ну да бог с ними, с манерами, ведь даже зайца, как говорится, можно выучить стучать на барабане, и, к примеру, в том же Гонконге англичанам удалось (за сто лет) приучить местное население вести себя, как полагается приличному человеку. Там вам под ноги никто плевать не будет. Дело все-таки в хронической некрасивости китайских женщин. Хотя, повторю еще раз, исключения все же встречаются, да еще и какие!

Китайские джентльмены, приезжающие в Россию, «западают» на наших девушек

практически мгновенно, вождельно провожая каждую из них восхищенными взглядами. Жениться на русской – заветная мечта любого нормального китайского мужика. Одно аки, чувствуя немалую ущербность своих женщин, китайцы поспешили создать для себя новый миф (в мифотворчестве они специалисты еще почище нас), который, вероятно, приносит особенное утешение тем из них, кто уже женат на своей некрасивой соотечественнице.

Итак, в последние годы мне все чаще и чаще доводится слышать от заезжих китайцев о том, что, мол, «русские девушки, подобно цветущей вишне, красивы только в семнадцать-восемнадцать лет, а потом быстро становятся толстыми и некрасивыми». . . На вопрос, много ли русских девушек встречал на своем жизненном пути такой вот теоретик красоты, впервые приехавший в Россию вчера вечером, он обычно растерянно хлопает глазами и внятного ответа дать не может. Оно и понятно. Ответ же еще не напечатали в «Жэньминь жибао». А вышеупомянутая чушь была внедрена в его сознание модульного типа сугубо извне. . .

«Да-а, как прекрасны китайские женщины», – задумчиво произнес мой собеседник-китаец, философски вперившись в про странство.

«Ага, а ты тогда – Аполлон Бельведерский», – подумал я про себя.

Но заметив, что взгляд собеседника остановился на изящной даме с репродукции старинной китайской картины, висящей на стене, я поспешил с ним согласиться. . .

Возвращаясь к теме китайской одежды, могу сказать, что ее квинтэссенцию – «маоку», белые носки и замызганные костюмы – мы с вами уже обсудили (это, конечно, шутка). Вообще-то, как вы прекрасно знаете, китайская легкая промышленность успела завалить своей продукцией почти весь мир, включая, благодаря титаническим усилиям наших ушлых челноков, и Россию. Разнообразной одеждой, как уже упоминалось, завалены и все города и веси Поднебесной империи, и, в принципе, там вполне можно без каких-либо усилий подобрать совершенно любые тряпки и обувь. . .

Вы, конечно, уже догадались, что вынесенная в эпиграф этой главы фраза насчет «одетых китайцев» – просто забавная ошибка убогого кита йского переводчика, под «одетыми» имевшего в виду «модно одетых». Ясное дело, китайская мода отнюдь не ограничивается засаленными костюмами и зелеными кальсонами, надеваемыми под капроновые колготки. Не все так уж печально. И если еще двадцать лет назад далеко не каждый городской китаец мог решиться, да и был в состоянии, позволить себе надеть не убогий френч и стандартные брюки, а что-то более современное, то теперь толпа на китайской улице весьма пестра и разнообразна.

Не последнюю роль играют в формировании понятия моды и западные и японские фильмы, уже довольно давно хлынувшие на экраны Поднебесной. Облик молодежи в крупных городах Китая почти неотличим от облика их заграничных сверстников, и разницу порой можно усмотреть только в разрезе глаз и цвете волос. Конечно, горожане среднего возраста и старше, а также глухие провинциалы пока по-прежнему тяготеют к безликому костюму с почти неизменной дурацкой нашлепкой на обшлагае, но люди молодые из этой одежды вылезли почти что поголовно. Так что «одетых китайцев» на улицах действительно все больше и больше.

Я уже говорил выше, что большинство китайских женщин обычно предпочитают надевать не юбку или платье, а брюки. Это по-прежнему так и, вероятно, именно так будет еще долго. Эта мода сложилась исторически, а двадцатый век лишь способствовал ее постепенному укреплению в силу совершенно разнообразных причин. Например, в брюках удобнее работать и тем более ездить на поистине народном китайском транспорте – велосипеде и пришедшем ему на смену электрическом мотороллере. Кроме того, в по-прежнему плохо отапливаемых зимой китайских жилищах в брюках все-таки гораздо теплее, чем в юбке. И так далее.

Впрочем, многие городские жительницы, насмотревшись американского кино, давно уже носят платья и юбки; некоторые даже как-то ухитряются обходиться зимой без кальсон под ними. В общем, это, конечно, их сугубо личное дело, но мне эти веяния моды кажутся порой

излишн ими. Виной тому все те же эстетические соображения: по мне, так лучше бы большинству из них все-таки оставаться в брюках...

Видно, нового хора упреков за всю эту «чернуху» мне не избежать. Особенно, вероятно, опять всколыхнутся деятели, взрастившие на романах и красивых кинофильмах свою горячую любовь к стране, которой на самом деле нет. А также «эксперты», один раз на недельку съездившие в Китай и постигшие разом всю местную специфику, бледные завсегдатаи «восточных полушарий», «китайского рунета» и прочие ветераны киберпространства.

Оправдываться не собираюсь, имеющий уши, как говорится, да услышит. А нам с вами осталось разобраться с последним (на этот раз) вопросом. Этот вопрос близок каждому, у кого лопались по швам только что купленные китайские ботинки, замыкало прямо в руках вчера принесенную из гипермаркета китайскую электродрель или разваливались на части новенькие китайские детские игрушки... актуален для всякого, кого так или иначе по дводили разнообразные артефакты с сакраментальной надписью «made in China» – то есть практически для любого гражданина нашей большой и доверчивой страны. И этот вопрос: «Ну почему?!»...

«(Плохо?) Сделано в Китае»

На копейку денег – копеечный товар.

Китайская поговорка

Дураков не сеют, не жнут, они сами рождаются.

Русская поговорка

Чего только не рассказывают у нас о наших восточных соседях! Каких небылиц только не гуляет на просторах интернета! В принципе, именно с этой фразы можно было бы начинать почти каждую главу книжки, которую вы держите сейчас в руках. Давно устаревшие стереотипы мешаются в сознании наших граждан с занимательными байками и настоящими сказками для взрослых, составлением которых заняты некоторые стремящиеся к популярности любой ценой авторы.

Например, один (очередной) создатель «развесистой клюквы» написал целую книгу о раскрытой им загадке происхождения человечества: оказывается, наши прародители, некие таинственные мудрые гиганты, до сих пор сидят в медитации в тибетских пещерах – хотел, мол, этот отважный исследователь проникнуть к ним, но потусторонние силы его туда не пустили... Но он обязательно еще в эти пещеры залезет. И расскажет, как выглядят те, от кого мы произошли!

Ну не удивительные ли вещи происходят на Земле? Вопросы, над которыми тысячелетиями бьются лучшие ученые и философы, составляя всякие там разные теории происхождения видов, раскрываются, оказывается, в течение пары минут, стоит лишь отправить какого-нибудь московского дворника в командировку в Тибет. А потом пусть пишет книги, просвещает сограждан...

Дешево и сердито, какие там еще исследования, опыты и научные теории?

Еще один, в отличие от первого объявивший себя «специалистом», «китаеведом» и «разрушителем мифов», поведал нашему народу удивительный факт: оказывается, «каждое утро сотни миллионов китайцев едут на работу в поездах, придавленные друг к другу как селедки в бочке, и на всех них надеты памперсы». На подобную чушь даже отвечать ничего не хочется. Разве что засветить дураку в глаз как следует за глупое бесцельное вранье.

Но это я так, к слову. Кое-что, на чем я собирался остановиться в этой короткой главе, отнюдь не относится к проблемам глобального характера, но мне хочется немного побороться и с этим, довольно распространенным у нас заблуждением. Итак, речь пойдет о... китайских товарах.

Вам не приходилось обнаруживать в банке с китайской якобы тушенкой вместо мяса один жир и воду? Ваша пуховая куртка не расходилась по швам на второй день носки, удивляя вас не пухом, а бумагой, лезущей изнутри нее на свет божий? А кроссовки не разбирались самопроизвольно во время ходьбы на составные части? И вы не проклинали в подобные моменты поганых китайских бракоделов? Если нет, то вам сильно повезло, так как миллионы наших сограждан пострадали, купив такую вот «продукцию», польстившись на видимую дешевизну нужного в хозяйстве товара. Несколько лет такой жизни – и глубоко укоренился в нашем сознании безжалостный диагноз: «Китайское – значит брак». В том, что касается товаров, конечно: все остальное (религия, философия, пятитысячелетняя культура и ушу) вызывает у многих, наоборот, бешеную радость и восторженный визг.

Когда порвались только что купленные китайские полуботинки, сразу же возникает вопрос в духе Чернышевского и Ленина: кто виноват и что делать? На вторую часть вопроса ответ однозначен: придется искать ближайшую помойку; а вот с частью первой не все так просто. И если несчастный покупатель в 99 % случаев склонен призвать все громы и молнии на головы «проклятых китайцев», то он примерно на такое же количество процентов неправ.

Между прочим, люди старшего поколения хорошо помнят те китайские товары, которые поставлялись в СССР в 50 -60-е годы прошлого века: махровые полотенца и постельное белье, яблоки и мыло остались в памяти покупателей как продукция высшего качества, за которой иногда выстраивались целые очереди, – товары с Востока воспринимались в основном не как экзотика, а как качественные вещи. «Да, – осуждающе покачивают головами некоторые граждане, – совсем китайцы охренели, гонят на экспорт всякую туфту»...

Но китайцы здесь, хотя и не то чтобы совсем ни при чем, почти не виноваты. Вспомните, кто занимался вопросами поставок продукции из КНР в Советский Союз в те самые 50-60-е годы: министерства торговли обеих стран, торговые представительства, то есть самые что ни на есть официальные организации. Не удивительно, что Китай, расплачивавшийся своими товарами за помощь СССР, поставил под самый жесткий контроль качество экспорта. И эти вещи производились только на государственных предприятиях.

К слову, хотя стоимость яблок и мыла вряд ли даже слегка приблизилась к одному проценту стоимости тех заводов и фабрик, что были построены в Поднебесной руками советских специалистов (а ведь были еще и станки, и военная техника, промышленное сырье и автомобили, научные разработки и технологии, широкой рекой текшие на Восток), это как раз не важно: в тех отношениях соображения политики и «дружбы народов» находились гораздо выше соображений чистой выгоды.

А вы задумывались, кто именно сделал те порвавшиеся полуботинки, некачественную пуховку и жирную тушенку без мяса, которые заставили вас так громко и некрасиво выражаться по адресу китайских негодяев, и каким именно образом весь этот мусор к нам попал? Давайте хотя бы немного разберемся.

В голодное и гнусное время начала 1990-х годов, когда на полках наших магазинов было хоть шаром покати, а зубы приходилось иногда чистить вместо пасты туалетным мылом, внутренний рынок КНР уже находился в состоянии относительного изобилия. Перестали котироваться в Китае наши электроутюги и кипятильники, окончательно исчезли талоны на рис, на улицах, как вы уже знаете, стало появляться «все больше одетых китайцев». Страна, за 1980-е и 1990-е стремительно ушедшая от нищеты и полуармейского, полуголодного существования, стала испытывать избыток текстиля и электроники, обуви и игрушек, то есть тех самых нехитрых штук, которых так не хватало в развалившемся СССР и, естественно, на бескрайнем постсоветском пространстве. Не хватало только торгово-посреднической организации, которая взяла бы на себя разрешение проблемы затоваривания китайского рынка и заполнения соответствующего вакуума у нас.

Почему не хватало? Вспомните бардак и хаос начала 90-х: бывшие советские экономические и торговые структуры почили в бозе (да и в период своего расцвета они больше все-таки подходили для торговли танками и грузовиками, чем для такого тонкого

бизнеса, как перепродажа модных женских блузок и дешевых плееров), государству (виноват, государствам) было явно не до обеспечения своих граждан предметами первой необходимости. Но свято место пусто не бывает, а один и тот же бизнес для кого-то – слишком мелкое занятие, для кого-то – шанс заработать сверхприбыль.

Вот так и возникло из хаоса многочисленное, выносливое, хитрое, изворотливое и мерзкое на вид племя «челноков». Толпы наших нынешних и бывших сограждан ринулись на просторы Поднебесной за товаром – заработать на кусок хлеба с маслом. Правда, для большинства из них «просторы» ограничились районом рыночной улицы Ябаолу в Пекине, где и расположены лавки, склады, гостиницы и кабаки, то есть все, что нужно для жизни среднему «челноку».

Естественно, «челноки» бывают и китайские. Вы можете увидеть их на ближайшей к вашему дому барахолке. Кто из них, постсоветские или китайские торговцы, привозит товара больше, сказать очень трудно, поскольку расчеты в этом бизнесе происходят в основном наличными и большинство их никем и нигде официально не учитывается: мелкая частная торговля, она и есть мелкая и частная, и этим все сказано. Но привозится много: на несколько миллиардов долларов в год. Кстати, вот забавно, официально в торговле между РФ и КНР наблюдается солидный дефицит... в пользу России: китайское правительство постоянно отказывается учитывать хотя бы доллар из тех огромных сумм, на которые «челноки» возят свои товары «оттуда» «сюда».

Китайские «челноки» гораздо более однородны по социальному происхождению, нежели наши. В основном это суетливые замызганные субъекты, у которых только что не на лбу крупными буквами выведен диагноз: «мелкий спекулянт». Их облик и повадки настолько же однообразны, насколько неинтересны... О ни многочисленны и неистребимы, как тараканы на грязной кухне, и падение одного-единственного Черкизона не означает для данной популяции ровно ничего. А вот среди наших торговцев попадались довольно-таки любопытные экземпляры.

В очередной раз скажу банальность, но распад Союза и воследовавший затянувшийся экономический кризис привели к коммерческой активизации многих и многих членов общества. Хорошо это или нет? Тема широкая, мнений много, обсуждать ее здесь нет места да и не хочется. Ситуация у многих «челноков» тогда сложилась весьма стандартная: зарплата инженера, врача, технолога, неработающий супруг(а) и двое (трое, четверо и т. д.) детей, и дорога в мелкий бизнес казалась почти единственно возможной. Короче, среди моих знакомых российских «челноков» есть, к примеру, бывший директор НИИ, бывший главврач детской больницы, бывший бригадир-строитель, в свое время построивший дачи Эльдару Рязанову и Виктории Токаревой, водитель автобуса, опять же, ясное дело, бывший, и так далее.

Впрочем, всегда много было среди «челноков» и торгашей натуральных, то есть по специальности, мелких бандитов, польстившихся на, как им показалось, легкие и быстрые деньги, маргиналов и просто спекулянтов по призванию. Эта братия в основном и определяет внешний вид нашего «челнока» за границей. Никогда не видели? Не расстраивайтесь – ничего приятного вы не пропустили. Развязные манеры, речь, щедро пересыпанная матом, сиплый прокуренный голос, запах перегара, постоянная готовность к скандалу и при этом какое-то неистребимое, сверхъестественное чванство (похоже, в его основе лежит-таки известная аксиома: «У советских – собственная гордость») – вряд ли что-то из этого набора вам понравится.

Как и любой нормальный торговец, «челнок» старается купить подешевле, а продать – подороже. Несколько лет назад разница между закупочной стоимостью и ценой продажи товара уже в России (на Украине, в Казахстане и т. д.) достигала нескольких сот процентов... как вы правильно догадываетесь, далеко не вся извлекаемая прибыль попадала в карман самому «челноку», ведь без дачи взяток таможенникам, чиновникам,

милиционерам, оплаты «крыши» ему было бы не продать ни одной кофточкой, ни одной пары очков или тапочек. Но и самим торговцам перепало немало; по крайней мере, я знаю нескольких людей, сколотивших на «челночных» операциях настоящие состояния. Сейчас же, как говорят, чистая прибыль торговца составляет в среднем (хотя бывают значительные отклонения) около тридцати процентов.

Весь этот процесс вполне подчиняется объективным законам экономики и торговли, а значит, казалось бы, все нормально. Это так, ненормальна только одна вещь: почти полное отсутствие у постсоветского «челнока» понятий об этике бизнеса и, местами, элементарной порядочности. Стремление к уменьшению себестоимости товара до самого минимума является для него самой важной и неоспоримой директивой, а на противоположной чаше весов лежит растаявшая, как мычание, мысль: «Лишь бы эту дрянь купили». С купившим же дрянь розничным клиентом, если он сможет когда-нибудь отыскать продавца, можно разобраться по-разному: например, с помощью скандала или путем произнесения универсального заклинания «А что вы хотели за такие деньги?» Подумаешь, невелика птица...

Так как же уменьшить себестоимость товара? Элементарно: ведь «челноки» не покупают кофточки и кроссовки в пекинском универсаме (вернее, именно там они приобретают вещи для себя лично), товар в девяносто процентах случаев изготавливается китайским оптовиком на заказ. Чувствуете разницу между фразами «А нельзя ли эту партию товара в тысячу штук продать подешевле?» и «Мне нужна партия товара в тысячу штук за пятьсот долларов?»

Естественно, что китайский бизнесмен обязательно расстарается для дорогого клиента, которого к тому же обычно знает уже несколько лет, сведя стоимость продукции именно к указанному покупателем минимуму. За счет качества, естественно.

Но ведь и китайскому оптовику нужно немножко подзаработать, прибавив хоть копейку к себестоимости товара, вот и выходит, что качество неизбежно балансирует между понятиями «скрытый брак» и «явный брак». Но с последним китаец старается не переигрывать. Во-первых, наш «челнок» – тертый калач и разбирается в предмете не хуже любого товароведа (по сути дела, он и предприниматель, и товаровед «в одном флаконе»); во-вторых, старого клиента, часто приезжающего в Пекин, обижать накладно: если ему не удастся сбыть в России свои кофточки-удочки из-за явного брака, то в следующий раз он выставит китайцу претензию, а также может найти себе другого поставщика (благо что таковых просто пруд пруди).

В начале 90-х «челночный» труд был очень тяжел. Торговцы, приобретая товар на рынке, сами отвозили его в дешевую гостиницу (немногим лучше обыкновенного сарая) и забивали свои номера тюками и мешками до потолка. Затем весь этот багаж нужно было довести до вокзала и, преодолев кордоны китайских железнодорожников, закинуть в вагоны... затем, на станции назначения, выгрузить, ну... и так далее, все на своем горбу, на свой собственный страх и риск. Что-то в этом роде (примерно такое же дикое и одиозное) происходит и по сей день при так называемой «приграничной торговле», например, в районе Благовещенска – Суйфэньхэ.

Но «челноки» из крупных городов уже давно не таскают тюков на своей спине, и вообще, как говорится, ничего тяжелее стакана не поднимают. Еще бы, торговец, могущий за один приезд в Пекин закупить товара на двадцать – тридцать тысяч долларов (таких большинство, и это далеко не предел), отправляющий в Россию лифчики и кофточки не мешками, как раньше, а контейнерами, может позволить себе не только безусловный комфорт, но и относительную роскошь.

Собственно говоря, теперь относительно раскрученному «челноку» необходимо только прийти в офис своего китайского партнера, заказать по образцам партию продукции, через пару дней принять ее на оговоренном заранее складе, проверить качество и тут же сдать этот груз своей туристической (она же транспортная) конторе, получив соответствующие бирки. В обмен на эти кусочки картона или бумаги груз будет выдан нашему бизнесмену на другом

складе, уже в Москве или в другом российском (украинском, казахском и т. д. городе). На этом миссия в Китае закончена, можно отправляться куда-нибудь на экскурсию или в кабак пить водку и драться. Большинство наших граждан выбирают последнее.

Итак, масштаб «челночных» торговых операций по сравнению с началом 90-х возрос неимоверно. Многие «челноки» превратились в довольно преуспевающих коммерсантов, открыв в России свои магазины, оптовые фирмы и туристические агентства. И та банка китайской тушенки, в которой вы не нашли ни кусочка мяса, привезена к нам отнюдь не спекулянт-индивидуалом в грязном мешке, а поставлена, скорее всего, вполне респектабельной с виду фирмой. Но при этом она точно так же сделана на китайской фабрике по сугубо индивидуальному заказу, с учетом необходимости свести себестоимость к минимуму. Как говорится, сочетание в бизнесе новых масштабов и старых принципов...

Кстати, а почему торговлей китайскими текстилем, обувью, игрушками и прочими товарами народного потребления занимаются у нас именно «челноки»? В основном потому, что делают они свою прибыль на товаре сезонного спроса и, как никто другой, отлично чувствуют конкретную, сегодняшнюю потребность местного рынка, будь то в Москве или Иркутске, в данной конкретной модели, расцветке или фасоне. Отлично развитое понимание этой самой рыночной потребности, особенностей товара и сверхоперативное реагирование на возникший спрос приводят к тому, что на наших прилавках появляются именно те вещи, которые мы хотим купить здесь и сейчас, при этом – за сравнительно небольшие деньги, даже невзирая на низкое качество (бедность, как известно, не порок). И никакие крупные «конторы» конкуренции в данном секторе им не составят никогда. Ведь, кроме всего чувства рынка, мобильности и оперативной работы, у «челноков» есть и другие козыри. Например, общий объем «челночных» операций – несколько миллиардов долларов в год, а это значит, что торговцы из бывшего СССР своими совместными действиями опустили планку себестоимости отгружаемого им китайского товара до такой отметки, что даже какой-нибудь транснациональной корпорации, задайся она такой целью, не удалось бы сбить цену еще ниже. В общем-то, они сами и есть транснациональная корпорация.

В общем, китайцы на самом деле лишь отчасти виноваты в том, что в вашей новой куртке вместо пуха оказалась бумага, – их можно рассматривать разве что как соучастников бизнеса, все время балансирующего на грани...

Однако все та же пресловутая «собственная гордость» заставляет некоторых торговцев не просто спокойно делать свой гешефт, маленький или уже не очень, но и время от времени и хвастливо повторять: «Мы одеваем всю страну!» – мне приходилось слышать эти сентенции не один и даже не десять раз. В общем и целом здесь есть большая доля правды. Поскольку непрерывными усилиями наших любимых властей с уровнем жизни народа вне пределов нескольких крупных городов и его покупательной способностью происходит сами знаете что, а отечественная легкая промышленность находится сами знаете где, дешевый китайский ширпотреб будет объективно необходим нам вечно...

Бывают, разумеется, и некоторые временные трудности: наше доброе государство никогда не забывало о своем населении, как о незамысловатых представителях «челночного» манки-бизнеса, так и о конечных потребителях привозимых из Поднебесной курток и игрушек, ужесточая таможенные правила (добро бы сами научились кофточку шить) и конфискуя «контрафактный» груз целыми самолетами. Взятки за растаможку взлетели вверх, а в ответ на регулярные конфискации появилась система страхования перевозимого из Китая в Россию «челночного» груза от этого узаконенного грабежа. Как результат – удорожание всех китайских тряпок и тапочек на необъятной территории Руси и... ну в общем, догадаетесь с трех раз, кому в конечном счете стало невесело. Опять же кризис, сокращение объемов продаж... пропитые физиономии «челночных» торговцев, шастающих толпами по пекинскому рынку Ябаолу, приобрели грустное и несвойственное им ранее задумчивое выражение. Да и сами толпы стали пожиже, чем несколько лет назад.

Впрочем, ввиду только что указанных факторов типа полностью сдохшей российской

легкой промышленности нет никаких причин подозревать, что «челночный» бизнес серьезно захиреет и загнетса. Альтернатив китайским товарам в природе пока что не существует (да, к примеру, тайландский текстиль лучше китайского по качеству и очень недорог, но объемы его производства на многие порядки ниже: в пору только самим приодеться да заморских туристов обрадовать...), граждане в нашем климате без одежды никак не могут, а никакой «Газпром» и прочие ТНК тряпьем заниматься в жизни не будут: это гораздо ниже их достоинства.

Однако, как вы догадываетесь, те вещи, что делаются в Китае для России, – лишь малая частичка материальных объектов, создаваемых руками китайского народа. И самый типичный вопрос нашего соотечественника (конечно, не из числа летающих в Милан и Лондон ради шопинга в тамошних бутиках, а нормального человека, сталкивающегося с китайским ширпотребом каждый день): «Неужели в Китае ВСЕ так печально?»...

Нет, не все. «Все» – настолько разнообразно и неоднозначно, что заслуживает как минимум нескольких докторских диссертаций. Но не волнуйтесь, я постараюсь быть предельно лаконичным...

Существует несколько крупных категорий китайских товаров, на которых мне хотелось бы остановиться, а именно:

1. Товары для внутреннего рынка, произведенные китайскими фирмами. Отличительная особенность – в разумном балансе между ценой и качеством. Ключевое слово здесь – «разумном», поскольку эта самая разумность неотъемлема от именно местных, китайских условий. Имеются в виду приемлемая для большинства населения (это самое большинство очень, очень небогато) цена, относительная (часто очень, очень относительная) надежность и, в особенности, ремонтпригодность. Дизайн джинсов, электрочайников, телевизоров, игрушек, мобильных телефонов, сантехники, станков, автомобилей и т. п. по большей части беззастенчиво содран у какого-то чужого дяди, причем сделано это так много раз, что прототип определить удастся далеко не всегда. В процессе производства применяется большое количество ручного труда, сплошь и рядом в целях уменьшения себестоимости используются самые дешевые из доступных материалы, и результат этого, как вы понимаете, не замедляет сказаться...

И вот тут-то начинается самое интересное. Фишка в том, что, когда у новенького велосипеда через пару дней езды на нем отваливается педаль (посколь ку металл говенный и резьба смялась аки пластилин), на следующем перекрестке обнаруживается неременный дедок с тазиком воды для проверки отремонтированных камер, набором отверток и гаечных ключей и насосом, готовый немедленно привести захромавший агрегат в порядок. Причем за символические три копейки. А зачем на каждой улице по десять лавочек ремонта мобильных? Это потому, что далеко не все китайцы пользуются трубками фирмы «Нокия»: свои-то дешевле, но и ломаются чаще... однако и починить их можно тут же, не потратив много времени и средств... Плюс очень, очень много народу находится при деле и оказывается в состоянии заработать себе и на чашку еды, и на новые штаны. Вот в чем та самая упоминавшаяся выше разумность. А чтобы и товары были инновационными, сверхнадежными и высокотехнологичными и одновременно дешевыми, и, самое главное, их распространение не привело к появлению новых толп голодных безработных – такое вряд ли произойдет даже через сто лет. Полтора миллиарда, четверть населен ия Земли...

Использование произведенных сугубо для внутреннего рынка объектов за пределами Китая зачастую лишено всякого смысла именно ввиду отсутствия, неэффективности или дороговизны ремонтной базы. Например, купленный на китайском рынке рюкзак стоимостью десять долларов порвется через неделю, его починка в Китае будет стоить максимум полдоллара, в России – минимум в десять раз дороже. О чем говорит эта простая арифметика, понятно и кошке. А относиться она (арифметика, а не кошка, конечно лее) вполне может и к рюкзаку, и к мобильнику, и к электрогенератору или фрезерному станку китайского производства.

Конечно, есть немалое количество таких артефактов, которым никакой ремонт и обслуживание не нужны по жизни: фарфоровая кружка из китайского магазина стоит, понятное дело, ощутимо дешевле, чем в России, и будет служить, пока вы не запустите ее в ближайшую стенку. Джинсы сугубо местного бренда стоят в несколько раз дешевле «Рэнглера», а носки будут примерно столько же. Но я не о частностях, а об общей закономерности...

2. Товары, сделанные специально для экспорта за границу китайскими фирмами. Базовые подкатегории – «очень хорошее» и «полное говно, но очень дешево». Первое часто делается по лицензии и под полным или частичным контролем иностранного заказчика, придирчиво испытывается и проверяется, стоит для Китая недешево (значительно дороже, чем похожие изделия для внутреннего потребления), но всяко процентов на тридцать-сорок дешевле каких-нибудь американских или немецких аналогов. Зачастую по договоренности с заказчиком собирается почти или полностью только из узлов и деталей (если эти понятия вообще применимы к данному объекту) иностранного производства или известных иностранных марок, сделанных в Китае (благо что этого добра у наших соседей навалом).

Второе производится опять же в полном соответствии с требованиями покупателя. Правда, в данном случае основное требование только одно – уложиться в определенную, обычно очень низкую отпускную цену. Как вы уже поняли, ширпотреб для России входит именно в эту подкатегорию, но не является единственной ее составляющей. Что отчасти приятно. На широких просторах Поднебесной пасутся и стада закупщиков из таких экзотических и недоразвитых мест, как Бангладеш, Шри-Ланка, некоторые страны Латинской Америки и т. п., причем по таким ценам, которые требуют эти ушлые и неплатежеспособные ребята, сегодня соглашаются что-либо производить уже даже далеко не все китайские фирмы. Говорят, своя репутация дороже. А если китайский производитель заговорил о репутации, значит, от данной работы он не видит даже мизерной прибыли... Но свято место пусто не бывает, и всегда есть кто-то, у кого находятся для дорогого клиента еще более жидкие гайки, гнилые нитки, дешевая краска и низкий ценник...

Что очень забавно (а человек дотоле несведущий часто повергается этой новостью в состояние шока), изделия первой и второй подкатегорий вполне могут изготавливаться на одном и том же заводе одними и теми же рабочими. Так что клиент и его желания в Китае поистине превыше всего.

Бывает, конечно, и нечто промежуточное между этими двумя подкатегориями. Например, недавно мне срочно понадобилась ножовка по дереву (старую отдал приятелю попользоваться), и в ближайшем магазине, не блещущем обилием ассортимента, был приобретен китайский инструмент... признаюсь, меня подкупила именно его цена (пила стоила примерно столько же, сколько немецкая), выглядела и была упакована очень прилично... В общем, как говорит китайская же поговорка, «и обезьяна падает с дерева». Можете представить себе нормальную на вид и на ощупь ножовку, упорно дающую патологически кривой пропил? В течение ближайших часов я с немалым удивлением убедился в том, что сие произведение китайского искусства именно так себя и ведет. Я бился и старался изо всех сил и в конце концов даже усомнился в своих пилительных способностях и навыках (в конце концов, я гуманитарий, пусть и с разрядом слесаря механосборочных работ, а не столяр или плотник). Неуверенность переросла чуть ли не в панику, заставив меня на следующий же день отправиться на поиски немецкой пилы и решительно разобраться в том, кто же из нас виноват – я или железо...

...«Жжжик!» – сказала добрая немецкая пила, положив конец моим сомнениям. «Дзиннн!» – сказала через полчаса китайская пила, ударившись о стенку мусорного бака ближайшей помойке... А что сказал я, догадайтесь сами.

Условия производства всех этих маленьких и больших материальных объектов,

упомянутых выше, бывают настолько разными и порой так визуально не соответствуют характеру и качеству выпускаемой продукции, что у человека неискушенного при первом визите на китайский завод челюсть иногда отвисает до пола. Что очень забавно наблюдать со стороны. Это случается, к примеру, когда он (неискушенный то есть) обнаруживает, что супер-пупер-качественные, цветные-блестящие-хорошенькие измерители артериального давления (да-да, именно те, которые вы можете купить в ближайшей аптеке) собираются отнюдь не стерильными добрыми ангелами в белых халатах и в «clean room»-ах, а замызганными сопливыми кули на грязном полу продуваемого всеми окрестными ветрами бетонного сарая... В маленьких раздолбанных фанзах посреди бескрайних кукурузных полей опять же прямо на полу среди разлитого машинного масла вполне может производиться вполне приличное по качеству электрооборудование, идущее на экспорт, причем не только в Бангладеш... Правда, в этом случае хозяева фанз всегда поют для утешения гостей (и себя) красивую песню в духе «ах, как стыдно – но не переживайте – в прошлом году мы купили в соседнем уезде четыре квадратных километра земли – и готовимся вложить сто миллионов долларов в строительство нового завода – бла-бла-бла...». Кто не кивает согласно головой – становится на всю жизнь врагом китайского народа.

... Вместе с тем большие, чистые, сверкающие свежей краской и сертифицированные по всяким разным ИСО китайские заводы должны бы по идее стать лицом китайской экономической реформы, но частенько производят на свет божий нечто такое, чему прямая дорога только на ближайшую свалку; один из самых тому типичных примеров – китайский автомобиль...

Я имею в виду, конечно, не «Ауди», «Ниссаны» и «Мазды», собранные на соответствующих заводах Поднебесной, а «собственную гордость» наших соседей – те автомобильные марки, которые почитаются китайцами как свои национальные бренды. Разумеется, цинично украденный у приличных фирм дизайн этих повозок, невысокая на первый взгляд цена и наглое рекламное вранье по поводу их (повозок) достоинств отчасти помогают китайской автопродукции найти своего потребителя, наивного Чебурашку, решившего сэкономить денежку и ездить на красивом новом автомобиле. Цена глупого решения приобрести китайскую колымагу обычно либо высока (автомобиль не велосипед, ежедневная замена запчастей (недешевых) влетает в изрядную копеечку), либо очень высока: в результате любого честного краш-теста даже солидные на вид крупные китайские внедорожники мнутся как фольга. Их прочность, если не ошибаюсь, находится где-то примерно на уровне нашей родной «Оки», ласково именуемой в народе «капсулой смерти», а про обычные седаны и говорить нечего... Странно выглядят субъекты, не покупающие детям «некачественные» китайские игрушки, но при этом каждый день упорно рискующие жизнью, садясь за руль китайского авто.

Сами китайцы, как говорилось уже не раз, – знатные прагматики, поэтому желающих поездить на производстве своего отечественного автопрома в пропорциональном отношении среди них находится ох как немного. Примечательно, что на сайтах китайских автолюбителей практически не встретишь постов в защиту родных автошедевров (в отличие от России, где всегда находятся поборники и радетели отечественных ведер и тазиков, вечно пытающиеся доказать преимущества машины, которая уже лет двадцать как должна бы быть снята ко всем чертям с производства). По последним данным статистики и визуального наблюдения на улицах Китая (одна китайская машина примерно на тридцать собранных в КНР автомобилей иностранных марок), судьба продаж самодвижущихся аппаратов по имени «Цижуй» и «Бияди» («как вы яхту назовете, так она и поплывет», мне вот особенно последнее наименование нравится, а вам?) в самом Китае незавидна. Неудивительно, что этот хлам (под другими, несколько более благозвучными названиями) активно проталкивается на российский и прочие недоразвитые рынки. Думается, что прогнозам некоторых неумеренных оптимистов насчет того, что «вот пройдет десять лет – и китайский автопром догонит и переплюнет иностранцев», не суждено сбыться никогда. Причина здесь

простая – китайский автомобиль (как и абсолютно любая сделанная в Китае машина или механизм) не содержит совершенно никаких технических идей и решений, включая внутреннее содержание и внешнюю форму, которые были бы созданы самими китайцами. Все либо куплено по лицензионным соглашениям, либо (гораздо чаще) нагло и бесцеремонно украдено где только можно за границей.

Да, есть точность и логика в китайской поговорке: «Умный придумывает, а гений – крадет». Однако решительно невозможно украсть что-либо еще до того, как это придумают за тебя...

3. Товары, сделанные известными (как вариант – очень известными, не очень известными, неизвестными неспециалисту) иностранными фирмами в Китае. Как все знают, за годы китайских экономических реформ в этой стране появилось астрономическое количество заморских инвесторов, было открыто и заработало множество чисто иностранных и совместных предприятий. А поскольку правительство КНР, в отличие от некоторых других стран, а) имеет значительное количество мозгов и б) думает не только категориями «нефть-откат-взятка-куршавель-омон-дубинка», и поэтому: в) создало для иностранцев необходимый инвестиционный климат, вся эта система здорово отлажена и производит в настоящий момент все что душе угодно.

Данная продукция по большей части вполне надежна, и разговоры о якобы более низком качестве сделанных в Китае кроссовок «Адидас» и видеокамер «Сони» по сравнению с теми же предметами, созданными в другой точке планеты, я лично считаю глупыми байками. За счет использования относительно дешевой рабочей силы, либеральной экономической политики государства, развитой логистики, невысоких накладных расходов и т. д. и т. п. «брендовые» вещи китайского производства несколько (но не в разы, как до сих пор думают некоторые российские недотепы, где-то что-то услышавшие и сломя голову бегущие в Китай, «пока халява не кончилась») дешевле зарубежных аналогов. Понятно, что в тех случаях, когда имеются в виду не готовые изделия вроде мобильных телефонов, а детали, узлы и агрегаты типа насосов, датчиков, компрессоров, пультов и т. п., в свою очередь встраиваемые в готовые изделия производства уже чисто китайских фирм, это дает последним отличную возможность сделать относительно надежный и конкурентоспособный по цене продукт и с выгодой продать его за границу. Внутренний же рынок старается зачастую обойтись оборудованием с минимальным (или, по крайней мере, не особенно значительным) содержанием «брендовых» компонентов, относящимся к категории номер 1 (см. выше). Поскольку цена ниже и отремонтировать при любом раскладе не проблема.

Сентенция выше относится, как вы догадались, большей частью к промышляющему оборудованию. Что же до готовых фирменных ТНП вроде телевизоров, автомобилей и кондиционеров, то они отправляются как за границу, так и на внутрикитайский рынок без каких-либо дополнительных адаптаций и трансформаций; единственная разница – в том, на каком языке напечатана инструкция и надписи на упаковке...

4. Товары, сделанные для полных идиотов теми, кто предпочитает никаким образом, не раскрывать никому никогда никаких сведений о себе и вечно оставаться инкогнито. Имеются в виду, понятное дело, всяческие и разнообразные подделки знаменитых брендов. У человека, проболтавшегося в Китае хотя бы с неделю, долго еще звенят в ушах истошные вопли рыночных торговцев (и просто всяких уличных зазывал и разнообразных проходимцев): «Гуччи!», «Паркер!», «Айфон!», «Сони Пи-Эс-Пи!» и еще много подобных громких марок...

Каким ишаком нужно быть, чтобы вообразить себе, что «айфон» стоимостью меньше сотни долларов проработает больше одной недели? Что и наручные часы с надписью «Ролекс», приобретенные за пять долларов, способны поразить чье-то воображение? (Да ладно, фиг там с этим воображением... ну проработать хотя бы год?) Что в горнолыжной якобы мембранной куртке «Норт Фэйс» за пятнадцать долларов так же хорошо и уютно, как в настоящей? Вы не поверите, но ишаков на планете гораздо больше, чем вы только что

подумали: китайские подделки не только бойко сбываются на соответствующих рынках крупных городов КНР, но и вывозятся в немалых количествах за границу, чтобы обрадовать (на пару дней, пока не пришлось отправить только что приобретенный артефакт ввиду его безнадежной поломки в мусорное ведро) тамошнего тщеславного потребителя.

Забавно, что самыми рьяными покупателями «фэйков» в Китае, особенно фальшивой одежды и сумок, являются граждане тех стран, которые наиболее активно борются с «пиратством» и подделками, типа американцев и итальянцев. С радостным клекотом, немедленно и напрочь забыв про все нарушения коп ирайта, Женевской, Гаагской и прочих конвенций, налетают они на фальшивые «фирменные» товары, слезы восторга текут у них, когда, увешанные до зубов сумками и баулами, они покидают вещевой рынок Пекина или Шанхая, провожаемые глумливыми ухмылками торговцев и криками «бай-бай».

Между прочим, та самая поговорка, что «на копейку денег – копеечный товар», работает и в случае с подделками. «Ролекс» за тридцать долларов уже куда как лучше смотрится, чем за пять, а «Паркером» за три доллара можно будет писать на пару дней дольше, чем за два. За хорошие деньги качество «фэйка» (конечно, не имеются в виду сложные электронные приборы типа мобильного или игровой приставки) может быть настолько изумительным, что... Что верные и богатенькие поклонники бутиков с настоящими трусами от «Труссарди», возможно, сильно огорчились бы, узнай они, где на самом деле сшиты их очень дорогие и точно уж настоящие («нет-нет, в этом магазине не может быть ничего фальшивого! Потому что не может быть никогда! Потому что за такие деньги никто нам фальшивку продавать не будет!»). Ага-ага, если уж китайские мастера умудряются подделать (и застарить так, что комар носу не подточит и радиоуглеродный анализ ничего не выявит) даже скифское золото, неужели уж трусы-то с сумками-то не смогут?

А впрочем, как говорят китайцы, «гэ ю со хао» («у всех свои склонности»). Кому-то нужен «Ролекс» не дороже пяти долларов, кому-то трусы обязательно не дешевле пятисот. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не вешалось...

Классификация, конечно, беглая и весьма условная, поскольку вышеназванные категории вполне могут взаимно пересекаться, взаимно дополняться и делиться на более узкие секторы. Но в общем и целом – как-то вот этак...

К настоящему моменту китайцы доказали свое несомненное мастерство в области копирования, заимствования и подделки чужих идей, решений, технологий и дизайна; я думаю, что с полным основанием можно отдать им в этой области мировую пальму первенства. Корни этого высокого мастерства (без особого стеба, поскольку на коленке сделать копию «Феррари», а такой случай в Китае недавно был на самом деле, – согласитесь, непросто) уходят в глубокую древность и в самые недра китайской культуры. В силу ограниченного формата данной книги я не намерен глубоко вдаваться в философию этого явления, но вкратце замечу, что эти самые корни есть, в частности, и в конфуцианской идеологии, и в базировавшейся на ней традиционной системе образования. Впрочем, надеюсь, что мы с вами на эту тему еще поговорим.

Об этих же самых причинах и корнях необходимо помнить, обдумывая еще один важный вопрос, связанный с производством материальных объектов в Китае (да, прежде всего я имею в виду товары разнообразных видов и категорий промышленности, но и к произведениям культуры это тоже не в последнюю очередь относится). Многие спрашивают: а насколько китайцы креативны? Насколько способны к изобретению принципиально нового? Китай бурно развивается... но превратится ли он из так называемой «мировой фабрики» в мировой центр инноваций? Я лично думаю, что нет. Поскольку для этого нужно быть умной нацией, а китайцы, по крайней мере в этом отношении, нация гениальная. В полном соответствии со своей же народной поговоркой.

Послесловие

На этом я хотел бы поставить многоточие. Возможно, вы согласны далеко не со всем, что прочитали на этих страницах. Кто знает, может быть, вы по-прежнему хотите представлять себе Китай как волшебную страну мудрых даосов и конфуцианцев, непобедимых мастеров боевых искусств и красочных старинных церемоний, резных пагод и сказочных утонченных красавиц. Ну что же, любой, даже самый шоколадно-карамельный образ имеет право на существование. Предупреждаю, однако, что и дальше буду стараться рассказывать вам только правду и ничего кроме правды. Так что берегитесь: за сохранность вашей башни из слоновой кости и молочных рек в кисельных берегах не отвечаю...

Можете не сомневаться: актуальных, интересных, забавных, прикольных тем, связанных с Китаем и его обитателями, еще очень, очень много – ведь фактически мы с вами стоим на берегу по-настоящему безбрежного океана. И если вы недовольны тем, что не удалось в этот раз прочитать ничего о китайской медицине, китайской бане, китайском сексе, китайских городских и голубых и еще многих, многих предметах, – я, конечно же, искренне прошу за это прощения: все же автор всегда изрядно ограничен заданным ему форматом книги. Ни в коем случае не расстраивайтесь, ведь мы с вами обязательно встретимся, и не раз. Поскольку истории еще далеко не закончились...

Искренне ваш

Виктор Ульяненко